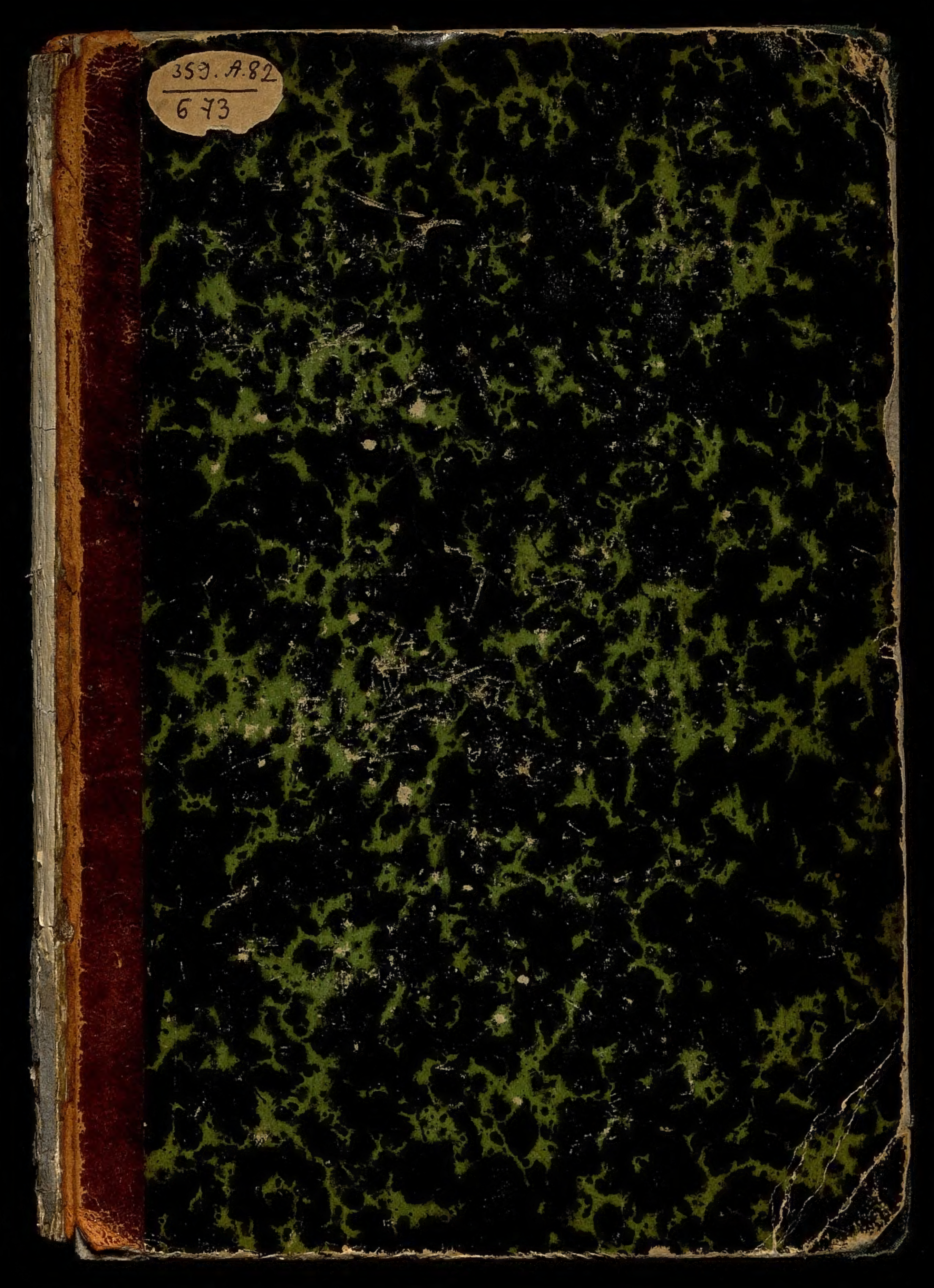
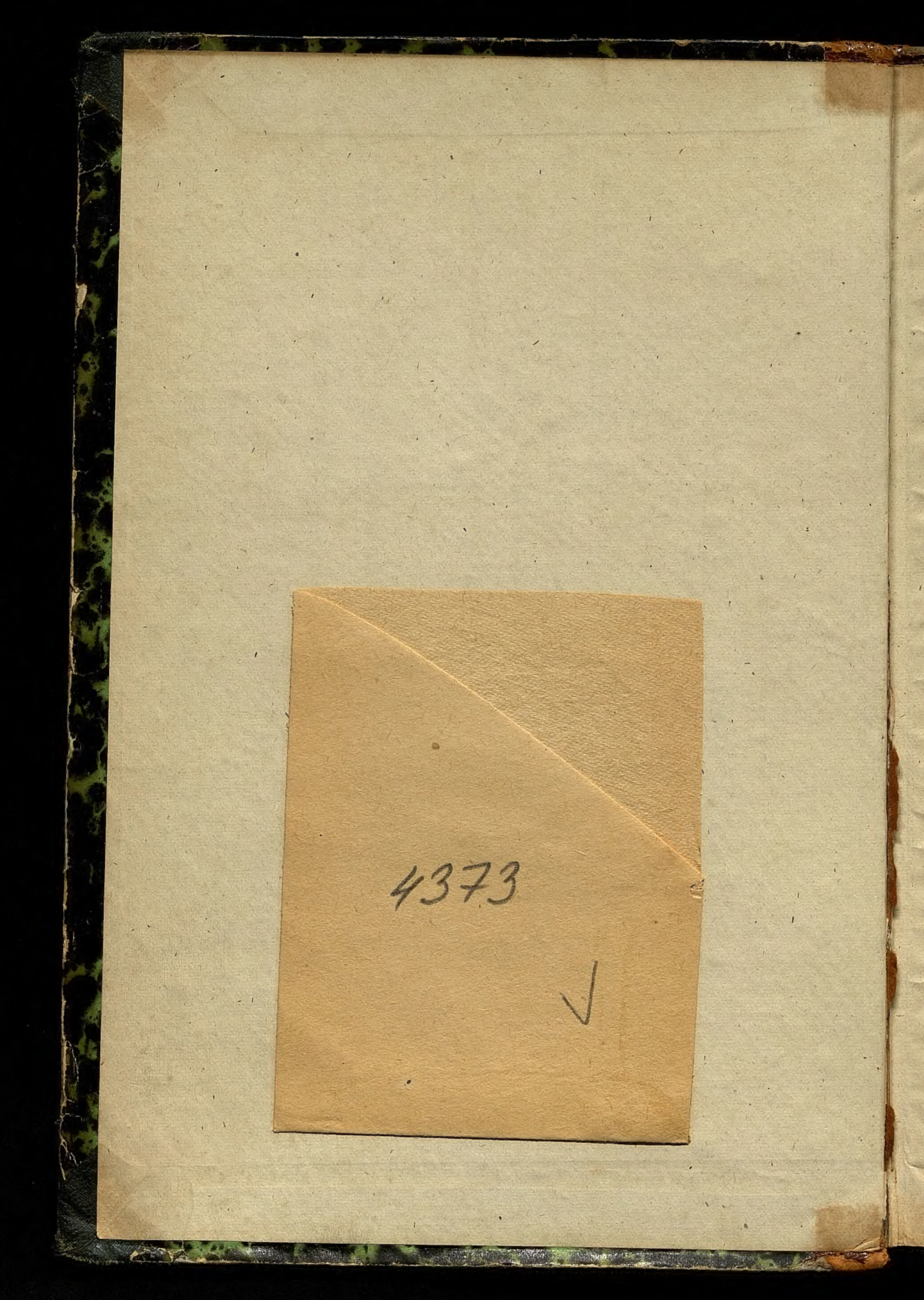

359. A. 82
673


4373

СИНОПЪ

18 ноября 1853 года.

Въ пользу вдовъ и сиротъ матросовъ, убитыхъ въ русско-турецкую войну 1877 года.

Е. В. Богдановича.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 ноября 1878 года.

С. Петерб. 1878 г. Типогр. В. Киршбаума, въ д. Министер. Фин., на Дворц. площ.

Годъ назадъ, по случаю празднованія полувѣковой годовщины Наваринскаго сраженія, я издалъ историческій очеркъ этого великаго военнаго подвига, покрывшаго безсмертною славою нашъ Балтійскій флотъ. Лестное вниманіе, оказанное публикою моей книгѣ: „Наваринъ, 1827—1877", — вниманіе, вызванное, конечно, не внутренними достоинствами моего труда, а живымъ интересомъ этого знаменательнаго для русской доблести событія — внушаетъ мнѣ смѣлую мысль, къ предстоящему чествованію 25-ти лѣтней годовщины Синопскаго боя, напомнить русскому обществу, въ бѣгломъ очеркѣ, геройскіе подвиги и дорогія намъ имена приснопамятнаго дѣла, совершеннаго подъ Синопомъ богатырями-Черноморцами.

Приступивъ къ осуществленію этой мысли, я не сомнѣвался, что животрепещущій, глубокій интересъ самаго событія, памятнаго еще для многихъ изъ насъ, поможетъ и теперь моему слабому труду. Тѣмъ не менѣе, выпуская въ свѣтъ этотъ новый очеркъ и являясь передъ русскою публикою какъ бы толкователемъ двухъ самыхъ блестящихъ страницъ изъ лѣтописи нашего флота, я нахожусь вынужденнымъ, въ

предупрежденіе возможнаго о томъ вопроса, объяснить: что именно побуждаетъ меня и, пожалуй, даетъ нѣкоторое право мнѣ въ настоящее время, даже не моряку,—говорить о морскихъ дѣлахъ.

Да извинитъ мнѣ читатель, по этому случаю, нѣсколько личныхъ воспоминаній.

Я началъ свою службу во флотѣ и съ нимъ неразрывно связаны мои самыя свѣтлыя воспоминанія юности. При безсмертномъ воспитателѣ цѣлаго поколѣнія образцовыхъ моряковъ — Михаилѣ Петровичѣ Лазаревѣ—на шкунѣ „Ласточка", на фрегатѣ „Мессемврія", на кораблѣ „Три Святителя" я имѣлъ счастіе служить подъ начальствомъ и въ средѣ героевъ Наварина и будущихъ сподвижниковъ Синопа. На „Трехъ Святителяхъ" моимъ капитаномъ былъ, нынѣ генералъ-адъютантъ, адмиралъ Ѳедоръ Михайловичъ Новосильскій. Еще раньше, на кораблѣ „Память Азова", сооруженнаго въ увѣковѣченіе имени русскаго флагманскаго корабля въ Наваринскомъ сраженіи, удостоился я чести служить подъ начальствомъ Главнаго командира Ревельскаго порта графа Логина Петровича Гейдена — этого доблестнаго вождя русской эскадры въ Наваринскомъ боѣ.

Плеяда славныхъ черноморскихъ именъ дѣйствовала чрезвычайно обаятельно на тогдашнюю флотскую молодежь. Со свойственною однимъ юношамъ впечатлительностію, мы проникались какимъ-то святымъ трепетомъ при разсказахъ о подвигахъ нашихъ любимцевъ, воодушевлялись славою Грейговъ, Гейденовъ, Лазаревыхъ, Казарскихъ... Нахимовъ и Корниловъ были живыми идолами молодежи! А какъ любили мы ходить съ ними въ крейсерскія плаванія по Черному морю. Здѣсь я испыталъ разрушительное неистовство зимней черноморской „боры", упоминаемой въ моей книгѣ. Въ одно изъ такихъ плаваній, мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ разсказаннаго въ этой же книгѣ столкновенія между нашими кораблями „Адріанополь" и „Силистрія", при которомъ Нахимовъ обнаружилъ столь поразительное безстрашіе.

Всѣ эти впечатлѣнія юности сроднили меня съ семьею нашихъ моряковъ. Къ несчастію моему, я скоро былъ оторванъ отъ этой

родной мнѣ семьи: на то была причина непреоборимая... Но судьбѣ угодно было, чтобы и послѣ этого я оставался въ близкомъ соприкосновенiи къ событiямъ, бывшимъ въ неразрывной исторической связи съ громовою лебединою пѣснею нашего Черноморскаго флота, съ вѣчно-славнымъ Синопомъ.

Разставшись съ флотомъ, я продолжалъ службу на Черноморскомъ побережьи, въ должности адъютанта при Новороссiйскомъ генералъ-губернаторѣ.

Взрывомъ восторга привѣтствовала 22-го ноября 1853-го года вся Одесса извѣстiе о Синопской побѣдѣ.

Тогда же начальникъ мой потребовалъ меня къ себѣ и сказалъ: „Поѣзжайте сейчасъ въ Хотинъ, въ распоряженiе генералъ-адъ„ютанта Сакена. Онъ проситъ моего содѣйствiя къ неотлага„тельной переправѣ его корпуса чрезъ Днѣстръ. Переправа эта „теперь опасна. Не теряйте ни минуты, тѣмъ болѣе, что вамъ „нужно скорѣе порадовать Дмитрiя Ерофеевича съ Синопскою „побѣдою. Разскажите ему—какой праздникъ въ Одессѣ!!"

Къ Государю Императору помчался съ реляцiею о Синопской побѣдѣ адъютантъ князя Меншикова, полковникъ Сколковъ.

Въ то самое время, когда Сколковъ имѣлъ счастiе въ Зимнемъ дворцѣ порадовать Царя побѣдною вѣстью и былъ носимъ на рукахъ въ чертогахъ Сѣверной Пальмиры, — на берегу Днѣстра, въ затерянной въ невылазной грязи, дымной и темной избушкѣ, я представился сидѣвшему на лавкѣ, подъ образами, знаменитому командиру 3 корпуса, Дмитрiю Ерофеевичу Сакену.

Помню хорошо, какъ заслуженнаго старца удивила техническая точность передаваемыхъ мною подробностей Синопской побѣды. Узнавъ, что я бывшiй морякъ, онъ съ интересомъ распрашивалъ меня о подробностяхъ славнаго дѣла.

На Днѣстрѣ я былъ задержанъ двумя порученiями. Препятствiемъ къ переправѣ войскъ чрезъ Днѣстръ оказывался сильный ледоходъ, недопускавшiй переправы ни по льду, ни на лодкахъ. При помощи собранныхъ мною въ одни сутки тысячи рабочихъ, мнѣ удалось преодолѣть это препятствiе, а въ теченiи пяти дней весь корпусъ былъ переправленъ. Довольный этимъ успѣхомъ, въ виду

затрудненій, предстоявшихъ третьему корпусу въ Бессарабіи, генералъ-адъютантъ Сакенъ оставилъ меня при себѣ.

Между тѣмъ враждебное положеніе, неожиданно принятое относительно Россіи вѣнскимъ кабинетомъ, побудило фельдмаршала князя Паскевича обезпечить сообщенія на случай внезапнаго вторженія австрійскихъ войскъ). Въ этихъ видахъ мнѣ была поручена постройка моста чрезъ Днѣстръ. Донести генералъ-адъютанту Сакену объ исполненномъ мною сооруженіи моста мнѣ пришлось уже въ Одессѣ, гдѣ въ то время находился Дмитрій Ерофеевичъ.*

Я пріѣхалъ въ Одессу 10-го апрѣля, въ 4 часа утра, въ первый день Пасхи; Дмитрій Ерофеевичъ, какъ и весь городъ, былъ въ Соборѣ, гдѣ преосвященный Инокентій только-что произнесъ свою знаменитую проповѣдь. Предъ входомъ на рейдъ, сквозь тучу бѣлаго дыма, безпрестанно разрываемую сверкавшими молніями пушечныхъ выстрѣловъ, виднѣлась эскадра Дундаса. Весь городъ, сама земля, дрожали отъ перекатовъ грома орудій. На концѣ Одесскаго молла, съ четырьмя орудіями, Щеголевъ геройски огрызался противъ 3,000 огненныхъ жерлъ непріятельскаго флота.

*Вскорѣ Д. Е. Сакена замѣнилъ въ Одессѣ генералъ-адъютантъ Николай Николаевичъ Анненковъ. Двадцать дней послѣ вопіющаго бомбардированія, жители Одессы снова были встревожены пушечными выстрѣлами. Николай Николаевичъ послалъ меня развѣдать— въ чемъ дѣло. Не вытерпѣвъ однако, онъ самъ поспѣшилъ за мною. Оказалось, что это была катастрофа, постигшая англійскій военный пароходъ „Тигръ". Я присутствовалъ при канонадѣ и имѣлъ по-истинѣ патріотическое наслажденіе видѣть, какъ—въ противоположность безстрашію, съ какимъ поступила наша „Колхида", передъ укрѣпившимися на посту Св. Николая Турками—англійскій „Тигръ" спустилъ флагъ **). Мнѣ же довелось сопровождать въ Одесскій карантинъ раненаго ядромъ въ ногу командира „Тигра".*

**) Съ этою цѣлью фельдмаршалъ присылалъ въ Одессу своего бывшаго адъютанта, капитана (нынѣ генералъ-адъютанта) А. Л. Потапова для собранія свѣдѣній о способахъ къ успѣшному выполненію этаго важнаго предположенія въ возможно-скоромъ времени.*

***) См. главу III.*

Я намѣтилъ здѣсь главнѣйшія изъ тѣхъ великихъ событій, которыхъ былъ очевидцемъ, болѣе или менѣе близко прикосновеннымъ къ дѣлу.

Четверть-вѣковая годовщина Синопа естественно оживила во мнѣ всѣ эти святыя воспоминанія, всѣ эти неизгладимыя впечатлѣнія молодости. Тѣни Лазарева, Нахимова, Корнилова, тѣни моихъ двухъ родныхъ братьевъ и товарищей, сложившихъ голову на Севастопольскихъ бастіонахъ, стоятъ предо мною во всей ихъ обаятельной величавости...

Въ этомъ — мое скромное право напомнить русской публикѣ безсмертные подвиги Синопа.

Е. Богдановичъ.

С.-Петербургъ, 8-го ноября 1878 г.

I.

„Съ удовольствіемъ вижу, что Чесма не забывается въ русскомъ флотѣ и что правнуки достойны своихъ прадѣдовъ“.

(Слова, произнесенныя Императоромъ Николаемъ Павловичемъ при полученіи извѣстія объ истребленіи Турецкой эскадры на Синопскомъ рейдѣ).

Наваринъ и Синопъ! Какія славныя воспоминанія приходится праздновать Россіи два года сряду! Но, слава Богу!—какая огромная разница между положеніями, въ какихъ застаютъ насъ эти двѣ великія годовщины! Въ прошломъ году, 8 октября, полувѣковое чествованіе Наварина совпало съ самою подавляющею, самою томительною эпохой кроваваго плевненскаго терпѣнія; въ настоящемъ году, 18 ноября, четвертьвѣковая годовщина Синопа застаетъ Россію радостно привѣтствующею возвращеніе своихъ побѣдоносныхъ сыновъ изъ освобожденной ими Болгаріи. И тогда, какъ и нынѣ, помпнъ русскихъ побѣдъ былъ для народа духовнымъ ободреніемъ къ настойчивому слѣдованію по пути, открытому Державнымъ Хозяиномъ русской земли. Въ прошломъ году, этотъ побѣдный поминъ былъ предвѣстіемъ небывалыхъ въ исторіи подвиговъ, быстро водрузившихъ наши знамена подъ стѣнами самаго Царьграда. Не посулитъ ли Провидѣніе и Синопской годовщинѣ послужить такимъ же благодатнымъ предвѣстіемъ новаго для Россіи успѣха, новаго счастія?...

Въ лѣтописяхъ нашего флота Наваринъ и Синопъ — отецъ и сынъ по наслѣдству великихъ преданій. Исторія устанавливаетъ между ними неразрывную связь. „Плодами Наваринскаго боя“, высказалъ

въ прошломъ году, при праздновании Наваринскаго юбилея, Генералъ-Адмиралъ русскаго флота—„были: Синопское сраженіе и Севастополь. „Нынѣ, когда наши молодые моряки отправлялись на Дунай, мы выра-„жали надежду, что они будутъ достойны своихъ предшественниковъ: „Севастопольцевъ и Синопцевъ. Въ свою очередь, когда Синопцы вы-„ходили въ море, ихъ провожали желаніемъ сдѣлаться достойными „предшественниковъ Наваринцевъ. Вѣроятно и вамъ, господа На-„варинцы, желали быть достойными Синявинцевъ,—а имъ—Ека-„терининскихъ моряковъ. Такимъ образомъ можно дойти и до „начала нашего флота, т. е. до Петра Великаго. Это доказываетъ „присутствіе въ нашемъ флотѣ преданій, которыми созидаются духъ „и нравственная сила. Настоящее поколѣніе доказало своими под-„вигами на Дунаѣ и въ Черномъ морѣ, что этотъ духъ славныхъ „преданій живъ до сихъ поръ въ семьѣ нашихъ моряковъ и свято „сохраняется ими“...

Русскія преданія 1853 года славны не однимъ Синопомъ. Ихъ обезсмертили также блестящіе бои фрегата *Флоры* (к. л. Скоробогатовъ) и пароходовъ *Колхида* (к. л. Кузьмицкій) и *Владиміръ* (к. л. Г. И. Бутаковъ), битва нашей рѣчной флотиліи съ крѣпостью Исакчи (к. л. Варпаховскій); на сухомъ пути они внесли въ скрижали исторіи имена Ахалцыха, Башъ-Кадыклара, Четати и др. Изъ всѣхъ этихъ именъ особенно выдаются Синопъ и Башъ-Кадыкларъ. 18 ноября истребленъ турецкій флотъ, 19 ноября разгромлена анатолійская армія. Но на сухомъ пути, въ Малой Азіи, мы не располагали въ то время достаточными силами, чтобы завершить побѣду завладѣніемъ Карса. Между тѣмъ, Синопскимъ пожаромъ не только наше Черноморское Кавказское побережье освободилось отъ всякой опасности, но и все Черное море было очищено отъ непріятельскаго занятія и нашему флоту, казалось, открывался доступъ въ самый Босфоръ, подъ самыя стѣны Царьграда...

Таково значеніе Синопской побѣды. Но кому неизвѣстно, что именно это великое значеніе ея и было причиной послѣдовавшихъ за нею годинъ

бѣдствія. Башъ-Кадыкларскій бой прошелъ для Европы безслѣдно,— Синопскій погромъ возбудилъ ея зависть и своекорыстныя опасенія. Послуживъ поводомъ къ распространенію на значительную часть Европы начатаго между Россіей и Турціей поединка, Синопъ оказался *великимъ историческимъ* событіемъ. И въ основаніи этого факта лежала не одна турецкая ложь, извращавшая предъ Европою значеніе всѣхъ прочихъ нашихъ побѣдъ, исказившая значеніе Башъ-Кадыклара, закидавшая грязью безсмертный подвигъ Тобольскаго пѣхотнаго полка съ его доблестнымъ командиромъ, полковникомъ А. К. Баумгартеномъ, при Четати,—но неимѣвшая ни возможности, ни интереса скрывать отъ Европы значеніе Синопа.

Чтобы выяснить себѣ то громадное значеніе, какое получилъ Синопскій погромъ въ лѣтописяхъ всемірной исторіи, необходимо прослѣдить въ общихъ чертахъ событія, ему предшествовавшія. Этимъ же нагляднымъ обозрѣніемъ выяснится: не только *кто* именно,— Императоръ Николай Павловичъ или его западные враги,—вызвалъ войну съ 1853 по 1856 годъ, но и какая именно изъ великихъ державъ — Франція или Англія — имѣетъ на Востокѣ интересы, существенно противоположные интересамъ Россіи, и должна считаться настоящимъ врагомъ ея—врагомъ, съ которымъ немыслимо никакое соглашеніе иначе, какъ силою оружія.

Разъясненіе этихъ трехъ задачъ требуетъ обзора дипломатическихъ переговоровъ, предшествовавшихъ войнѣ...

И тутъ опять, даже въ области политики, оказывается неразрывная связь двухъ блестящихъ страницъ въ лѣтописи нашего флота— Наварина и Синопа. Въ общественномъ мнѣніи Англіи Наваринъ явился первымъ по времени толчкомъ, который, подъ вліяніемъ двадцатишестилѣтнихъ возбужденій, разразился неудержимымъ взрывомъ по поводу Синопа. Съ другой стороны, какъ Навариномъ, такъ и Синопомъ была сорвана съ цѣлой Европы личина притворной дружбы къ Россіи и оба эти подвига нашего флота послужили

сигналомъ внезапнаго поворота въ отношеніяхъ западныхъ державъ къ намъ. Хотя ослѣпленные тщеславіемъ Англичане и Французы и приписывали себѣ главную роль въ Наваринской побѣдѣ, тѣмъ не менѣе, вскорѣ послѣ Наварина, въ Англіи стали обнаруживаться первые признаки опасеній на счетъ боевой силы русскаго флота, какъ будущаго соперника Англичанъ на восточной окраинѣ бассейна Средиземнаго моря, то есть именно на той окраинѣ его, которая омываетъ Египетское побережье, столь драгоцѣнное для торговыхъ интересовъ современныхъ Кароагенянъ. Если самъ по себѣ, русскій флотъ и не могъ казаться прямою угрозою для громадныхъ морскихъ силъ Великобританіи, то у Англичанъ были еще свѣжи въ памяти воспоминанія Трафальгара, когда для Франціи достаточно было союза даже съ Испаніей, чтобы заставить Англію сосредоточить всѣ громадныя силы ея подъ начальствомъ величайшаго изъ ея морскихъ геніевъ, Нельсона, для предотвращенія опасности, грозившей ея преобладанію въ Средиземномъ морѣ.

Тревожныя на этотъ счетъ опасенія были вызваны въ Англіи шесть лѣтъ спустя послѣ Наварина, когда нашъ грозный флотъ, вдругъ высадившій на берегахъ Босфора цѣлую пѣхотную дивизію съ ея артиллеріею, доказалъ, что мощною рукой Грейга и Лазарева въ Севастополѣ уже была создана поистинѣ грозная боевая морская сила. Англія состояла въ то время въ самыхъ лучшихъ къ намъ отношеніяхъ; Россія была тогда даже союзницей Англіи и вмѣстѣ съ нею подвизалась на защиту Оттоманской Порты противъ завоеваній креатуры Франціи, египетскаго паши, Мехмеда-Али; нашимъ заступничествомъ Порта была спасена отъ гибели, казавшейся неизбѣжною; при всемъ томъ, чуткій британецъ не могъ не задать себѣ вопроса: чтó было бы съ преобладаніемъ Англіи въ Средиземномъ морѣ еслибъ въ этомъ случаѣ были извращены политическія роли и Россія оказалась бы союзницей Франціи? Съ другой стороны, при этомъ невольно возникала мысль о возможности союза Россіи противъ Англіи не только съ

Франціею, но съ самой Турціею, и открытія послѣднею доступа нашему флоту въ Эгейское море.

Такимъ образомъ, для завистливыхъ Англичанъ появленіе русскаго флота на Босфорѣ послужило указаніемъ на необходимость новыхъ политическихъ задачъ въ Константинополѣ. Задачи эти требовали, чтобы Англія въ одинаковой мѣрѣ заботилась о предотвращеніи опасностей, грозящихъ ея интересамъ, и въ случаѣ установленія дружественнаго союза между Россіею и Турціею, и въ случаѣ войны между ними. Для первой изъ этихъ альтернативъ, Англіи не оставалось ничего другаго, какъ при помощи зоркой и предвзято враждебной намъ дипломатіи оспоривать въ Константинополѣ политическое вліяніе Россіи и постоянно возбуждать противъ нея недовѣріе и опасеніе Порты, въ случаѣ надобности даже побуждать послѣднюю къ явному разрыву съ Россіею; что же касается послѣдней альтернативы, то, для избѣжанія непосредственнаго столкновенія своего съ нами Англія увидѣла необходимость, хотя бы цѣною значительныхъ затратъ, создать для Турціи самостоятельную морскую боевую силу, какъ надежный оплотъ противъ всякихъ завоевательныхъ попытокъ съ нашей стороны. Этими двумя задачами руководилась вся англійская политика въ Константинополѣ, начиная съ 1840 года до настоящаго времени.

Простое географическое сосѣдство съ Турціею, но безъ малѣйшаго на нее вліянія, ни дружбою, ни силою—вотъ *все,* что надменный Албіонъ, выдавая себя за исключительнаго представителя интересовъ Европы, разрѣшаетъ Россіи съ ея восьмидесяти милліоннымъ населеніемъ...

Появленіе нашего флота на Босфорѣ въ 1833 году было рѣшено по соглашенію съ Англіею, опасавшеюся преобладанія французской политики при дворѣ подстрекнутаго ею къ возстанію египетскаго паши Мехмеда-Али. Хотя Египетъ не имѣлъ тогда для Великобританіи того громаднаго значенія, какое онъ получилъ по прорытіи Суэзскаго канала, тѣмъ не менѣе, лондонскій каби-

нетъ вступился за это дѣло, какъ за вопросъ, прямо касающійся его интересовъ. Со времени подавленія возстанія Мехмедъ-Али, Великобританія, подъ страхомъ утвержденія въ Египтѣ вліянія Франціи и подъ кошмаромъ появленія русскаго флота, въ союзѣ съ французскимъ, въ египетскихъ водахъ, зорко слѣдила за страною Фараоновъ поставивъ себѣ цѣлью вытѣснить оттуда обаяніе Франціи.

Этимъ постояннымъ соперничествомъ въ Египтѣ между вліяніями Англіи и Франціи ясно указывалось противорѣчіе интересовъ обѣихъ великихъ морскихъ державъ на восточномъ побережьѣ бассейна Средиземнаго моря. Истинно грознымъ врагомъ своимъ въ этихъ водахъ Англія считала не столько Россію, какъ Францію; русскій же флотъ казался ей опаснымъ прежде всего по той поддержкѣ, какую могла найти въ немъ Франція, которой морскія силы, раздѣленныя между собою всею окружностью Пиренейскаго полуострова, имѣли возможность соединиться единственно путемъ Гибралтарскаго пролива, подъ огнемъ несокрушимой англійской твердыни. Благодаря такому невыгодному географическому положенію, Франція всегда должна была оказаться слабѣе своей западной соперницы на каждомъ изъ омывающихъ ее морскихъ бассейновъ, пока *ей не представлялась возможность вступить въ союзъ съ другою морскою державою.* Такою соперницею въ Средиземномъ морѣ, въ то время, могла оказаться одна Россія.

Итакъ, постоянныя усилія Англіи создать на Босфорѣ какъ дипломатическія, такъ и военныя преграды появленію русскаго флота въ Эгейскомъ морѣ, въ сущности, были направляемы не менѣе противъ Россіи, какъ и противъ Франціи. Какимъ же образомъ, спрашивается, въ столь явно направленномъ противъ существеннѣйшихъ интересовъ Франціи истребленіи нашего Черноморскаго флота, послѣдняя вдругъ оказалась объ руку съ Англіею?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ изобличается самая мрачная сторона только что созданной тогда императорской Франціи—та сторона, которая, восемьнадцать лѣтъ спустя, привела таки къ паде-

нію Наполеона III, неудержимо увлеченнаго исключительно своими династическими интересами...

Едва Наполеонъ III достигъ первой ступени власти, какъ разныя внѣшнія политическія затѣи послужили ему однимъ изъ главныхъ орудій подготовленія успѣха на пути къ императорскому престолу. Таково было истинное значеніе начатыхъ въ 1850 году первыхъ домогательствъ по вопросу о Святыхъ мѣстахъ. Для обезпеченія себѣ популярности, Наполеонъ разсчитывалъ—не говоря уже объ арміи, увлеченной казавшеюся неразлучною съ его именемъ славною военною традиціею его великаго дяди—на сословіе мануфактурныхъ рабочихъ и на клерикальную партію, поддержка которой обезпечивала ему выборъ сельскаго населенія. Дѣятельное участіе, принятое имъ во многихъ революціонныхъ вспышкахъ въ Италіи и даже во Франціи, безчисленныя оппозиціонныя статьи въ газетахъ, торжественное провозглашеніе, что въ основаніи создаваемаго имъ государственнаго строя будутъ лежать народное избраніе и всеобщая подача голосовъ, наконецъ, провозглашеніе себя мстителемъ за всѣ обиды и разочарованія, нанесенныя Франціи Европой при низверженіи его дяди,—всего этого оказалось достаточно, чтобы обезпечить принцу-президенту сочувствіе и голоса̀ огромнаго большинства городскаго населенія и арміи. Съ тѣмъ вмѣстѣ, чтобы задобрить клерикальную партію, Наполеону предстояло: выставить себя во всемъ и вездѣ защитникомъ свѣтской власти папы и интересовъ папизма. Такимъ образомъ, объясняется, какъ недавній *карбонаро*, Бонапартъ, вдругъ объявилъ войну римской республикѣ и бомбардировалъ Римъ, дабы принудить его жителей къ изъявленію покорности свѣтской власти папы, бѣжавшаго въ Гаэту...

Громадный успѣхъ этого перваго предпріятія, льстившаго видамъ французскаго клира въ области внѣшней политики, не позволилъ Наполеону остановиться на этомъ пути до окончательнаго своего избранія на престолъ. Въ 1850 году появилась въ Парижѣ брошюра патера Борѐ, въ запальчивыхъ выраженіяхъ возстававшая противъ

притѣсненій, будто бы оказываемыхъ въ Іерусалимѣ, благодаря вліянію Россіи на Порту, православнымъ духовенствомъ латинскому. По слухамъ, эта брошюра была просто *заказана* правительствомъ президента даровитому патеру, обращавшемуся съ истиной безцеремонно-іезуитски. Брошюра эта не произвела однако во Франціи ни малѣйшаго впечатлѣнія. И причиною такого отношенія къ ней было не „общее равнодушіе Франціи къ религіознымъ дѣламъ", какъ полагаетъ нашъ извѣстный военный историкъ *), а господствовавшее тогда во французскомъ народѣ весьма вѣрное сознаніе, что во всемъ этомъ дѣлѣ Франція не имѣетъ никакого интереса. Дѣйствительно, Турція имѣетъ лишь самое незначительное число подданныхъ, исповѣдующихъ латинскую вѣру, тогда какъ огромное большинство ея европейскаго населенія и самаго Константинополя исповѣдуетъ православіе; въ самой Палестинѣ находится сплошное населеніе православныхъ Аравитянъ; латины же оказываются тамъ лишь пришлецами, силою оружія пытавшимися утвердиться въ Іерусалимѣ и неуспѣвшими въ своемъ намѣреніи. Единственнымъ слѣдомъ этихъ попытокъ оказывается совращеніе нѣсколькихъ тысячъ Маронитовъ изъ православія въ латинскую схизму. Весьма естественно поэтому, что даже со времени султана Саладдина всѣ калифы считали долгомъ отстаивать права своихъ православныхъ подданныхъ противъ притязаній горсти пришлецовъ; единственнымъ исключеніемъ изъ этого правила оказывалась исторгнутая Франціею „капитуляція 1740 года", даровавшая латинамъ нѣкоторыя исключительныя привилегіи, въ ущербъ православной церкви. Къ тому же, изъ ежегодно посѣщающихъ Святыя Мѣста 12,000 христіанскихъ паломниковъ, на долю римско-католической Европы приходится *всего отъ 80 до 100 человѣкъ*. Лишь этою, совершенно ничтожною цифрою выражается интересъ *всей* католической Европы въ вопросахъ о Святыхъ Мѣстахъ; интересъ же собственно одной Франціи выражается въ этихъ вопросахъ *едва половиною* этой незначительной цифры!...

*) *Восточная война 1853—1856 годовъ*. М. И. Богдановича.

Не смотря однако на неудачу своей пропаганды, Наполеонъ обратился къ Портѣ съ требованіемъ, будто бы на основаніи давно забытаго договора 1740 года: безусловно признать не только опредѣленія этого договора, но и всѣ происшедшіе съ тѣхъ поръ захваты латинскаго духовенства. Порта повиновалась требованію, предъявленному ей французскимъ полномочнымъ. И не мудрено—на случай отказа ей пригрозили французскимъ десантомъ въ Сирію... Само собою разумѣется, русское правительство предписало своей дипломатіи отстаивать права православной церкви и вотъ искра, три года спустя разгорѣвшаяся въ пожаръ, была закинута....

При всемъ томъ, нынѣ почти достовѣрно можно сказать, что въ то время Наполеонъ вовсе не считалъ такою искрою возбужденное имъ, по поводу такъ называемаго „question de sacristie“, дипломатическое препирательство. Не случись въ послѣдствіи нѣкоторыхъ другихъ, болѣе важныхъ обстоятельствъ, затронувшихъ личное самолюбіе и династическіе виды Наполеона,—можно сказать навѣрное, что въ этомъ случаѣ онъ также безцеремонно обманулъ бы расчеты клерикаловъ, какъ обманулъ въ другихъ случаяхъ расчеты чернорабочихъ. Какъ бы то ни было, споръ о Святыхъ Мѣстахъ сталъ принимать болѣе острый характеръ по мѣрѣ приближенія эпохи провозглашенія Наполеона императоромъ. Дѣло въ томъ, что русская дипломатія была встревожена прокламаціями президента республики, ясно указывавшими на стремленіе возстановить внѣшнее величіе Франціи временъ имперіи. Особенно же непріятно дѣйствовало извѣстіе о рѣшимости будущаго императора придать себѣ наименованіе *третьяго*, какъ признакъ того, что имъ вычеркиваются изъ общественнаго права Европы всѣ состоявшіеся со времени паденія первой имперіи событія и трактаты. Конечно, эти трактаты были направлены исключительно къ огражденію интересовъ двухъ ближайшихъ сосѣдовъ Франціи: Австріи, какъ главы Германскаго Союза, и Пруссіи, а отнюдь

не интересовъ Россіи, отдѣленной ими отъ Франціи. Но для Императора Николая Павловича это обстоятельство нисколько не умаляло святости международныхъ обязательствъ, принятыхъ его державнымъ братомъ. Подъ вліяніемъ опасенія, что новая французская имперія посягнетъ на эти обязательства, русское правительство сдѣлало все возможное, чтобы возобновить и укрѣпить давно ослабѣвшіе узы Священнаго Союза, направленнаго противъ наполеоновской Франціи. Пока петербургскій кабинетъ распинался за своихъ мнимыхъ союзниковъ, эти самые союзники увлекались совсѣмъ противоположнаго рода заботами. Они старались единственно о томъ, чтобы вступить съ новою имперіей въ возможно лучшія отношенія и отвести отъ себя грозовыя тучи, со стороны Франціи. Особенно рельефно выступило это противорѣчіе между стремленіями петербургскаго кабинета и его мнимыхъ союзниковъ по поводу вопроса о признаніи второй имперіи. Рѣшено было, что имперія будетъ признана только въ лицѣ новаго императора, не распространяя этого признанія на его наслѣдниковъ.

Но тутъ возникло новое затрудненіе. Въ собственноручныхъ письмахъ, коими извѣщались европейскіе государи о восшествіи Наполеона III на престолъ, была примѣнена обычная формула переписки между государями, называющими другъ друга „добрымъ братомъ (le bon frère)“. Вопреки настояніямъ Россіи, Австрія и Пруссія рѣшили, что въ отвѣтныхъ письмахъ будетъ сказано „добрый братъ“, но что инициативу отвѣтнаго письма возьметъ на себя Россія, оставшаяся одна при первоначально предложенной ею формулѣ: „любезный другъ (cher ami)“.

Извѣстно, что, по прочтеніи письма Императора Николая Павловича, Наполеонъ III замѣтилъ иронически:

— „Лучше быть добрымъ другомъ, чѣмъ плохимъ братомъ великаго человѣка“.

Въ тотъ же вечеръ, на балѣ въ Тюльерійскомъ дворцѣ, говоря объ этомъ письмѣ, Наполеонъ III присовокупилъ:

— „Вопреки Ватерлоо я протяну руку Англіи (je saute pardessus Waterloo et je tends la main à l'Angleterre)“.

И дѣйствительно: съ тѣхъ поръ, подъ шумокъ продолжавшихся дружественныхъ завѣреній Наполеона III, его дипломатія неустанно стала раздувать искру совсѣмъ для иной цѣли заброшенную ею въ 1850 году...

Къ сожалѣнію, русское правительство продолжало вѣрить европейской дипломатіи. Оно особенно уповало на союзъ съ консервативною Англіею, гдѣ министерство *тори* заступило мѣсто постоянно враждебнаго Россіи кабинета Пальмерстона. Но министерство *тори* было не долговѣчно. На мѣсто его выступило смѣшанное министерство лорда Абердина, однако, съ преобладающимъ, сочувствовавшимъ Россіи элементомъ *тори*.

Такимъ образомъ, объясняется то безграничное довѣріе, какое сталъ оказывать тогда Императоръ Николай Павловичъ представителю Англіи въ Петербургѣ, въ сущности заклятому врагу Россіи, сэру Гамильтонъ Сеймуру, хотя въ это самое время, въ общественномъ мнѣніи Англіи, съ разныхъ сторонъ, стали отражаться вліянія, стремившіяся къ возбужденію недовѣрія относительно Россіи. Эти вліянія, частію, шли изъ Франціи, частію отъ англійскихъ консуловъ, то и дѣло доносившихъ о какихъ-то небывалыхъ тогда вооруженіяхъ, о какихъ-то поспѣшныхъ, огромныхъ фортификаціонныхъ работахъ въ Севастополѣ.

Между тѣмъ, какъ доказалъ намъ въ послѣдствіи тяжкій опытъ, въ то время никто и не думалъ о приведеніи Севастополя, съ сухаго пути, въ оборонительное положеніе. Объясненіе этаго страннаго упущенія тѣмъ болѣе трудно, что уже устроителемъ нашего Черноморскаго флота, адмираломъ Грейгомъ, былъ представленъ хранящійся до сихъ поръ въ публичной библіотекѣ въ Николаевѣ чертежъ предложенныхъ имъ укрѣпленій Севастополя съ сухаго пути, и — что̀ дѣлаетъ величайшую честь предусмотрительности и военнымъ дарованіямъ адмирала Грейга — чертежъ этотъ оказывается нынѣ, въ

главныхъ чертахъ, совершенно сходнымъ съ очертаніемъ тѣхъ укрѣпленій, которыя, по указаніямъ новѣйшей науки и тяжелаго опыта, были возведены на сухопутной сторонѣ Севастополя въ продолженіи выдержанной имъ осады! Что сталось бы съ этою осадою еслибы заблаговременно были исполнены кругомъ Севастополя всѣ мудрыя предначертанія адмирала Грейга, и были исполнены на досугѣ, по правиламъ долговременной фортификаціи, а не подъ непріятельскимъ огнемъ и въ видѣ лишь наскоро наброшенныхъ земляныхъ валовъ, съ едва замѣтными рвами, не представлявшими никакой серіозной задержки штурмующему непріятелю? Что сталось бы тогда со всею высадкою въ Крыму, даже со всею войною?...

. . . .

Въ настоящее время выяснилось многое, казавшееся темнымъ въ быстро совершившемся тогда поворотѣ настроенія общественнаго мнѣнія Англіи въ отношеніи къ Россіи. Этою услугою исторія обязана издаваемой въ Лондонѣ г. Мартиномъ, на основаніи документовъ, подъ личнымъ руководствомъ и даже редакціей самой королевы Викторіи, біографіи ея покойнаго супруга, принца Альберта. Хотя вся эта книга наполнена завѣреніями о миролюбіи покойнаго принца, и хотя, по положенію своему, онъ не долженъ бы былъ занимать никакой офиціальной роли въ управленіи своего пріемнаго отечества, тѣмъ не менѣе, самою рельефною чертою его политическаго характера оказывается глубокая вражда къ Россіи. Извѣстно, что чрезъ свою августѣйшую супругу онъ пользовался огромнымъ вліяніемъ на всѣ какъ внѣшнія, такъ и внутреннія дѣла Великобританіи.

Не смотря на всѣ усилія русскаго правительства, съ самаго 1840 года, установить между Россіею и Англіею тѣсное сближеніе, особенно по дѣламъ Востока, принцъ Альбертъ никогда не терялъ изъ виду своей предвзятой мысли: что Севастополь и созданный въ немъ флотъ составляютъ постоянную угрозу для интересовъ Англіи на Востокѣ, что этотъ флотъ созданъ съ цѣлію нападенія, а не обороны, такъ какъ за отсутствіемъ

у Россіи торговаго флота, ему нечего было оборонять, что русскіе стремятся превратить Черное море въ свое озеро, держать въ своей власти устья Дуная и овладѣть проливами въ Средиземное море. 19 Ноября 1854 года эти убѣжденія принца Альберта послужили основаніемъ сообщенной имъ министерству обширной записки (mémoire), доказывавшей не только неизбѣжность, но и необходимость для Англіи войны съ Россіей, и въ томъ же году ему принадлежала иниціатива мысли о высадкѣ союзниковъ въ Крымъ, для истребленія Севастополя и Черноморскаго флота. Впрочемъ, Наполеонъ III всегда имѣлъ въ Англіи партію горячихъ приверженцевъ въ лицѣ тѣхъ капиталистовъ, которые, повидимому не безъ благопріятнаго ему вліянія его друга, лорда Пальмерстона, давали ему въ займы тѣ суммы, безъ коихъ онъ никогда не успѣлъ бы исполнить своихъ честолюбивыхъ плановъ. Но въ началѣ 1853 года во главѣ англійскаго министерства стоялъ *тори*, лордъ Абердинъ, исполненный самаго почтительнаго довѣрія къ Императору Николаю Павловичу; иностранными дѣлами управлялъ считавшійся безвреднымъ для Россіи лордъ Джонъ Россель. Однако, и принцъ Альбертъ, со своею ненавистью къ Россіи, также имѣлъ въ кабинетѣ значительное вліяніе чрезъ статсъ-секретаря департамента внутреннихъ дѣлъ, лорда Пальмерстона; королева же, во всѣхъ отношеніяхъ, подчинялась безусловно образу мыслей своего супруга. Такимъ образомъ объясняются загадочныя колебанія, происходившія въ то время въ отношеніяхъ Англіи къ Россіи: въ то самое время, когда лордъ Абердинъ завѣрялъ русское правительство въ своемъ безграничномъ довѣріи къ нему, — въ общественномъ мнѣніи Англіи совершался поворотъ въ смыслѣ противуположномъ, а въ самомъ кабинетѣ голосъ лорда Пальмерстона, служа органомъ взглядовъ принца Альберта и императора Наполеона, вносилъ начала раздора, парализовавшія честныя намѣренія главы кабинета. Весь вопросъ о сохраненіи мира зависѣлъ, слѣдовательно, отъ Лондона, въ которомъ уже ясно обрисовывались двѣ борющіяся партіи—приверженцы и враги Россіи.

После дерзкаго появленія Лавалета, на кораблѣ *Шарлемань*, подъ самыя стѣны Константинополя, для Россіи стало очевидно, что ея обаянію въ Турціи нанесенъ жестокій ударъ, и что существующихъ трактатовъ уже недостаточно, чтобы оградить въ Турціи права православной церкви противъ насильственныхъ захватовъ Франціи. Между тѣмъ, въ началѣ января 1853 года случилось другое событіе, которое должно было убѣдить Императора Николая Павловича, что на Турокъ нѣтъ возможности дѣйствовать иначе, какъ страхомъ. Вслѣдствіе отправленія турецкой 50 тысячной арміи противъ Черногоріи, необходимо было принять мѣры для огражденія этой исконной вѣрной союзницы Россіи отъ грозившаго ей опустошенія. Узнавъ, что Императоръ Всероссійскій готовился послать для личныхъ переговоровъ съ султаномъ объ этомъ предметѣ особеннаго уполномоченнаго, князя Меншикова, Австрія, желая доказать экономически порабощеннымъ ею Черногорцамъ, что ея дружба можетъ быть имъ полезнѣе, чѣмъ дружба Россіи, —рѣшилась предупредить послѣднюю и внезапно отправила въ Константинополь графа Лейнингена съ краткосрочнымъ ультиматумомъ, грозившимъ присоединить австрійскія войска къ Черногорскимъ, если отправленная противъ Черногоріи армія не будетъ немедленно остановлена. Порта, предоставленная самой себѣ, поспѣшила удовлетворить всѣмъ требованіямъ графа Лейнингена. Благодаря своей энергіи, Австрія одержала надъ Турціею полную дипломатическую побѣду, которою она до сихъ поръ кичится предъ Черногоріею, выставляя себя ея спасительницею. Въ сущности, однако, этою услугою Австріи Черногорія была обязана собственно вліянію Россіи. Дѣйствительно, Австрія въ этомъ случаѣ руководилась отнюдь не интересами Черногоріи, а единственно своею завистью къ намъ и желаніемъ лишить насъ сильнаго геройскимъ духомъ союзника...

Этою же цѣлью руководилась Австро-Венгрія въ своихъ отношеніяхъ къ Черногоріи и въ послѣднюю, только что закрытую нынѣ борьбу нашу съ Турціею. Только этимъ объясняются и всѣ

услуги, коими, съ 1875 по 1877 годы, Австрія старалась задобрить въ свою пользу Черногорію, и всѣ напряженныя усилія ея побудить Черногорію и Турцію ко взаимнымъ уступкамъ, дабы добиться заключенія между ними мира до объявленія Россіею войны Турціи...

Но тогда, какъ и нынѣ, Россія даже изъявляла вѣнскому кабинету свою благодарность за всякую услугу, оказанную имъ Черногоріи. Представитель Россіи въ Константинополѣ поддерживалъ требованіе Лейнингена. Мало того, въ началѣ 1853 года, именно лишь съ цѣлію поддержать военною демонстраціею настоянія Лейнингена, были приняты на нашей южной окраинѣ первыя незначительныя мѣры къ мобилизаціи...

Таково значеніе нашихъ первыхъ вооруженій въ 1853 году, согласно весьма вѣрному объясненію, данному на счетъ ихъ въ Константинополѣ княземъ Меншиковымъ. Ихъ единственною цѣлію была демонстрація, направленная къ поддержанію требованій *не русской, а австрійской дипломатіи.*

II.

Въ началѣ 1853 года, предъ русскимъ правительствомъ общее положеніе въ Константинополѣ представлялось въ слѣдующемъ видѣ: Православная церковь искони пользовалась въ Турціи разными льготами и преимуществами, дарованными ей многочисленными султанскими фирманами, но для Отоманской Порты издаваемые ею фирманы не имѣли никакого *обязательнаго* характера. Въ то же время права латинской церкви имѣли въ основаніи своемъ *только одинъ документъ:* давно забытую капитуляцію 1740 года. Но этотъ документъ имѣлъ характеръ законнаго международнаго обязательства, принятаго Оттоманскою Портою относительно другой державы — Франціи. Такимъ образомъ, за Франціею обезпечилось никѣмъ неоспоримое право вступаться за латинскую церковь въ Турціи, принимать подъ свое непосредственное покровительство латинскихъ подданныхъ султана, и не только обезпечивать имъ пользованіе всѣми льготами и преимуществами, выговоренными въ этомъ документѣ, но и требовать расширенія ихъ въ ущербъ исконнымъ льготамъ и преимуществамъ православной церкви, основаннымъ на однихъ фирманахъ.

Правда, въ рукахъ Россіи тоже были документы, кои должны были бы имѣть для Порты связывающій характеръ торжественнаго международнаго обязательства.

Главные изъ этихъ документовъ были мирные трактаты, заключенные въ Кучукъ-Кайнарджи и Адріанополѣ.

Но злостнымъ толкованіемъ турецкихъ и западныхъ беззастѣнчивыхъ софистовъ-дипломатовъ этимъ трактатамъ было придано такое значеніе, что ими будто бы лишь подтверждаются права султана надъ его подданными православной вѣры, а за Россіею признается лишь право защиты *русскихъ* подданныхъ, проживающихъ въ Турціи.

Во всякомъ случаѣ, обоихъ трактатовъ оказалось недостаточно, чтобы обезпечить въ Турціи православнымъ христіанамъ безмятежное пользованіе дарованными имъ льготами противъ захватовъ латинскаго духовенства, какъ только эти захваты вздумала поддерживать Франція, вооруженная своею капитуляціею и пушками линейнаго корабля *Шарлеманъ*.

Между тѣмъ, у Россіи отрицалось самое право вступаться, наравнѣ съ Франціею, за своихъ восточныхъ единовѣрцевъ...

Что оставалось дѣлать петербургскому кабинету, въ виду такого положенія, столь несогласнаго съ достоинствомъ и правами представителя великаго народа?

Объ уступкѣ, конечно, не могло быть и рѣчи.

Оставалось поэтому настоять у Порты на скрѣпленіи ею — такимъ же торжественнымъ и вполнѣ обязательнымъ для нея международнымъ договоромъ, какъ тотъ, коимъ владѣла Франція — всѣхъ льготъ и преимуществъ, дарованныхъ православнымъ христіанамъ въ Турціи.

И въ самомъ дѣлѣ, этою задачею опредѣляется главная цѣль отправленія, въ февралѣ 1853 года, генералъ-адъютанта князя Меншикова въ Константинополь съ порученіемъ къ султану.

Прибытіе князя Меншикова въ Константинополь иностранная интрига встрѣтила враждебно и успѣла настроить въ этомъ смыслѣ и министровъ Порты. Князь Меншиковъ, между тѣмъ, посѣтилъ великаго визиря, имѣлъ аудіенцію у Султана, оказавшаго ему самый

милостивый пріемъ, но князь не почтилъ своимъ визитомъ министра иностраныхъ дѣлъ, Фуадъ-Эфенди, а ограничился присылкою ему своихъ вѣрительныхъ грамотъ. Вслѣдствіе этого, послѣдній немедленно подалъ въ отставку. Это изъятіе изъ законовъ обыкновеннаго дипломатическаго церемоніала вызвало крикъ негодованія на Западѣ, особенно во Франціи. А между тѣмъ, князю Меншикову были извѣстны возмутительно дерзкія рѣчи и даже оскорбительные для Россіи отзывы Фуадъ-Эфенди въ полномъ совѣтѣ министровъ Порты. Сверхъ того, петербургскій кабинетъ возлагалъ на одного Фуадъ-Эфенди отвѣтственность за неисполненіе всѣхъ торжественныхъ обѣщаній, данныхъ Султаномъ въ письмѣ Императору Всероссійскому. Прилично ли было, въ виду всего этого, уполномоченному представителю русскаго Царя оказывать недостойному министру султана совершенно незаслуженный имъ почетъ?

На мѣсто Фуада былъ назначенъ Рифаатъ паша; русскій посолъ немедленно объявилъ, что онъ считаетъ эту перемѣну достаточнымъ удовлетвореніемъ за оскорбительное для Россіи неисполненіе обѣщаній, письменно данныхъ султаномъ ея государю. Между тѣмъ Рифаатъ, какъ и надо было ожидать, оказался совершенно такою же слѣпою креатурой западныхъ дипломатовъ, какою былъ для нихъ Фуадъ.

И вотъ съ этими креатурами Англіи и Франціи, русскій посолъ вступилъ въ переговоры, сущность которыхъ наше правительство считало нужнымъ скрывать не только отъ Франціи, но даже и отъ Англіи. Понятно, въ какую страшную ловушку попала тогда вся наша дипломатія и съ какимъ злорадствомъ слѣдили, въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, за нашими „тайными“ совѣщаніями глубоко враждебные намъ повѣренные въ дѣлахъ Франціи и Англіи! Но на нихъ князь Меншиковъ, повидимому, обращалъ мало вниманія, полагая, что, въ отсутствіи настоящихъ посланниковъ Франціи и Англіи, легче исполнится порученная ему задача. Оказалось, однако, что ни г. Бенедетти, ни полковникъ Розе ничѣмъ не

*

были для насъ лучше г. де-Лакура и лорда Стратфордъ Редклифа. Турецкіе министры одинаково подобострастно относились къ повѣреннымъ и посланникамъ Западныхъ державъ. Относительно предлагаемаго трактата великій визирь увѣрялъ ихъ, что *„пока онъ останется во главѣ министерства, онъ ручается, что не будетъ заключено никакого трактата“*... Угодить именно *Англіи*, слѣпо повиноваться ея повелѣніямъ — таковы были единственныя причины, побудившія турецкихъ министровъ отвергнуть требованія князя Меншикова. Но какимъ образомъ отвѣчали они на эти требованія князю Меншикову и какими уловками удалось имъ побудить его вести переговоры цѣлые три мѣсяца?

По словамъ М. И. Богдановича, они отвѣчали ему, что по вопросу о Святыхъ мѣстахъ *они надѣются* исходатайствовать согласіе Дивана, но что они *опасаются большихъ затрудненій* по дѣлу о заключеніи конвенціи; себя же они выставляли предъ русскимъ посломъ совершенно преданными ему: оба, то и дѣло, завѣряли его, что „онъ правъ“, что они вполнѣ одобряютъ его требованія. Въ сущности же они только и заботились о своихъ портфеляхъ. Въ послѣдствіи, однако, между аргументами турецкихъ министровъ вдругъ оказались соображенія, сначала никому изъ нихъ не приходившія въ голову, именно, что этотъ трактатъ „несогласенъ съ достоинствомъ и независимостію Порты“. Замѣчательно, что объ этихъ соображеніяхъ турецкіе „патріоты“, предоставленные самимъ себѣ, повидимому, совершенно забыли, когда шла рѣчь о повелительныхъ требованіяхъ гг. де-Лавалета и Лейнингена! Съ неменьшимъ подобострастіемъ повиновались они и „совѣту“ Розе — затягивать переговоры съ княземъ Меншиковымъ до возвращенія посланниковъ, особенно Великобританскаго.

Такимъ образомъ, объясняются то внезапное затишье, тѣ примирительныя наклонности, кои наступили въ Константинополѣ послѣ перваго переполоха, вызваннаго прибытіемъ русской миссіи. Полковникъ Розе, въ первую минуту потребовавшій въ Константинополь

изъ Мальты англійскій флотъ, подъ начальствомъ адмирала Дундаса, нѣсколько дней спустя донесъ своему правительству, что эта мѣра была безполезна, въ виду миролюбивыхъ наклонностей, обнаруживаемыхъ княземъ Меншиковымъ. Съ другой стороны, турецкіе министры, повидимому, настолько успѣли внушить русскому послу увѣренность въ успѣхѣ его миссіи, что, на основаніи его депешъ, Государь Императоръ только и ждалъ полученія изъ Константинополя извѣстій о благополучномъ окончаніи порученія князя, чтобы немедленно отмѣнить всѣ начатыя вооруженія. При всемъ томъ Наполеонъ III, при первомъ извѣстіи о вызовѣ англійскаго флота въ Дарданеллы, немедленно отправилъ изъ Тулона въ греческія воды значительную эскадру, и болѣе не отмѣнялъ этого приказанія. Дѣло дошло до того, что, когда лордъ Стратфордъ Редклифъ вдругъ отправился изъ Лондона въ Константинополь, всѣ были увѣрены, что его поѣздка окажется безполезною — что̀ однако, нисколько не препятствовало лондонскому кабинету дать ему право требовать, по его усмотрѣнію, передвиженія эскадры Дундаса изъ Мальты къ Дарданелламъ. Но этого мало. Какъ передалъ впослѣдствіи нашему посланнику, г. Озерову, австрійскій повѣренный въ дѣлахъ со словъ самаго Редклифа, англійское правительство рѣшилось уже тогда, *вмѣстѣ съ французскимъ, поддерживать Турцію*. . . . .

. . . .

Гроза приближалась. Завѣса, скрывавшая до сихъ поръ въ отношеніяхъ между Россіей и Англіей какую то необъяснимую загадку, готова была подняться. Въ англійскомъ министерствѣ, на мѣсто благодушнаго лорда Росселя, во главѣ управленія иностранными дѣлами вдругъ оказался лордъ Кларендонъ, старый знакомый Наполеона III, болѣе склонявшійся на сторону Пальмерстона, чѣмъ на сторону Абердина. При всемъ томъ, новый министръ иностранныхъ дѣлъ объявилъ, что онъ доволенъ объясненіями русскаго посла на счетъ миссіи князя Меншикова. Получая донесенія Розе, Кларен-

донъ зналъ уже въ то время, что главный предметъ посольства князя состоялъ въ заключеніи между Россіею и Турціею договора, придающаго обязательный характеръ всѣмъ льготамъ и преимуществамъ, дарованнымъ православной церкви въ Турціи. На запросы лондонскаго кабинета графъ Нессельроде отвѣчалъ: что князь Меншиковъ не требовалъ ни низложенія Фуадъ-Эфенди, ни территоріальной уступки, ни права вмѣшательства Россіи въ избраніе патріарха, ни лишенія Франціи какихъ бы то ни было правъ, пріобрѣтенныхъ ею для латиновъ; что всѣ толки о грозномъ, воинственномъ языкѣ князя въ Константинополѣ—сущая выдумка; что твердая воля Государя — ничего не предпринимать противъ цѣлости и независимости Турціи; что вся цѣль посольства состоитъ въ подтвержденіи существующихъ правъ православной церкви и въ постановленіи ихъ *на одну ногу съ французскими капитуляціями;* что никакого оборонительнаго и наступательнаго союза съ Турціею не имѣлось въ виду и что только въ случаѣ нападеній на нее, со стороны Франціи, за уступки требованіямъ Россіи по вопросу о Святыхъ Мѣстахъ, Портѣ дано право расчитывать на вооруженную поддержку Россіи. И все это была сущая истина. Не смотря на то, Кларендонъ продолжалъ показывать, будто объ этомъ предметѣ онъ не имѣетъ иныхъ свѣдѣній, кромѣ доставляемыхъ ему оффиціально русскими дипломатами. Подъ личиною дружественныхъ отношеній, Кларендонъ продолжалъ заманивать Россію въ ловушку: „мирнаго исхода ожидать трудно, русскій Императоръ самъ отрѣзалъ для себя отступленіе: *онъ не можетъ не воевать*“, — вотъ какъ выразился впослѣдствіи принцъ Альбертъ, говоря о положеніи дѣла въ тѣ минуты. Это было справедливо. Но кого же должна была благодарить за это Россія?—Этому прискорбному результату конечно способствовала гораздо болѣе притворная дружба къ намъ Англіи, чѣмъ открытая враждебность Франціи.

Полная истина на этотъ счетъ раскрылась только недавно, благодаря появленію книги Мартина. „Вся Европа, со включеніемъ

и Бельгіи, и Германіи, въ высшей степени заинтересована тѣмъ, чтобы въ будущемъ были бы обезпечены цѣлость и независимость Порты и *еще болѣе заинтересована тѣмъ, чтобы Россія была побита и наказана*",—писалъ годъ спустя принцъ Альбертъ королю Леопольду. Но искуственно создавая необходимость войны, надо было вмѣстѣ съ тѣмъ доказать одураченной Европѣ, что „война вызвана единственно самолюбіемъ, честолюбіемъ *одного человѣка*"—какъ писала сама королева Викторія.

Представитель Россіи въ Лондонѣ, баронъ Бруновъ, конечно до нѣкоторой степени сознавалъ угрожавшую намъ опасность и даже указывалъ на нее, но у Брунова были однако побужденія ослаблять бдительность своего надзора и силу своихъ разоблаченій. Какъ представитель и самое дѣятельное орудіе политики, съ 1840 года направлявшей насъ къ союзу съ Англіею, баронъ *стоялъ за свое твореніе*... и пользовался благопріятными случаями, могущими продлить его существованіе.

Для осуществленія програмы проволочекъ, начертанной гг. Розе и Бенедетти, первую словесную ноту князя Меншикова, отъ 17 марта, Порта оставила безъ всякаго *письменнаго* отвѣта, предпочитая вести словесные переговоры, а между тѣмъ 5 апрѣля прибылъ въ Константинополь Редклифъ, а 7-го—французскій посланникъ де-Лакуръ.

Только 14 апрѣля, вслѣдствіе полученія депешъ изъ Петербурга, князь Меншиковъ вдругъ потребовалъ отъ Порты немедленнаго исполненія его требованій, но на вопросъ его—готова ли Порта подписать договоръ, Рифаатъ паша *въ первый разъ* отвѣтилъ на отрѣзъ — хотя все еще *неофиціальнымъ* образомъ — что министерство отвергаетъ требованіе заключить трактатъ, такъ какъ „опредѣленія его посягаютъ на права султана"! Наконецъ, 19 апрѣля, князь Меншиковъ, все еще не получая никакого офиціальнаго отвѣта на свою ноту *отъ 17 марта*, обратился къ Рифаату съ другою нотою, въ весьма естественно

раздраженномъ тонѣ требуя утвержденія трехъ проектовъ: двухъ фирмановъ касательно Святыхъ Мѣстъ и одного *сенеда* (указа), подтверждающаго всѣ исконно существующія права православной церкви въ Турціи. При видѣ пробудившейся, наконецъ, энергіи русскаго посла, лордъ Редклифъ поспѣшилъ высказать своему правительству—какое огромное значеніе имѣетъ, по его мнѣнію, все это дѣло. Въ депешѣ отъ 20 апрѣля онъ объяснилъ: что если сдѣлка на счетъ Святыхъ Мѣстъ получитъ силу международнаго акта, то за Россіею будетъ признанъ протекторатъ надъ православною церковью въ Турціи; что требованія русскаго посла на счетъ Святыхъ Мѣстъ могутъ быть исполнены, но не иначе, какъ по свободной *инициативѣ самого султана*; что надо настоять на установленіи *самимъ султаномъ* полной равноправности, не только религіозной, но, на сколько возможно, даже и гражданской для всѣхъ его подданныхъ; что-же касается требуемыхъ отъ Порты формальныхъ международныхъ обязательствъ, то она ни въ какомъ случаѣ не должна связывать себя ими, и въ этомъ отношеніи Англія *обязана оказать ей всякую поддержку*. Такова сущность этого документа, которымъ впервые поставленъ столь дорого стоившій впослѣдствіи восточнымъ православнымъ христіанамъ принципъ улучшенія ихъ участи единственно по инициативѣ магометанскаго правительства—принципъ, въ силу котораго эти *паріи* великой христіанской семьи Европы преданы на произволъ дикаго звѣря. Событія доказали, что этотъ принципъ относился до *однихъ православныхъ* турецкихъ христіанъ, такъ какъ за латиновъ, по прежнему, на основаніи капитуляціи 1740 года, продолжала вступаться Франція; что же касается протестантской церкви, то, подъ сѣнію покровительства Англіи, она стала соперничать съ католическою своимъ усердіемъ совращать православныхъ турецкихъ подданныхъ *). Религіозный протекторатъ Англіи и Франціи устано-

*) „Англійскія протестантскія общества стали соревновать французамъ въ прозелитическихъ помыслахъ; епископство англиканское было основано въ Іеру-

вился на незыблемыхъ основахъ; одна православная церковь была оставлена безъ защиты...

Послѣдовавшій за тѣмъ ходъ переговоровъ, по однообразности своей, едва ли заслуживаетъ подробнаго изложенія. Самою рельефною чертою ихъ оказывается всемогущество англійскаго посланника въ Константинополѣ. Французскаго посла какъ будто и нѣтъ тамъ. Изложенная въ депешѣ отъ 20 апрѣля политическая программа Редклифа исполняется буквально. Султанъ, „по собственной инціативѣ,“ издаетъ два фирмана, коими удовлетворяются требованія князя Меншикова о Святыхъ Мѣстахъ, но не говорится ни слова о равноправности православныхъ съ латинами и объ исконныхъ правахъ православнаго духовенства въ Турціи. Въ нотѣ же Рифаата-паши, отъ 5 мая, опять таки не дается никакого отвѣта на требованіе русскаго посла касательно заключенія *сенеда*! Князь Меншиковъ отвѣчаетъ въ тотъ же день, указывая на эти пропуски и упоминая о „прискорбныхъ обязанностяхъ,“ кои возложило бы на него неполученіе имъ отвѣта къ 10 мая, такъ какъ такую новую проволочку онъ, по необходимости, „сочтетъ доказательствомъ неуваженія къ его правительству“. То, что англійскій посланникъ призналъ возможнымъ уступить — то и было уступлено. Въ назначенный княземъ Меншиковымъ срокъ (10 мая) Рифаатъ отвѣтилъ, что Султанъ готовъ исполнить всѣ требованія Россіи, кромѣ касающагося заключенія *сенеда*. Такое рѣшеніе было испрошено Редклифомъ лично отъ Султана цѣною обѣщанія, что, при первой грозящей ему опасности, Редклифъ вытребуетъ эскадру Дундаса. Князь Меншиковъ тоже обратился прямо къ Султану, который, въ торжественной аудіенціи, завѣрялъ его въ своемъ искреннемъ желаніи вступить въ со-

---

салимѣ; миссіонеры, врачи, учителя, проповѣдники были отправлены въ этотъ край. *Первоначальною* ихъ цѣлію было обращеніе въ христіанство Евреевъ, Друзовъ и другихъ нехристіанскихъ племенъ... По естественному ходу дѣлъ, *православная церковь сдѣлалась предметомъ обоюднаго политическаго соревнованія католическихъ и протестантскихъ миссіонеровъ*“ (*Русскій Архивъ* 1878 года № 7, въ статьѣ „По поводу греко-болгарской распри“).

глашеніе съ нимъ и обѣщалъ ему безотлагательный отвѣтъ на всѣ его требованія. Мало того, Султанъ обѣщалъ ему, что на мѣсто Рифаата назначенъ будетъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Решидъ-паша, слывшій сторонникомъ Россіи. Для Редклифа это было все равно. Онъ зналъ, что настоящимъ хозяиномъ все таки останется онъ. Такъ и вышло.

18 мая Решидъ предложилъ Меншикову проектъ *ноты*, которую онъ былъ намѣренъ представить на обсужденіе Дивана. Князь отвѣтилъ, что въ этомъ предложеніи онъ видитъ лишь попытку новой проволочки и потому считаетъ свою миссію оконченною. Но на другой день, вслѣдствіе ходатайства представителя Австріи, князь Меншиковъ отправилъ Портѣ новый проектъ, въ которомъ Порта, хотя и принимала формальныя обязательства, но въ смягченной формѣ. Решидъ былъ склоненъ принять этотъ миролюбивый исходъ; онъ унизился предъ англійскимъ посломъ, умоляя его согласиться на эту сдѣлку, *которая одна могла извлечь Турцію изъ пропасти*. Редклифъ остался однако непоколебимъ.

Въ ночь съ 21 на 22 мая князь Меншиковъ оставилъ Константинополь, заявляя, что Россія сочтетъ за непріязненное дѣйствіе всякое посягательство на права православной вѣры и православнаго духовенства...

Въ ожиданіи, что Порта образумится, князь остался въ Одессѣ. *Въ самый день* полученія извѣстія о его выѣздѣ, обѣ западныя морскія державы предписали своимъ флотамъ отплыть уже не въ греческія, а въ турецкія воды, къ самому входу въ Дарданеллы, въ Безикскую бухту.

Въ тотъ же день Редклифъ обратился къ своему правительству съ депешею, подвергавшею всѣ переговоры князя Меншикова самому желчному критическому анализу. Въ ней развивалась впервые теорія, которая, при всей безсмысленности своей, была принята обоими западными кабинетами за непререкаемую политическую аксіому. Редклифъ доказывалъ, между прочимъ, что Франція и Англія могли

требовать въ свою пользу право защищать своихъ единовѣрцевъ въ Турціи, потому что число ихъ незначительно, но что Россія не могла требовать для себя такого же права, потому что въ числѣ подданныхъ Султана считалось слишкомъ десять милліоновъ ея единовѣрцевъ!

Наконецъ, въ Петербургѣ начинали сознавать, что съ Портой безплодны всякія иныя мѣры, кромѣ принудительныхъ. Изъ близкихъ къ Государю людей, одни предлагали ограничиться прекращеніемъ дипломатическихъ сношеній съ Портою и выжиданіемъ болѣе благопріятной для насъ политической обстановки, другіе находили необходимымъ немедленное отправленіе въ Турцію 200,000 арміи и десанта въ Босфоръ со всѣми силами, какія нашъ флотъ могъ бы поднять на суда. Первое предложеніе было отвергнуто, какъ несоотвѣтствующее жестокому оскорбленію, нанесенному Портою достоинству Россіи; противъ втораго же возсталъ Меншиковъ, находя несбыточною всякую мысль о десантѣ. Вопреки мнѣнію князя Паскевича, послѣднее предложеніе также было отвергнуто *). 31 мая петербургскій кабинетъ отправилъ Портѣ ноту, требовавшую немедленнаго подписанія послѣднихъ проектовъ князя Меншикова и назначавшую для этого восьмидневный срокъ. Въ случаѣ неисполненія Портою этого требованія, нота грозила занятіемъ Дунайскихъ княжествъ, не для открытія военныхъ дѣйствій, а единственно съ цѣлію заручиться исполненіемъ Турціею требованій Россіи. Всего было мобилизовано у насъ для этой цѣли до 80,000 человѣкъ при 190 орудіяхъ. Одно ничтожество этихъ цифръ должно было бы служить Европѣ ручательствомъ отсутствія у русскаго правительства всякихъ завоевательныхъ видовъ на Турцію, уже сосредоточившую въ то время на берегахъ Дуная около 150,000 арміи съ многочи-

*) По несчастію, князь Паскевичъ не считалъ себя компетентнымъ спорить о десантѣ съ начальникомъ Морскаго Штаба! Впослѣдствіи оказалось, что укрѣпленія, защищавшія Босфоръ, не только были всѣ открыты съ горжи, но и вообще не имѣли ничего особенно грознаго, также какъ и орудія, коими они были вооружены.

сленными французскими офицерами, мадьярскими и другими выходцами! Но какъ объяснить себѣ эту ничтожную цифру мобилизованныхъ войскъ въ виду грозныхъ тучъ, надвигавшихся тогда на насъ съ Запада?—Уже 31 мая лондонскій кабинетъ заявилъ депешею нашему правительству, что онъ будетъ стоять: за неприкосновенность принциповъ, лежащихъ въ духѣ трактата 1841 года, т. е. за цѣлость оттоманской территоріи и за совокупность рѣшенія великими державами всѣхъ дѣлъ, касающихся восточнаго вопроса; въ тотъ же день парижскій кабинетъ обратился къ нашему также съ депешей, даже неупоминавшей о пресловутомъ вопросѣ Святыхъ Мѣстъ и переносившей его на почву трактата 1841 года, якобы нарушеннаго нашею попыткою заключить отдѣльную конвенцію съ Турціей. Одновременное отплытіе обоихъ флотовъ въ турецкія воды служило подтвержденіемъ этого перваго заявленія о состоявшемся уже противъ насъ союзѣ. Неужели всего этого не было довольно, чтобы убѣдить насъ въ неминуемости приближенія грозы?...

Увы! Ключь всѣхъ этихъ загадокъ находился въ туманѣ тогдашней дипломатической дѣятельности петербургскаго кабинета. На счетъ одного Парижа имѣлъ онъ нѣкоторыя вѣрныя свѣдѣнія, но мы считали его изолированнымъ и пренебрегали его злобою. Какой-то злой духъ обошелъ насъ во всѣхъ столицахъ остальныхъ великихъ державъ Европы. Не смотря на то, что въ Константинополѣ въ глаза бросались несомнѣнные признаки враждебности къ намъ Англіи, не смотря на видимо устанавливавшееся тамъ сближеніе между Франціею и Англіею,—донесенія нашего посла въ Лондонѣ все еще поддерживали въ насъ убѣжденіе, будто Англія не желаетъ съ нами разрыва. Неменѣе прискорбно, хотя, повидимому, и болѣе естественно было довѣріе, оказываемое нами въ то время Австріи, во имя недавняго спасенія ея нами отъ гибели и во имя „интересовъ общественнаго порядка въ Европѣ“, игравшихъ такую значительную и столь дорого стоившую намъ роль въ политическихъ соображеніяхъ прошлаго царствованія. Увлекаясь этими двумя со-

ображеніями, мы теряли изъ вида, что въ области восточнаго вопроса между Россіею и Австріею лежатъ ничѣмъ несогласимыя естественныя противорѣчія самыхъ существенныхъ ихъ интересовъ—противорѣчія, такъ рельефно высказавшіяся уже въ коварной политикѣ Меттерниха относительно Россіи, съ 1827 по 1829 годъ *), противорѣчія, наконецъ, которыя тогдашній австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Буоль такъ мѣтко характеризовалъ отвѣтомъ: *„Вся моя политика опредѣляется географическою картою“*. Исторія послѣдняго столѣтія доказываетъ, что—между тѣмъ какъ мы то и дѣло давали отвлекать себя отъ этой истины разными побочными соображеніями,—Австрія, со временъ самой Екатерины, *никогда не теряла ихъ изъ виду* въ своихъ отношеніяхъ къ Россіи по восточному вопросу. Не смотря на это, въ началѣ 1853 года, петербургскій кабинетъ обратился къ вѣнскому съ предложеніемъ дѣйствовать солидарно...

Послѣднее примирительное предложеніе Россіи—ультиматумъ графа Нессельроде отъ 31 мая, прибылъ въ Константинополь въ то самое время, когда англо-французскія эскадры бросали якорь въ Безикской бухтѣ **). Этимъ совпаденіемъ, очевидно, опредѣляется и характеръ послѣдовавшаго отвѣта Порты. Она отвѣтила отказомъ, но при этомъ сообщила нашему кабинету новый фирманъ султана на имя греческаго патріарха и предложила отправить въ Петербургъ посла для непосредственнаго возобновленія переговоровъ. Принятіе этого предложенія сдѣлалось тогда уже невозможнымъ для насъ въ виду появленія англо-французской эскадры у входа въ Дарданеллы....

4 іюня русскія войска переступили границу Молдавіи. Порта

*) См. *Наваринъ*. Е. В. Богдановича.

**) Мнѣніе нашего уважаемаго историка, М. И. Богдановича, будто появленіе англо-французской эскадры въ Безикской бухтѣ было „непосредственнымъ *слѣдствіемъ* угрозъ нашего правительства“, повидимому, не согласуется съ фактами, выяснившимися въ послѣднее время.

протестовала против этой мѣры, но объявила, что на первое время она не сочтетъ ее за *casus belli*. Ни одна изъ великихъ державъ не заявила намъ формальнаго протеста противъ этой мѣры...

Между тѣмъ попытка наша вызвать совокупное съ нами дѣйствіе Австріи побудила ее впервые поставить, какъ принципъ: всѣ дѣла, касающіяся восточнаго вопроса, рѣшать конференціею или конгрессомъ между великими державами. Эта мысль была внушена Австріи французскимъ посломъ, г. де-Буркене, исполнявшимъ въ то время относительно насъ въ Вѣнѣ почти туже роль, какую исполнялъ въ Константинополѣ Редклифъ и въ ней ясно проглядывала самая сподручная уловка обратить Австрію, подъ личиною миролюбія, въ пособника враждебной намъ интриги. Какъ видно, нынѣ графъ Андраши воспользовался поученіями, унаслѣдованными имъ отъ прошлаго... Изъ Вѣны состоялось предложеніе конференціи. За проектами примиренія не стало дѣло: ихъ появилось много. Изъ всего сумбура этихъ болѣе или менѣе враждебныхъ намъ предложеній вышелъ проектъ составленной парижскимъ кабинетомъ пресловутой *Вѣнской ноты*, возбудившей столько надеждъ на окончательное примиреніе—ноты, которая, къ общей радости всѣхъ друзей мира, была принята Россіей.

Тянувшееся съ 1850 года и начавшееся по вопросу, о которомъ уже никто болѣе и не думалъ, грозное международное препирательство—казалось улаженнымъ. Въ Константинополѣ самъ неугомонный Редклифъ, повинуясь кабинету, *оффиціально* настаивалъ на принятіи Вѣнской ноты Портою...

Но—ко всеобщему удивленію европейской публики, непосвященной въ закулисныя тайны этой комедіи—Порта оказалась непоколебимою и отвергла проектъ ноты, предложенный Франціею.

Въ депешѣ отъ 20 августа Редклифъ объявилъ, что если, какъ *посолъ*, онъ настаивалъ на принятіи Портою ноты, то, какъ *частный человѣкъ*, онъ считалъ гибельнымъ для нея принятіе этой самой ноты.

На этотъ разъ Вѣнскій кабинетъ, которому принадлежала иниціатива всего этого дѣла, повидимому, оказался глубоко оскорбленнымъ безцеремонностью обращенія Порты съ его предложеніемъ. Графъ Буоль настоятельно сталъ требовать совокупнаго дѣйствія великихъ державъ съ цѣлію принудить Порту принять *Вѣнскую ноту*. Еще разъ, казалось, неизбѣжно и близко торжество дѣла мира. Но тутъ-то и подвернулась знаменитая „канцелярская оплошность (inadvertance de chancellerie)“, разрушившая надежды на миръ!

Дѣло въ томъ, что когда Порта представила измѣненный ею проектъ Вѣнской ноты, Россія объявила, что она не приметъ другаго текста, кромѣ того, который, хотя и безъ ея участія, былъ условленъ державами, но на который она все-таки уже изъявила свое согласіе. Императоръ Николай Павловичъ приказалъ своему канцлеру составить собственно для себя одного „тайный“ докладъ, въ которомъ были выставлены сущность и значеніе требуемыхъ Турціею перемѣнъ въ первоначальномъ текстѣ *ноты*. Понятно, что докладъ этотъ долженъ былъ быть переписанъ на бѣло лишь въ *одномъ экземплярѣ*. На дѣлѣ вышло иное: вопервыхъ, докладъ былъ переписанъ въ двухъ экземплярахъ; вовторыхъ, одинъ экземпляръ проекта кто-то отправилъ въ Вѣну въ руки австрійскаго министра, затѣмъ документъ попалъ въ парижскій и лондонскій кабинеты...

И этою позорною для насъ измѣною еще разъ вдругъ были разрушены всѣ надежды на миръ! На требованіе графа Буоля касательно совокупнаго понужденія Порты къ безусловному принятію *Вѣнской ноты*, самъ лордъ Абердинъ объявилъ, что „такъ какъ наши объясненія дали нотѣ значеніе совершенно противное тому, какое придавала ему вѣнская конференція, то лондонскій кабинетъ не можетъ болѣе настаивать у Порты на принятіи его“. Въ этомъ же смыслѣ объяснился за тѣмъ въ Вѣнѣ и парижскій кабинетъ.

Благодаря нашей „канцелярской оплошности“, лондонскому ка-

бинету удалось найти хоть сколько нибудь благовидный предлогъ выручить Порту изъ неблагопріятнаго положенія, въ какое поставилъ ее предъ Европой воинственный задоръ лорда Редклифа. 10 сентября въ Константинополѣ была устроена... маленькая революціонная комедія софтъ. Этого оказалось достаточно, чтобы побудить Редклифа, якобы уступившаго имъ же самимъ конечно продиктованной просьбѣ турецкихъ министровъ,—вытребовать изъ Безика въ Босфоръ англійскую эскадру. 22 сентября она снялась съ якоря, но только 29-го ей удалось пройти Дарданеллы и бросить якорь въ Мраморномъ морѣ. Наше правительство немедленно протестовало противъ этого вопіющаго нарушенія трактата 1841 года.

Но тутъ, какъ будто по заказу, подоспѣло объявленіе войны Турціею Россіи, состоявшееся 4 октября. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ отмѣненъ запретъ доступа въ Дарданеллы...

III.

Занятіе русскими войсками пограничной турецкой территоріи продолжалось уже три мѣсяца, когда Порта, словно опомнившись, вдругъ объявила войну Россіи. Между тѣмъ, въ нашихъ отношеніяхъ къ Портѣ, также какъ и въ занятой русскими войсками части турецкой территоріи, не произошло ничего такого, что̀ могло бы вызвать въ Константинополѣ столь внезапный поворотъ въ сдержанной политикѣ, первоначально принятой Диваномъ. Разгадку тайныхъ побужденій, вызвавшихъ эту перемѣну, надо искать только въ самомъ Константинополѣ, а именно во вліяніи, производимомъ на Порту западными державами, особенно Англіею. Только ихъ интересамъ соотвѣтствовала рѣшительная мѣра, внезапно принятая Диваномъ. Западнымъ сосѣдямъ не оставалось другого средства, какъ побудить Турцію къ объявленію намъ войны, чтобы оправдать явное нарушеніе ихъ флотами трактата 1841 года, только въ случаѣ войны разрѣшавшаго европейскимъ эскадрамъ проходъ чрезъ Дарданеллы. Съ другой стороны, для Порты исчезало тогда всякое опасеніе внезапнаго появленія Черноморскаго флота предъ Константинополемъ или внезапной высадки сильнаго отряда русской арміи, у входа въ Босфоръ, на незначительномъ разстояніи отъ столицы. Между тѣмъ, 13-го сентября 1853-го года, получено было въ Одессѣ

3

приказаніе перевезти на кавказскій берегъ 13-ую дивизію съ ея артиллеріею, полнымъ обозомъ и 800 лошадьми, а 24-го сентября вся эта сила уже была высажена за 400 миль, на суровый берегъ Анакріи, средствами одного паруснаго флота, при помощи лишь семи пароходовъ, изъ коихъ одинъ только былъ въ 400 силъ *)! Понятно, до какой степени подобное доказательство силы, дѣятельности и знанія своего дѣла со стороны нашего флота и подвижности нашей арміи должно было содѣйствовать развитію у Турокъ и Англичанъ опасенія на счетъ неожиданнаго десанта русскихъ войскъ въ Босфорѣ...

Въ настоящее время нѣтъ никакого сомнѣнія, что именно эти опасенія турецкихъ и англійскихъ политиковъ и были *единственною причиною* той сдержанной умѣренности, которую Порта, сдаваясь настояніямъ, *преимущественно, англійской дипломатіи*, выказала по вопросу о занятіи Дунайскихъ Княжествъ русскими войсками. Не только въ Петербургѣ, но и въ Берлинѣ эти настоянія лондонскаго кабинета на необъявленіи Портою войны Россіи за занятіе Княжествъ были прославлены какъ доказательство „умѣренности и миролюбія“ Англіи, что̀ и способствовало поддержанію у насъ довѣрія къ ней! Между тѣмъ, изъ сличенія чиселъ оказывается, что именно то же опасеніе (а никакъ не небывалыя въ то время угрозы Россіи) было истинною причиной внезапнаго отправленія — опять таки *по иниціативѣ лондонскаго кабинета* — англійскаго и французскаго флотовъ въ Безикскую бухту. Что эта рѣшимость лондонскаго кабинета не могла быть вызвана *единственною* угрозою, выраженною въ то время Россіею

---

*) Въ *Морскомъ Сборникѣ* 1855 года (№ 2) г. Шестаковъ привелъ въ параллель этотъ десантъ съ высадкою союзниковъ въ Крыму и отдалъ безусловное преимущество первому, такъ какъ союзники, располагая 100 пароходами, не считая громаднаго паруснаго флота, приготовлялись въ Варнѣ три мѣсяца, чтобы пройти всего 200 миль. Авторъ статьи, И. А. Шестаковъ (нынѣ контръ-адміралъ) началъ службу въ Черноморскомъ флотѣ, подъ руководствомъ Лазарева, и неоднократно командовалъ судами. Имя г. Шестакова извѣстно въ морской литературѣ.

Портѣ и заключавшеюся въ нотѣ графа Нессельроде отъ 31-го іюня, — доказывается уже тѣмъ, что нота была получена въ Константинополѣ въ тотъ день, когда союзныя эскадры, послѣ труднаго плаванія, бросили якорь въ Безикской бухтѣ; самое же приказаніе Дундасу отправиться въ Безику было отдано 2-го іюня, когда объ этой нотѣ никто еще не имѣлъ никакого свѣдѣнія. Но пока Россія цѣлый мѣсяцъ колебалась исполнить свою угрозу, союзники, отправленіемъ флота въ Безику, даже не предупредивъ о томъ Россію, уже не грозили, а прямо приняли относительно насъ явно враждебную мѣру, вліяніе которой, конечно, не могло не положить предѣла колебаніямъ петербургскаго кабинета.

Таковы истинныя побужденія, вызвавшія со стороны Порты объявленіе войны. Оно состоялось лишь тогда, когда союзные флоты, наскоро выступившіе въ дальній походъ, успѣли въ Безикской бухтѣ вполнѣ снарядиться на войну, и затѣмъ *прошли* чрезъ *Дарданеллы*. Нельзя не обратить вниманія на тотъ знаменательный фактъ, что проходъ ихъ чрезъ Дарданеллы, вопреки трактату 1841-го года, *не послѣдовалъ за объявленіемъ Турціею войны, а предшествовалъ ему*. Союзники знали, что, при господствовавшихъ въ то время сѣверныхъ вѣтрахъ въ Черномъ морѣ, въ Константинополь можно было гораздо скорѣе поспѣть русскому флоту изъ Севастополя, чѣмъ союзному изъ Безики. Но русскимъ главнокомандующимъ въ Дунайскихъ Княжествахъ и за Кавказомъ Порта не сдѣлала оффиціальнаго заявленія объ объявленной войнѣ. Вотъ почему, въ Азіи, Турки вездѣ могли захватить Русскихъ врасплохъ, пока турецкій манифестъ, кружнымъ путемъ чрезъ Вѣну, слѣдовалъ въ Петербургъ. Только на Дунаѣ, два дня спустя послѣ объявленія войны, 27-го сентября (6-го октября), турецкій главнокомандующій Омеръ-паша предупредилъ русскаго главнокомандующаго, князя Горчакова, письмомъ, что, въ случаѣ неочищенія Дунайскихъ Княжествъ, въ *двухнедѣльный срокъ*, турецкая армія откроетъ воен-

ныя дѣйствія. Князь отвѣтилъ, что онъ не имѣетъ приказаній вступать въ переговоры ни о мирѣ, ни объ открытіи военныхъ дѣйствій, ни объ оставленіи Княжествъ; между тѣмъ, 29-го сентября (8-го октября), лондонскій кабинетъ приказалъ адмиралу Дундасу предупредить русскаго адмирала въ Севастополѣ, что англійскій флотъ будетъ защищать территорію Турціи противъ всякаго покушенія Русскихъ высадить на нее свои войска или всякаго другаго враждебнаго противъ нея дѣйствія нашего флота. Приказаніе это было исполнено гораздо позже, только послѣ Синопскаго сраженія. Однако, въ концѣ сентября, барону Брунову было заявлено лордомъ Абердиномъ, что хотя онъ и успѣлъ не допустить немедленнаго вступленія англійскаго флота въ Черное море, но всякая попытка Русскихъ противъ какого-бы то ни было турецкаго порта немедленно будетъ имѣть послѣдствіемъ принятіе этой мѣры. 15-го (27-го) октября Кларендонъ сообщилъ депешей Сеймуру, что англійской эскадрѣ поручено защищать турецкую территорію и не допускать нападенія на нее со стороны нашихъ морскихъ силъ. Само собою разумѣется, императорскій кабинетъ не призналъ правъ Англіи на такую вопіющую защиту нашего непріятеля безъ объявленія войны.

Не смотря на протесты русской дипломатіи, лордъ Абердинъ остался непоколебимъ въ установленномъ имъ принципѣ, что Англія, безъ объявленія войны Россіи, принимаетъ на себя защиту турецкой территоріи противъ всякаго нападенія на нее русской эскадры.

Итакъ, немедленно по объявленіи Турціею войны Россіи, Англія, а за нею и Франція наложили на Черноморскій флотъ ограниченіе ея правъ воюющей державы, предоставляя ей пользованіе этимъ правомъ только на сухомъ пути...

Но Россія, въ то время, не имѣла въ виду воспользоваться немедленно этимъ милостивымъ разрѣшеніемъ лондонскихъ торгашей. Петербургскій кабинетъ объявилъ, что, насколько возможно, онъ

ограничится одною обороною. По мнѣнію тогдашняго намѣстника Царства Польскаго, оборонительное положеніе представляло намъ слѣдующія выгоды: „мы *не поссоримся съ Европою,* не остановимъ торговли, не помѣшаемъ дипломатическимъ сношеніямъ, коихъ результаты *могутъ быть для насъ выгодны... никто нынѣ въ Европѣ не хочетъ войны,* а наше положеніе, между прочимъ, *день ото дня дѣлается лучше*".

Не смотря на появленіе союзныхъ флотовъ въ Босфорѣ, не смотря на извѣстныя намъ посылки, въ громадныхъ размѣрахъ, всякаго рода оружія изъ Англіи и изъ Франціи въ Турцію *), не смотря на присутствіе безчисленныхъ французскихъ офицеровъ не только въ арміи Омеръ-паши, но и во всѣхъ турецкихъ крѣпостяхъ по Дунаю,—у насъ еще не принимались никакія серьезныя мѣры къ отпору столь явно грозившей намъ опасности со стороны западныхъ державъ. Выставленныхъ нами силъ далеко не было достаточно даже противъ одной Турціи, а мы все еще увлекались немыслимою надеждою на миролюбіе Европы и, вмѣсто того, чтобы вооружаться, продолжали переговариваться! Западныя державы охотно поддавались этой благодушной наклонности нашей въ полной увѣренности, что, рано или поздно, Турки принудятъ насъ выйти изъ нашего предвзятаго долготерпѣнія, вызвавъ съ нашей стороны необходимость какого нибудь энергическаго дѣйствія, и такимъ образомъ осуществятъ программу, преподанную парижскимъ кабинетомъ своему представителю въ Константинополѣ. „Мнѣ не нужно повторять вамъ, м. г. —писалось изъ Парижа—что въ высшей степени необходимо оставить Петербургскому кабинету *всю отвѣтственность за* починъ нападенія. *Только въ этомъ случаѣ покажется вполнѣ законною* и дѣйстви-

*) На *всѣхъ* отбитыхъ нами при Башъ-Кадыкларѣ турецкихъ ружьяхъ было французское клеймо, а на отбитыхъ тамъ 24-хъ орудіяхъ, также какъ и на безчисленныхъ ящикахъ и на сѣдлахъ регулярной кавалеріи — англійскія клейма (*отъ очевидцевъ*).

тельною поддержка, которую мы намѣрены оказать Портѣ. Только въ этомъ случаѣ, мы *покажемся защитниками въ духъ своемъ нарушеннаго трактата 1841-го года* и *оплотами европейскаго равновѣсія*... Дѣло, за которое мы вооружились, окажется дѣломъ *всего міра и общественное мнѣніе, какъ и кабинеты, станутъ на нашу сторону*"!.. Возможно-ли болѣе наглымъ образомъ высказать, что всѣ эти пресловутыя „великія идеи," коими дѣйствительно мотивировалось впослѣдствіи объявленіе войны Франціею Россіи, были не что иное, какъ предлоги и ловушки, имѣвшія цѣлью дурачить общественное мнѣніе и кабинеты Европы призрачною личиною „*законности*"...

Такова была со стороны Франціи цѣль продолженія переговоровъ о мирѣ, а петербургскій кабинетъ все еще льстилъ себя надеждой, что его „положеніе, день ото дня, оказывается лучше"! Эти надежды внутри Россіи сказывались самою немыслимою безпечностью: мы довольствовались мобилизаціею двухъ корпусовъ; не имѣя никакой правильной системы резервовъ, мы не думали усилить наличнаго состава арміи новымъ наборомъ, мы не думали даже запасаться порохомъ и другими боевыми потребностями, въ коихъ у насъ уже тогда предвидѣлся недостатокъ! Въ самой Турціи, послѣ трехмѣсячнаго пребыванія въ Румыніи, у насъ оказалось въ строю не болѣе 55,000 человѣкъ, растянутыхъ на огромномъ протяженіи отъ устьевъ Дуная до Малой Валахіи, а у Омеръ-паши было въ Придунайской Болгаріи уже до 130,000 человѣкъ, и съ трехъ частей свѣта безпрестанно прибывали къ нему подкрѣпленія, вооружаемыя Англіею и Франціею. Еще отчаяннѣе было наше положеніе на Азіятской границѣ: намѣстникъ кавказскій, князь Воронцовъ, доносилъ, что онъ можетъ выставить противъ Турціи не болѣе четырехъ батальоновъ и хотя съ тѣхъ поръ подоспѣла къ нему на подкрѣпленіе 13-я дивизія,—часть ея немедленно была распредѣлена не по границѣ, а по нашимъ оборонительнымъ линіямъ съ Горцами, отъ которыхъ, подъ влія-

ніемъ дѣятельной пропаганды турецкихъ эмисаровъ, особенно въ доступныхъ имъ съ моря горахъ западнаго Кавказа, можно было ожидать скораго усиленія набѣговъ на наши владѣнія.

Въ виду угрозы въ письмѣ Омеръ-паши русскому главнокомандующему, пришлось: озаботиться охраненіемъ всего теченія Нижняго Дуная и придвинуть къ предстоявшему театру войны часть расположенной у Измаила рѣчной флотиліи, подъ командою контръ-адмирала Мессера. На пути отъ Измаила къ Галацу флотиліи предстояло пройти подъ огнемъ праваго берега Дуная, вооруженнаго сильною артиллеріею, на разстояніи отъ Тульчи до Исакчи. Турецкими работами руководилъ въ этомъ мѣстѣ французскаго генеральнаго штаба полковникъ Маньянъ, который, въ упоеніи отъ призрачнаго успѣха своихъ трудовъ, донесъ, что „мимо Исакчи не пролетитъ и птица безъ его позволенія“. Слухи о силѣ береговыхъ укрѣпленій Исакчи побудили русскаго главнокомандующаго, князя Горчакова, приказать, чтобы движеніе нашей флотиліи производилось не иначе, какъ ночью. Но, по убѣжденію всѣхъ опытныхъ моряковъ, приказаніе это не соотвѣтствовало техническимъ условіямъ дѣла. Самъ начальникъ готовившейся экспедиціи, капитанъ-лейтенантъ А. Ф. Варпаховскій, просилъ о разрѣшеніи ему пройти не ночью, а днемъ. Какъ весьма справедливо замѣчаетъ г. Шестаковъ, „внезапности въ этомъ случаѣ быть не могло. Шумъ колесъ и искры пароходовъ открыли бы ихъ во время; слѣдовательно, темнота увеличила бы только невыгоды съ нашей стороны, подвергая флотилію опасности плаванія по узкой, извилистой рѣкѣ“. Это соображеніе было тѣмъ болѣе основательно, что, какъ слѣдовало ожидать, у Турокъ были наведены заблаговременно всѣ орудія на извѣстный имъ узкій фарватеръ Дуная. Командовавшій въ Измаилѣ генералъ Лидерсъ разрѣшилъ испрашиваемое моряками отступленіе отъ буквы приказанія главнокомандующаго.

Въ составъ этой опасной экспедиціи входили: два парохода—

Прутъ, вооруженный четырьмя 36-ю фунтовыми коронадами, *Ординарецъ*—четырьмя, и 8 канонирскихъ лодокъ съ двадцатью четырьмя 24-хъ фунтовыми пушками и четырьмя фальконетами. Для прикрытія машинъ отъ выстрѣловъ, у самыхъ бортовъ пароходовъ было на буксирѣ шесть лодокъ. Въ видѣ диверсіи, были выставлены у Сатунова четыре батарейныя орудія. Опасность движенія еще увеличивалась: медленностью хода—въ $2^1/_2$ узла—пароходовъ, буксировавшихъ непосильное имъ число лодокъ, и вѣтромъ, закрывавшимъ дымомъ всѣ непріятельскія батареи, тогда какъ мачты пароходовъ, даже и безъ заблаговременной наводки непріятельскихъ орудій, всегда представляли имъ вѣрную цѣль.

Въ $8^1/_2$ часовъ утра, 11-го (23-го) октября, голова нашей колоны показалась въ виду турецкихъ батарей. Въ самомъ началѣ боя, храбрый Варпаховскій былъ убитъ ядромъ на кожухѣ парохода. Не смотря на потерю главнаго начальника, не смотря на учащенный, адскій огонь стоявшихъ за укрѣпленіями 27-ми орудій огромнаго калибра,—въ 10 часовъ утра наша флотилія вышла изъ подъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Мы потеряли всего: убитыми—одного офицера и 14 нижнихъ чиновъ, ранеными—5 офицеровъ и 55 нижнихъ чиновъ. Вслѣдствіе нашего огня, городъ Исакча загорѣлся, укрѣпленный лагерь, подъ крѣпостью, почти совершенно разрушенъ и занимавшія его войска разбѣжались...

Черноморскимъ морякамъ осталось утѣшеніе, что *первая* кровь, пролитая въ войнѣ 1853-го года, текла въ жилахъ собрата по оружію.

Удивительно, что о придвиженіи нашей флотиліи къ Галацу никто не подумалъ, впродолженіи нашего 7-ми мѣсячнаго пребыванія въ Румыніи, до полученія письма Омеръ-паши, извѣщавшаго о неминуемомъ открытіи военныхъ дѣйствій!

Девять дней спустя, 20-го октября, Турки имѣли случай оцѣнить по достоинству, какъ великъ былъ подвигъ флотиліи Варпаховскаго. Пользуясь густымъ туманомъ, нѣсколько турецкихъ су-

довъ съ пароходомъ пытались спуститься отъ Рущука внизъ по Дунаю. Но всего *четыре* русскихъ *полевыхъ* орудія, *не прикрытыя никакими укрѣпленіями,* принудили ихъ отказаться отъ этой попытки.

Наконецъ, 23-го октября (4-го ноября), состоялось славное для нашихъ войскъ, но почти непостижимое по оплошности общихъ распоряженій, Ольтеницкое сраженіе. Наши охотники уже были во рву укрѣпленій; Турки уже свозили съ ретраншементовъ орудія до такой степени поспѣшно, что *не могли преслѣдовать своимъ огнемъ наше отступленіе;* турецкая пѣхота и кавалерія уже бросились къ Дунаю—какъ вдругъ начальникъ отряда, генералъ Даненбергъ, сообразилъ, что, даже и по занятіи укрѣпленій, намъ нельзя будетъ оставаться въ нихъ, такъ какъ ихъ обстрѣливали съ праваго берега крѣпость Туртукай и батареи!

Между тѣмъ, наканунѣ была сдѣлана рекогносцировка всей этой мѣстности!

Характеристично для тогдашней эпохи было и то, что вся неудача Ольтеницкаго дѣла вызвала замѣчанія только насчетъ пагубности отступленій отъ *Воинскаго Устава,* особенно насчетъ не соблюденія установленныхъ дистанцій между линіями, что́ и было „поставлено на видъ“ Даненбергу съ подтвержденіемъ всѣмъ начальникамъ частей: „впредь держаться въ точности тактическихъ правилъ, утвержденныхъ Уставомъ...“

Ольтеницкая неудача была для насъ фактомъ тѣмъ болѣе прискорбнымъ, что мы имѣли дѣло и съ турецкою ложью, и съ предвзятою ненавистью западной Европы, всегда готовою эксплоатировать эту ложь въ смыслѣ униженія всего русскаго, злорадствовать нашей неудачѣ и пользоваться ею, чтобы забрасывать грязью русское знамя и русскаго солдата! Ольтеницкое сраженіе было ославлено въ цѣлой Европѣ пораженіемъ на-голову русской арміи, будто бы, постыдно бѣжавшей отъ Турокъ; еще недавно Турки гордились имъ какъ доказатель-

ствомъ ихъ яко бы несомнѣннаго боеваго превосходства надъ Русскими—что, какъ извѣстно, сильно способствовало въ 1876—77-мъ годахъ развитію въ Туркахъ военнаго задора, оказавшагося гибельнымъ для нихъ же...

Къ счастію, на противоположной оконечности театра войны, въ Азіи, наши кавказскіе богатыри, руководствуясь единственно своею боевою опытностью и вовсе не думая о соблюденіи высоко цѣнимыхъ тогда на Дунаѣ „правилъ *Воинскаго Устава*", то и дѣло поражали Турокъ. Правда, пока на границѣ нашей, за неполученіемъ свѣдѣній объ объявленіи войны, еще не были приняты необходимыя предосторожности, огромныя полчища Турокъ, въ ночь на 16-ое октября, напали врасплохъ на стоявшій въ мирномъ положеніи пограничный постъ Св. Николая, занятый всего 225-ю человѣками линейнаго баталіона, при двухъ орудіяхъ. Овладѣвъ этимъ постомъ, несмотря на геройскую защиту ничтожнаго числомъ гарнизона, Турки замучили іеромонаха Серафима, служившаго молебенъ во время битвы, и предались надъ остальными плѣнными всѣмъ ужасамъ, присущимъ ихъ звѣрскимъ инстинктамъ, въ которыхъ о пресловутомъ „магометанскомъ фанатизмѣ", конечно, столько же можетъ быть рѣчи, какъ еслибы говорилось о „фанатизмѣ" сорвавшагося съ цѣпи тигра или барса...

Какъ въ Азіи, такъ и на Дунаѣ Турки начали военныя дѣйствія *до срока, назначеннаго Омеръ-пашей въ его письмѣ князю Горчакову.*

Но ни вѣроломство, ни звѣрскія неистовства Турокъ на посту Св. Николая не вызвали ни малѣйшаго негодованія въ просвѣщенной и христіанской Европѣ.

Напротивъ: лицемѣрная Англія—миссіонеры и правоучительныя книги которой проповѣдуютъ, будто православіе лишено „основной мысли христіанства", поэтому „необходимо сперва *охристіанить самихъ христіанъ Сирійскихъ*, а потомъ уже языч-

никовъ *)—съ восторгомъ привѣтствовала извѣстіе о неистовствахъ на *посту* Св. Николая какъ доказательство „геройства“ Турокъ и „малодушія“ Русскихъ, „не отразившихъ штурма на защищаемую ими *крѣпость*“.

Попытки Турокъ совершить подобные же подвиги по долинѣ Арпачая побудили князя Бебутова, только что замѣстившаго князя А. И. Барятинскаго въ командованіи собранными у Александрополя войсками, выслать вверхъ по Арпачаю всего шести тысячный отрядъ съ 28-ю орудіями, подъ начальствомъ князя Орбеліани. Отрядъ шелъ противъ всѣхъ „правилъ *Воинскаго Устава*“, даже безъ авангарда, съ пѣхотою и батарейными батареями впереди, а кавалеріею съ конною артиллеріей сзади, въ прикрытіи обоза, по волнистой мѣстности, пересѣченной болотистыми канавами,—какъ вдругъ, верстахъ въ десяти отъ Александрополя, у селенія Баяндуръ, на холмахъ, господствовавшихъ надъ всею окружающею мѣстностью, открылась предъ нимъ въ полномъ боевомъ порядкѣ 30-тысячная непріятельская армія съ 48-ю орудіями **). Впродолженіи пяти часовъ, горсть шести тысячь кавказскихъ богатырей, на самой невыгодной для артиллерійскаго боя позиціи, не только выдержала убійственный огонь почти вдвое болѣе сильной непріятельской артиллеріи, но и отбила всѣ попытки врага перейти въ наступленіе, не уступивъ ни единой пяди огромному пре-

*) См. *Русскій Архивъ* 1878 г., № 7.

**) Неизвѣстно, изъ какихъ источниковъ нашъ почтенный историкъ, М. И. Богдановичъ взялъ, что открытый сорокаорудійною турецкою батареей огонь „сначала *озадачилъ* кавказскихъ солдатъ“, лишь привыкшихъ, будто бы, къ безвредному огню Шамилевской артиллеріи. На рубкахъ лѣса, въ Чечнѣ, Горцы обстрѣливали наши колоны впродолженіи цѣлыхъ дней, и это была, безъ сомнѣнія, лучшая школа, чтобы привыкнуть къ артиллерійскому огню,—что именно и было доказано при Баяндурѣ изумительнымъ пренебреженіемъ къ неожиданно открытому огню сорока орудій непріятеля, такъ что даже шедшіе впереди баталіоновъ Эриванскаго карабинернаго полка пѣсельники ни на минуту не остановили своихъ пѣсенъ, вмѣстѣ съ плясками и прибаутками ложечниковъ, подъ неумолкающимъ, ужаснѣйшимъ пушечнымъ огнемъ, до самаго конца битвы. *(Отъ многочисленныхъ очевидцевъ).*

восходству непріятельскихъ силъ! Впечатлѣніе, произведенное на Турокъ этою безпримѣрною стойкостью было такъ сильно, что поздно вечеромъ достаточно было появленія на ихъ флангѣ всего трехъ баталіоновъ, при шести эскадронахъ и нѣсколькихъ сотняхъ казаковъ, подъ личнымъ начальствомъ князя Бебутова, чтобы побудить всю турецкую армію къ отступленію за только что перейденную ею границу!..

Четыре дня спустя, 6-го (18-го) ноября, сдѣлались извѣстны и на Кавказѣ не только объявленіе войны Турціею Россіи, но и Высочайшій манифестъ о войнѣ. Почти безнаказанно до сихъ поръ брошенная султаномъ перчатка наконецъ была поднята. Всѣ вздохнули свободнѣе...

Въ тотъ же день, у Ацхура, послѣ геройской защиты ущелія маіоромъ Толубѣевымъ, генералъ Бруннеръ, съ восемью неполными ротами, нанесъ пораженіе значительному турецкому отряду; 14-го же ноября генералъ князь Андронниковъ, съ отрядомъ всего въ 7,000 человѣкъ съ 10-ю орудіями, изъ коихъ бо́льшая часть двигалась на *почтовыхъ лошадяхъ*,—ограничилъ всѣ распоряженія свои слѣдующимъ оригинальнымъ заявленіемъ военному совѣту: „Я не ученый, знаю только, что мы должны идти на Турокъ и разбить ихъ, а подробности распоряженій предоставляю вамъ, господа!“ Затѣмъ князь такъ буквально исполнилъ эту немудреную „диспозицію“, что 18-ти тысячный турецкій отрядъ, при 13-ти орудіяхъ, былъ разсѣянъ и, говоря словами донесенія побѣдителя, „бой прекратился по неимѣнію противниковъ“, оставившихъ ему и всю свою артиллерію.

Между тѣмъ, въ Черноморскомъ флотѣ, повидимому, имѣли гораздо болѣе ясное понятіе о замыслахъ Турціи, чѣмъ въ Петербургѣ. Крейсеры, коими, по плану начальника штаба Черноморскаго флота, генералъ-адъютанта В. А. Корнилова, было оцѣплено все Черное море, доставили отъ разныхъ встрѣтившихся имъ судовъ свѣдѣніе, что предметомъ первыхъ дѣйствій Ту-

рокъ будетъ кавказскій берегъ, съ его неукротимо враждебными намъ горскими племенами. Свѣдѣнія эти подтверждались извѣстіями съ самаго Кавказа. Дѣйствительно, уже съ февраля 1853-го года, тамъ началось искуственное возбужденіе турецкими эмиссарами кавказскихъ горскихъ племенъ и распространеніе между ними толковъ о предстоявшей войнѣ между Россіею и Турціею. 20-го мая была выслана къ Босфору легкая наблюдательная эскадра, подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта С. С. Лесовскаго, *) успѣвшаго уже тогда обратить на себя особенно-лестное вниманіе представителей Черноморскаго флота; другая эскадра, контръ-адмирала Ф. М. Новосильскаго, была отправлена въ крейсерство по восточному берегу Кавказа. Въ концѣ іюня эскадры вернулись въ Севастополь. Въ сентябрѣ, вслѣдствіе постоянно усиливавшихся толковъ о броженіи умовъ въ средѣ кавказскихъ горцевъ, а также по заявленію князя Воронцова о недостаточности ввѣренной ему арміи въ случаѣ войны съ Турціею, состоялась перевозка 13-ой пѣхотной дивизіи на Кавказъ. Въ то время въ Севастополѣ уже было извѣстно, что турецкимъ судамъ, въ случаѣ встрѣчи съ русскими, было приказано атаковать ихъ. 11-го (23-го) октября вновь была отправлена въ крейсерство къ Анатолійскому берегу эскадра, подъ начальствомъ вице-адмирала П. С. Нахимова, но съ приказаніемъ: „безъ особеннаго повелѣнія не начинать боя, развѣ Турки сами начнутъ его“. Долгое, трудное крейсерство это, въ осеннія бури, вызвало пріятные для Черноморцевъ отзывы даже завистниковъ нашихъ. Англійскія газеты уже не скрывали, что часть стоящаго въ Босфорѣ флота была назначена къ перевозкѣ не только оружія и боевыхъ припасовъ, но и десанта на кавказскій берегъ. Въ это же время была отправлена къ Сулину, Бургасу, Варнѣ, до самаго Босфора и другая крейсерская эскадра изъ трехъ пароходовъ, подъ начальствомъ Корнилова. „Государь съ нетерпѣніемъ ждать будетъ извѣстія о послѣдствіяхъ вашей реког-

*) Нынѣ управляющій морскимъ министерствомъ.

носцировки. Если вы узнаете о выходѣ турецкой эскадры изъ Босфора," писалъ 20-го октября князь Меншиковъ Корнилову, „то неотлагательно дайте мнѣ знать, съ назначеніемъ пункта соединенія съ вами" *). 26-го октября Корниловъ, почти у входа въ Босфоръ, подошелъ только на одномъ пароходѣ *Владиміръ* (командиръ Г. И. Бутаковъ), едва не на пушечный выстрѣлъ, къ открытой имъ турецкой эскадрѣ и немедленно далъ знать о томъ князю Меншикову, въ Одессу, съ пароходомъ *Громоносецъ*. 28-го октября Корниловъ вернулся въ Севастополь, гдѣ всѣ были убѣждены, что цѣль турецкой эскадры—атаковать Сухумъ-Кале. Немедленно по прибытіи, Корниловъ отдалъ приказъ, извѣщавшій, что онъ принимаетъ командованіе эскадрою, бывшею подъ флагомъ Новосильскаго, и оканчивавшійся слѣдующими знаменательными словами: „...я намѣренъ сняться, надѣясь, что еслибы счастье намъ благопріятствовало и мы встрѣтили бы непріятеля, то, съ помощью Божьей, офицеры и команды судовъ *вполнѣ воспользуются случаемъ увеличить нашъ флотъ новыми судами*... При могущемъ встрѣтиться боѣ, я не считаю нужнымъ излагать какія-либо наставленія: *дѣйствовать соединенно, помогая другъ другу и на самое близкое разстояніе* — по моему лучшая тактика". На другой же день Корниловъ обратно отплылъ въ море съ пятью кораблями, въ надеждѣ застигнуть видѣнныя прежде суда. Въ полдень 29-го октября адмиралъ сдѣлалъ телеграфъ: „объявить командамъ, что *Государь ожидаетъ усердной службы, а Россія всегдашней славы своего оружія. Съ нами Богъ!*" Но Турки уже исчезли. Между тѣмъ, отъ встрѣчныхъ купцовъ получено извѣстіе, что не задолго передъ тѣмъ вышли изъ Босфора въ Трапезундъ три турецкіе парохода. Приказавъ эскадрѣ, подъ началь-

---

*) „*Матеріалы для исторіи обороны Севастополя и для біографіи В. А. Корнилова*", собранные и объясненные капитанъ-лейтенантомъ А. П. Жандромъ, *бывшимъ его флагъ-офицеромъ*. Сборникъ этотъ представляетъ не мало интересныхъ фактовъ, характеризующихъ Севастопольскую эпоху.

ствомъ Новосильскаго, идти на соединеніе съ Нахимовымъ, Корниловъ, на пароходѣ *Владиміръ*, поспѣшилъ впередъ...

Между тѣмъ, немедленно по полученіи извѣстія о взятіи поста св. Николая, начальникъ 3-го отдѣленія черноморской береговой линіи, генералъ-маіоръ Мироновъ, посадивъ роту пѣхоты на военный пароходъ *Колхида,* отправился для осмотра этого мѣста. 20-го октября, при сильномъ туманѣ, *Колхида* имѣла несчастіе стать на мель на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ Турокъ, сильно укрѣпившихся у поста Св. Николая. *Колхида,* стоя носовою частью къ непріятелю, не могла отвѣчать на его учащенный пушечный огонь. Надо было перетащить къ носовой части тяжелыя орудія парохода, а вмѣстѣ съ тѣмъ напрягать всѣ усилія, чтобы сняться съ мели, и все это—подъ адскимъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ, на который отзывались одни наши штуцерные. На бѣду, съ самаго начала боя, командиръ парохода Кузмицкій былъ убитъ ядромъ; на пароходѣ два раза начинался пожаръ; Турки, на кочермахъ, массами шли на абордажъ. Но, благодаря храбрости и хладнокровію команды, мѣткости штуцерныхъ, а особенно мужественной распорядительности двухъ молодыхъ офицеровъ, лейтенанта Степанова и мичмана Дистерлоо, конечно, цѣною потери многихъ храбрыхъ, пароходъ былъ спасенъ и успѣлъ сняться съ мели. Не смотря на ошибку, поставившую его въ это отчаянное положеніе, нельзя не удивляться непоколебимой рѣшимости спасти пароходъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя въ подобномъ же положеніи попался на Одесскій берегъ англійскій пароходъ *Тигръ*—и былъ принужденъ спустить флагъ...

Блестящее для нашихъ моряковъ дѣло *Колхиды* было представлено западною печатью въ совершенно безславномъ для насъ видѣ. По отзыву ея, русскій пароходъ не *Колхида,* а *Громоносецъ,* ставъ на мель, былъ разбитъ турецкою артиллеріею, снесенъ на камни у Батума, гдѣ имъ, будто бы, завладѣли Турки и пустили его ко дну. Не довольствуясь простымъ вымысломъ, они

сочинили цѣлую басню о томъ, какъ командиръ старался нарядить людей своихъ въ турецкіе костюмы, какъ турецкій офицеръ узналъ въ пароходѣ тотъ самый, который привозилъ въ Стамбулъ князя Меншикова, какъ искусно онъ потопилъ пароходъ выстрѣломъ и, наконецъ, какъ *плѣнный экипажъ подтвердилъ въ Константинополѣ всѣ эти показанія....*

30-го октября (11-го ноября) прибыло въ Севастополь радостное извѣстіе: Высочайшій манифестъ о разрывѣ съ Турціей! Наконецъ, съ Черноморскаго флота былъ отмѣненъ тяжелый приказъ: „отражать, но не нападать!" Счастливое извѣстіе немедленно отправлено къ Нахимову съ пароходомъ *Бессарабія.* Достигло оно своего назначенія 1-го ноября. На радости, послѣ столь томительнаго ожиданія, Нахимовъ далъ своей эскадрѣ знаменательную телеграмму: „*Война объявлена! отслужить молебствіе и поздравить команду!*" На всѣхъ судахъ эскадры громовое ура! привѣтствовало полученное извѣстіе; по свидѣтельству очевидцевъ, офицеры и матросы, съ одинаковымъ воодушевленіемъ, даже со слезами радости, поздравляли другъ друга съ давно желаннымъ, счастливымъ событіемъ. Но, за бурею, Нахимовъ только 3-го ноября сообщилъ эскадрѣ свою рѣшимость: „Непріятель иначе не можетъ исполнить свое намѣреніе атаковать Сухумъ," гласилъ его приказъ, „какъ пройдя мимо насъ, или давъ намъ сраженіе. Въ первомъ случаѣ, я полагаюсь на бдительный надзоръ командировъ и офицеровъ; во второмъ, съ Божьею помощью и увѣренный въ своихъ офицеровъ и команды, надѣюсь съ честью принять сраженіе. Не распространяясь въ наставленіяхъ, я выскажу свою мысль, что въ морскомъ дѣлѣ *близкое разстояніе отъ непріятеля и взаимная помощь другъ другу* есть лучшая тактика. Увѣдомляю гг. командировъ, что, въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ, *превосходящимъ насъ въ силахъ,* я атакую его, будучи совершенно увѣренъ, что каждый изъ насъ исполнитъ свой долгъ."

„Послѣднія слова приказовъ обоихъ адмираловъ", замѣчаетъ по этому поводу г. Жандръ, „доказываютъ, что они одинаково пони-

мали условія морскаго боя... Нахимовъ благородно соперничалъ съ Корниловымъ въ морскомъ искуствѣ; оба они съ неусыпнымъ вниманіемъ и постоянною заботливостью слѣдили за своими судами въ умѣніи предугадать и отвратить опасность; оба зрѣло обдумывали всякое предпріятіе, но, рѣшившись—не колебались болѣе и съ быстротою пользовались обстоятельствами".

. . . .

4-го ноября пароходъ *Бессарабія* взялъ безъ выстрѣла турецкій транспортный пароходъ *Медари-Тиджіаретъ*, коего команда показала, что въ Синопѣ стоятъ 2 фрегата и 2 корвета.

Между тѣмъ, 5-го ноября, Корниловъ, слѣдуя на пароходѣ *Владиміръ* на соединеніе съ Нахимовымъ, увидѣлъ вдали шесть большихъ судовъ и принялъ ихъ за эскадру Нахимова; но тутъ же, на болѣе близкомъ разстояніи, показался большой непріятельскій пароходъ. Корниловъ немедленно пустился за нимъ въ погоню. Послѣ четырехчасоваго преслѣдованія, *Владиміръ* нагналъ непріятельскій пароходъ, оказавшійся турецко-египетскимъ и называвшійся *Первазъ-Бахри* (Морской Вьюнъ). Онъ былъ въ 220 силъ и вооруженъ 10-ю орудіями большаго калибра. Съ начала боя, мѣткимъ взглядомъ хладнокровнаго и опытнаго моряка, командиръ Бутаковъ замѣтилъ у *Вьюна* отсутствіе кормовой обороны. Быстрымъ маневромъ воспользовался онъ немедленно этимъ недостаткомъ и—послѣ двухчасоваго боя, въ которомъ египетскій экипажъ оказалъ большую храбрость и нанесъ русскому пароходу нѣкоторую потерю въ людяхъ, при чемъ былъ убитъ возлѣ самаго Корнилова адъютантъ его, лейтенантъ Желѣзновъ,—*Владиміръ* не только перебилъ у непріятеля половину команды, но привелъ его въ беззащитное состояніе, убилъ капитана и принудилъ спустить флагъ.

Это была первая наша побѣда *на морѣ*—побѣда блистательная, доставшаяся болѣе хладнокровному, болѣе искусному изъ обоихъ соперниковъ. „Встрѣча *Владиміра* съ *Первазъ Бахри*,—замѣчаетъ г. Шестаковъ—была первымъ, можетъ быть единственнымъ

сраженіемъ между двумя колесными пароходами: ухватившись за дивную силу пара, не замедлили обезпечить ее по возможности отъ случайностей боя... И такъ, честь перваго, повторяю, можетъ быть единственнаго опыта борьбы колесныхъ пароходовъ выпала на долю русскихъ моряковъ". Между тѣмъ, видѣнныя вдали шесть судовъ исчезли. Они оказались не эскадрою Нахимова, а турецкою эскадрой, и направились въ Синопъ. У Корнилова же недоставало угля; ему надо было сдать и взятый имъ, сильно поврежденный призъ. По необходимости, ему пришлось вернуться въ Севастополь. „Опасенія мои на счетъ приза были справедливы—доносилъ Корниловъ князю Меншикову—намъ пришлось возиться съ нимъ всю ночь и другой день".

Что же касается турецкой эскадры, то она разошлась въ морѣ и съ эскадрою Новосильскаго, и съ эскадрою Нахимова. Съ нею встрѣтился пароходъ *Одесса* (командиръ Ф. С. Кернъ). Постоянныя бури, мрачная погода съ частымъ дождемъ и туманомъ скрывали турокъ отъ крейсировавшихъ русскихъ эскадръ. Но 8-го ноября, среди разразившейся бури, когда Нахимовъ былъ передъ Синопомъ, а Новосильскій—у Севастополя, фрегатъ *Кагулъ* встрѣтилъ, противъ мыса Керемпе, 4 турецкіе фрегата, которые гнались за нимъ два дня сряду...

За границею не вѣрили побѣдѣ *Владиміра;* напротивъ, журналисты привели его въ Константинополь и указывали на русскую реляцію объ этомъ дѣлѣ, какъ на образецъ офиціальной лжи. Что касается стоявшей въ Босфорѣ англо-французской эскадры, то вотъ въ какомъ видѣ дошло до нея извѣстіе объ этой первой русской морской побѣдѣ: „Крейсирующею по Анатолійскому берегу русскою *морскою дивизіею* даже взято уже одно турецкое *купеческое судно,*" писалъ по поводу этого дѣла находившійся на французскомъ адмиральскомъ кораблѣ офиціальный французскій исторіографъ предстоявшей войны, г. Базанкуръ...

Между тѣмъ, три турецкіе парохода, о коихъ Корниловъ полу-

чилъ свѣдѣніе отъ купцовъ, благодаря силѣ пара, успѣли пройти мимо Нахимова, не имѣвшаго пароходовъ, добраться до Кавказскаго берега и выгрузить тамъ боевые припасы. Въ 12-ти миляхъ отъ берега, встрѣтили они, 9-го ноября, почти при штилѣ, на высотѣ укрѣпленія Пицунда, 44-хъ пушечный фрегатъ *Флора* подъ командою Скоробогатова, плывшаго изъ Севастополя въ Сухумъ. На сдѣланный съ фрегата опознательный сигналъ, непріятель не далъ отвѣта, но, выстроясь въ линію и скрывъ огни, взялъ курсъ къ фрегату, немедленно приготовившемуся къ бою. Пароходы направились къ носовой части фрегата и открыли пальбу, но онъ успѣлъ уклониться подъ вѣтеръ и не допустить непріятеля поражать его продольнымъ огнемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ лѣваго борта, навороченнаго этимъ маневромъ къ непріятелю, фрегатъ открылъ батальный огонь, продолжавшійся 20 минутъ. Огонь былъ такъ мѣтокъ, что непріятель прекратилъ пальбу и отступилъ изъ подъ выстрѣловъ. Пароходы съѣхались для совѣщанія, продолжавшагося 10 минутъ, коими Скоробогатовъ воспользовался, чтобы задѣлать пробоину и стать въ свое первоначальное положеніе. Пароходы возобновили атаку по тому же направленію, какъ въ первый разъ, и вновь открыли огонь. Фрегатъ отвѣтилъ на вторую атаку повтореніемъ перваго маневра и батальнаго огня съ того же лѣваго борта. Огонь продолжался 30 минутъ. По прошествіи ихъ, пароходы опять отступили. Такимъ образомъ повторяли они свои нападенія отъ 2-хъ до 6-ти часовъ пополудни, послѣ чего остались внѣ выстрѣловъ до разсвѣта. Фрегатъ поворотилъ къ берегу.

Съ разсвѣтомъ, 10-го ноября, пароходы подняли турецкіе флаги. На форъ-брамъ-стенгѣ одного изъ нихъ показался вице-адміральскій флагъ. Всѣ пароходы были трехмачтовые, у двухъ замѣчено на бортѣ по 16-ти пушечныхъ портовъ. Въ это время, въ 4-хъ миляхъ отъ берега, показалась русская шкуна *Дротикъ*, съ выкинутыми веслами. Два вражьихъ парохода понеслись къ ней на всѣхъ

парахъ; одинъ адмиральскій продолжалъ слѣдовать за *Флорою*. Увидя угрожавшую шкунѣ опасность, Скоробогатовъ немедленно сообразилъ, что у него только одно средство спасти товарища: поворотиться бортомъ къ адмиральскому пароходу и открыть по немъ усиленный огонь, въ надеждѣ принудить остальные два парохода поспѣшить къ нему на помощь. Маневръ этотъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Погнавшіеся за *Дротикомъ* пароходы поспѣшно вернулись къ адмиральскому и, стараясь отстоять его, все время держались вмѣстѣ, что представило Скоробогатову возможность нанесть имъ значительный вредъ. Къ 9-ти часамъ утра, всѣ три парохода отступили и когда они находились уже внѣ выстрѣловъ, адмиральскій пароходъ, конечно, не иначе, какъ вслѣдствіе значительныхъ поврежденій, былъ взятъ на буксиръ. У *Флоры* оказалось всего двѣ пробоины. Раненыхъ и убитыхъ не было. Турки, вообще, стрѣляли плохо, слишкомъ торопливо, да и мѣтили большею частію въ такелажъ, имѣя въ виду не только помѣшать маневрамъ фрегата, но и вовсе лишить его движенія, чтобы легче овладѣть имъ...

Три турецкіе парохода постыдно бѣжали отъ одного русскаго парусного фрегата, который за безвѣтріемъ (у него всего было два узла ходу!) былъ лишенъ возможности двигаться съ быстротою, необходимою для боя...

Конечно, этимъ неимовѣрнымъ успѣхомъ *Флора* была обязана хладнокровной распорядительности и мужеству Скоробогатова, храбрости и знанію дѣла его команды, а также робости и невѣжеству непріятеля, не умѣвшаго воспользоваться: ни преимуществомъ пара для одновременной атаки фрегата съ разныхъ сторонъ—чтобы не дать ему однимъ маневромъ отдѣлаться отъ продольныхъ выстрѣловъ всѣхъ трехъ пароходовъ—ни огромными бомбическими пушками, коими онъ могъ поражать *Флору*, не имѣвшую орудій болѣе 24-хъ фунтоваго калибра, оставаясь самъ внѣ ея выстрѣловъ. Понятно, что побѣда Флоры была чрезвычайно пріятна самолюбію

Черноморскаго флота, состоявшаго изъ однихъ парусныхъ судовъ, при самомъ незначительномъ числѣ пароходовъ и то все колесныхъ!... *)

Но предъ Европою, благодаря турецкой лжи, это блистательное для русскаго флота дѣло было выставлено въ такомъ видѣ, что турецкіе пароходы, побѣдоносно выгрузивъ на кавказскомъ берегу оружіе и боевые припасы для Горцевъ, встрѣтили *всю эскадру Нахимова* и со славою отбились отъ нея!

Между тѣмъ, Нахимовская эскадра, получивъ извѣстіе о появленіи непріятельскихъ судовъ по направленію къ Синопу, сама послѣдовала туда же. Погода стояла бурная съ послѣднихъ чиселъ октября. 8-го ноября буря превратилась въ штормъ. Однако эскадра не потеряла своего курса, благодаря, преимущественно, техническимъ познаніямъ заслужившаго довѣріе Нахимова флагманскаго штурмана, И. М. Некрасова. Адмиралъ нашелся вынужденнымъ отправить въ Севастополь, для исправленій, два корабля, *Храбрый* и *Святославъ*. 11-го ноября Нахимовъ, всего съ тремя 84-хъ пушечными кораблями: *Императрица Марія, Чесма и Ростиславъ*, подошелъ на двѣ мили къ Синопской бухтѣ.

Въ ней стояла на якорѣ турецкая эскадра въ составѣ семи фрегатовъ, трехъ корветовъ и двухъ пароходовъ, подъ прикрытіемъ береговыхъ батарей. Это была именно та эскадра, которой удалось ускользнуть въ морѣ отъ Корнилова, отъ Новосильскаго, и отъ самаго Нахимова, но изъ коей 4 фрегата два дня сряду гнались за русскимъ фрегатомъ Кагулъ... „Такъ вотъ же она наконецъ", по свидѣтельству очевидцевъ, съ восторгомъ вос-

---

*) Всего на Черномъ морѣ было у насъ въ 1853-мъ году 30 разнаго рода пароходовъ, а именно: 1) собственно *военныхъ* (хотя и *колесныхъ*) *четыре*, изъ нихъ одинъ *Владиміръ* имѣлъ 400 силъ; 2) *транспортныхъ*, отъ 40 до 100 силъ — *десять*; 3) *пакеботныхъ*, отъ 90 до 260-ти силъ, принадлежавшихъ Новороссійскому вѣдомству — *десять* и 4) Кавказскаго вѣдомства 6 пароходовъ отъ 14-хъ до 260-ти силъ. Собственно военный Черноморскій флотъ располагалъ непосредственно *только 6-ю пароходами и 10-ю паровыми транспортами.*

кликнули въ одинъ голосъ всѣ команды при видѣ турецкой эскадры". „А ужъ на счетъ *Кавказа*—смѣясь приговаривали матросы—такъ отложи попеченіе: не видать тебѣ его, какъ своихъ ушей"...

Для атаки этой эскадры, стоявшей подъ защитою береговыхъ батарей, Нахимовъ рѣшился дождаться возвращенія двухъ кораблей, отправленныхъ имъ въ Севастополь. Броситься на непріятельскую эскадру съ тремя кораблями было бы конечно безразсудствомъ. Въ ожиданіи возвращенія своихъ судовъ, Нахимовъ вознамѣрился блокировать турецкую эскадру. Для ускоренія же ихъ возвращенія, былъ отправленъ въ Севастополь бригъ *Эней*. На случай выхода турецкой эскадры изъ бухты, адмиралъ, не взирая на огромное матеріальное превосходство непріятеля, твердо рѣшился—силою преградить ему дорогу.

Турки не двигались. По свидѣтельству г. Базанкура, уже 15-го (27-го) ноября, они ясно разглядѣли эскадру Нахимова. „Несмотря на то—пишетъ французскій исторіографъ—турецкая эскадра *и не подумала* воспользоваться темными и длинными ноябрьскими ночами, чтобы выйдти и оставить эту *опасную* гавань". Неужели, въ самомъ дѣлѣ, она объ этомъ и не *подумала?* И какая ей надобность была украдкой уходить изъ Синопа, когда, при несомнѣнномъ превосходствѣ матеріальныхъ силъ, ей открывалась возможность не только пробить себѣ путь, но и нанести Русскимъ значительный ударъ, если не совершенное пораженіе?...

Отвѣчать на эти вопросы трудно. Погода стояла постоянно бурпая, дождливая; Турки извѣстны своимъ отвращеніемъ пускаться въ море по такой погодѣ. Между тѣмъ, до самаго Батума, къ Востоку, и до Босфора, на Западъ, турецкой эскадрѣ не представлялось лучшаго убѣжища, какъ Синопская бухта. Ее образуетъ дугою загнутый прямо къ Югу и простирающійся отъ Юго-Запада къ Сѣверо-Востоку полуостровъ Босъ-тепе-Бурунъ. Благодаря такому положенію мыса, Синопская бухта прямо обращена къ Югу и совершенно защищена отъ порывистыхъ сѣверныхъ вѣтровъ въ Черномъ морѣ. Городъ Синопъ—

древняя греческая колонія, ставшая затѣмъ столицею Понтійскаго царства и имѣвшая до 60,000 жителей, пока не была завоевана Турками, при которыхъ цифра эта скоро понизилась до 10,000 душъ—выстроенъ въ самомъ узкомъ перешейкѣ полуострова и гавань его вся обращена совершенно къ Югу, что̀, какъ по мягкости климата, такъ и по безопасности гавани, еще въ самой глубокой древности обратило на это мѣстоположеніе вниманіе греческихъ выходцевъ. Но и не будь у турецкой эскадры указаннаго выше отвращенія,—перспектива встрѣчи въ открытомъ морѣ съ Русскими, даже и при томъ превосходствѣ силъ, коимъ пользовалась тогда турецкая эскадра, должна была показаться ей далеко не блестящею въ виду того инстинктивнаго страха, который, по свидѣтельству сына знаменитаго адмирала Кодрингтона *), былъ обнаруживаемъ Турками относительно русскихъ судовъ еще за мѣсяцъ до Наваринскаго погрома. Къ тому же, турецкій адмиралъ имѣлъ полное основаніе полагаться на свою позицію, на защиту шести береговыхъ батарей; подъ прикрытіемъ ихъ, открытый бой съ наступающими русскими парусными судами не безъ основанія могъ казаться ему самою выгодною для него альтернативою. Въ самомъ дѣлѣ: въ морскомъ бою—въ то время, когда еще не было броненосцевъ и когда корабли были всѣ деревянные — береговыя батареи, въ рукахъ искуснаго адмирала, могли имѣть на бой рѣшающее вліяніе, даже при сравнительно незначительномъ числѣ орудій: дѣйствуя за земляными защитами калеными ядрами, онѣ могли замѣнять брандеры, не подвергаясь большой опасности. Въ 1848-мъ году шлезвигъ-голштинская береговая батарея, всего изъ 4-хъ орудій, взорвала датскій линейный корабль и принудила датскій фрегатъ спустить флагъ. Самъ безсмертный Нельсонъ, въ

*) „Любопытно было наблюдать—писалъ 15-го октября своей матери Гарри Кодрингтонъ—какъ Турки удалялись отъ русскихъ судовъ и держались нашей подвѣтренной стороны. Когда русскія суда приближались къ нимъ, они тотчасъ же сторонились и бѣжали на нашу сторону: *что-то зловѣщее видѣлось имъ въ русскихъ судахъ*". *Наваринъ* Е. В. Богдановича.

концѣ прошлаго столѣтія, безплодно цѣлый день на линейномъ кораблѣ обмѣнивавшійся выстрѣлами съ *двумя* орудіями, оборонявшими на берегу Корсики полуразрушенную средневѣковую башню, принужденъ былъ отступить съ значительными потерями.

Итакъ, положеніе турецкаго адмирала было бы далеко неотчаянно, еслибы онъ съумѣлъ извлечь изъ своего мѣсторасположенія и изъ прикрывавшихъ его батарей ту выгоду, какую они могли и *должны были бы* доставить въ бою съ наступающимъ флотомъ, особенно съ паруснымъ. Карта показываетъ, что турецкая эскадра могла бы оказать наибольшее сопротивленіе, если бы ее расположили невдоль города, а южнѣе, по мелководію. Были и другія средства, которыми турецкій адмиралъ могъ бы обезпечить себѣ успѣхъ. „При средствахъ арсенала и обыкновенной дѣятельности—говоритъ г. Шестаковъ—турецкій адмиралъ могъ свезти съ недѣйствующихъ своихъ бортовъ орудія и уставить ими городской берегъ. Тогда корабли наши, *откуда бы ни подошли, подверглись бы страшнымъ продольнымъ выстрѣламъ и сила турецкаго огня удвоилась бы.* Отъ Востока ихъ встрѣтилъ бы въ носъ огонь цѣлой эскадры, отъ Юга—залпъ береговыхъ батарей; а по занятіи мѣстъ для дѣйствія противъ турецкихъ судовъ, наши суда, во все время боя, *находились бы между двухъ огней.* Не дозволяя себѣ презирать противника, Нахимовъ, безъ сомнѣнія, полагалъ, что турецкій адмиралъ поступитъ такъ, какъ онъ поступилъ бы на его мѣстѣ“...

Ничего особенно „опаснаго,“ слѣдовательно, не было бы для Турокъ въ Синопской гавани, еслибы они, рѣшившись остаться въ ней, своевременно приняли мѣры, предписываемыя и здравымъ смысломъ, и военною наукою. Опасно было одно ихъ невѣжество, ихъ незнаніе дѣла. А при этихъ условіяхъ, море „опасно“ всегда, даже и безъ непріятеля. Турецкій адмиралъ, какъ кажется, совершенно потерялъ присутствіе духа, при видѣ блокировавшей его эскадры, хотя у нея было всего 252 орудія, а у него, на однихъ судахъ, было ихъ 460...

Выдерживая постоянныя бури съ дождемъ и снѣгомъ, Нахимовъ продолжалъ блокаду, съ нетерпѣніемъ ожидая возвращенія своихъ двухъ кораблей. Наконецъ, 16-го ноября, на горизонтѣ показались суда,—но, вмѣсто ожидаемыхъ двухъ кораблей, на помощь поспѣвала цѣлая эскадра Новосильскаго, въ составѣ трехъ 120-ти-пушечныхъ кораблей: *Парижъ, Великій Князь Константинъ* и *Три Святителя*, и двухъ фрегатовъ: *Кагулъ и Кулевчи.*

Съ прибытіемъ Новосильскаго, измѣнилась столь благопріятная Туркамъ пропорція между силами обѣихъ эскадръ. Въ ужасѣ, Османъ-паша телеграфировалъ въ Константинополь, что передъ Синопомъ безпрестанно крейсируютъ „6 линейныхъ кораблей, одинъ бригъ и *два парохода* (?);“ сверхъ того, между Синопомъ и Босфоромъ, по его словамъ, тоже крейсировали отъ шести до восьми русскихъ фрегатовъ и два парохода—что было положительно ложно. Пропустивъ время, удобное для выхода въ море, Османъ-паша только и думалъ о вытребованіи помощи и не замѣтилъ, что самъ располагалъ еще огромными средствами для успѣшнаго отраженія непріятеля....

Извѣстіе о давно ожидаемомъ открытіи турецкой эскадры, назначенной для дѣйствій по кавказскому берегу, было привезено въ Севастополь, 12 ноября, двумя кораблями Нахимова, отправленными для исправленія. *Въ тотъ же день* эскадра Новосильскаго снялась съ якоря и отправилась въ Синопъ. Словно ироніею рока, Корниловъ—такъ неустанно гонявшійся среди бушующихъ штормовъ за турецкими судами по всему Черному морю и первый открывшій ихъ появленіе—именно въ то время былъ въ Николаевѣ. Онъ вернулся только 17-го ноября и въ тотъ же день, на пароходѣ *Одесса,* въ сопровожденіи пароходовъ *Крымъ* и *Херсонесъ,* полетѣлъ на всѣхъ парахъ къ Синопу...

IV.

Озираясь на сдѣланное нами наглядное обозрѣніе дипломатическихъ и военныхъ событій, предшествовавшихъ Синопскому столкновенію, мы постараемся извлечь изъ этого обозрѣнія нѣсколько общихъ выводовъ для объясненія общаго политическаго значенія всего этого цикла событій, особенно всемірно-историческаго значенія Синопскаго разгрома. Возбужденное международное препирательство ограничивалось вопросомъ, которымъ также мало интересовалась Франція, какъ и Англія. Все дѣло оказывалось орудіемъ личныхъ затѣй только одного человѣка, президента французской республики, Людовика-Наполеона. Съ восшествія его на императорскій престолъ, относительно воинственныхъ его замысловъ едва-ли могло оставаться какое либо сомнѣніе. Но Императоръ Николай Павловичъ твердо полагался на своихъ союзниковъ, прежде всего на Австрію, стоявшую во главѣ Германскаго Союза...

Съ другой стороны, покойный Государь былъ увѣренъ, что изолированная Франція не въ состояніи была предпринять противъ Россіи ничего серіознаго. Безъ союза съ Англіей, вся злоба Наполеона была безсильна. Могъ ли, въ то время, Императоръ Николай Павловичъ расчитывать на возможность установленія такого союза?

Сущность отношеній Англіи къ Россіи и къ принцу Наполеону, какъ оказывается нынѣ, заключалась въ слѣдующемъ: Англія

нисколько не интересовалась вопросомъ о Святыхъ Мѣстахъ. Изъ этого не слѣдовало, однако, чтобы она не радовалась благовидно-обставленному случаю выступить во всеоружіи въ подмогу всякому серьезному противнику Россіи въ области Восточнаго вопроса. Но, для этого, ей нуженъ былъ поводъ ко вмѣшательству, болѣе соотвѣтствующій ея общей политической программѣ. Съ другой стороны, и Англія тоже, сначала, не имѣла основанія питать къ Наполеону настолько довѣрія, чтобы наобумъ вступить съ нимъ въ союзъ противъ Россіи. Предположенная имъ внутренняя задача еще не была исполнена. Ему предстояло еще обезпечить не только провозглашеніе, но и упроченіе имперіи. Въ половинѣ 1852-го года успѣхъ этой затѣи казался еще загадочнымъ. Въ области Восточнаго вопроса Наполеономъ еще не были обнаружены ни твердая воля, ни даже сколько нибудь понятная, опредѣленная цѣль. Такимъ образомъ, объясняется господствовавшее сначала въ британской политикѣ желаніе — преждевременно не компрометировать, изъ-за возбужденнаго вопроса о Святыхъ Мѣстахъ, притворно дружественныхъ отношеній къ Россіи...

Едва увѣнчалось блистательнымъ успѣхомъ провозглашеніе второй имперіи, — едва оказалось, что въ общественномъ мнѣніи Франціи новая имперія успѣла упрочить свое существованіе и безусловное подчиненіе страны затѣямъ своего избранника, — едва стало очевидно, что въ оскорбленномъ самолюбіи новаго Императора Англія имѣетъ надежный залогъ его враждебнаго отношенія къ Россіи, — какъ лондонскій кабинетъ, продолжая сохранять относительно насъ личину дружбы, вдругъ оказался во главѣ начинавшагося противъ насъ подпольнаго заговора, и тутъ же искусный Редклифъ ловко перенесъ возбужденный Франціею споръ на почву вопроса о нарушенномъ будто бы Россіею духѣ трактата 1841-го года. И вотъ, пока мы придавали полную вѣру официальнымъ заявленіямъ, что Пальмерстонъ, не будучи болѣе министромъ иностранныхъ дѣлъ, посвящаетъ свою дѣятельность исключительно департаменту внутреннихъ дѣлъ, а

Канингъ, вслѣдствіе враждебности къ Россіи, не считается болѣе благонадежнымъ на постъ въ Константинополѣ,—Пальмерстонъ, личный другъ Наполеона, какъ членъ кабинета, посвящался во всѣ тайныя сношенія Англіи съ Россіею и подавалъ голосъ по всѣмъ важнымъ вопросамъ внѣшней политики, а Канингъ, въ 1852-мъ году, былъ возведенъ въ перское достоинство, подъ именемъ лорда Стратфордъ Редклифа, и занялъ мѣсто въ палатѣ лордовъ. Отъ Константинополя, правда, его все еще держали далеко; его будто бы считали даже „опаснымъ на этомъ мѣстѣ". Между тѣмъ, на посту новаго посла въ Константинополѣ появился полковникъ Розе, не менѣе Редклифа глубоко враждебный Россіи, не менѣе Редклифа пронырливый и чуткій. Пока наша дипломатія съ самодовольствіемъ взирала на пребываніе Редклифа въ Лондонѣ, какъ на залогъ дружественнаго расположенія къ намъ британскаго правительства,—Розе, въ Константинополѣ дѣйствовалъ совершенно въ духѣ своего лондонскаго патрона, а пока англійскій *премьеръ* продолжалъ возбуждать насъ противъ Франціи, — Розе въ Константинополѣ уже давно сошелся съ своимъ французскимъ товарищемъ; вмѣстѣ съ нимъ, побуждалъ Порту откладывать со дня на день аудіенцію у султана, требуемую Меншиковымъ, а когда эта аудіенція состоялась, Розе первый потребовалъ отправленія въ Константинополь англійской эскадры. Что побудило его къ такой рѣшительной мѣрѣ? —Онъ опасался, чтобы князь Меншиковъ не вошелъ лично въ соглашеніе съ султаномъ насчетъ своихъ требованій, либо, въ случаѣ отказа султана, не пригрозилъ ему появленіемъ Черноморскаго флота въ Босфорѣ и русскимъ десантомъ. Но опасенія Розе не оправдались. Меншиковъ не заключилъ столь страшнаго для Англіи союза Россіи съ Портою; о страшномъ же русскомъ десантѣ въ Босфорѣ—онъ и не думалъ. Гроза миновала. Турецкіе министры обѣщали протянуть все дѣло до возвращенія Редклифа. Розе поспѣшилъ успокоить свое правительство. Въ угоду Россіи, оно даже объявило ему неодобреніе, но отъ этого ничего не измѣни-

лось. Розе остался и продолжалъ вести все дѣло не хуже самаго Редклифа, рука объ руку съ повѣреннымъ Франціи, Бенедетти. Вотъ и Редклифъ отправился въ Константинополь, будто бы, съ вполнѣ „миролюбивыми инструкціями“. На всякій случай, однако, его снабдили тайнымъ полномочіемъ требовать къ себѣ флотъ, когда ему вздумается...

Розе не одинъ. На всемъ Югѣ Россіи, также какъ и въ Варшавѣ, англійскіе консулы вели свое дѣло не хуже Розе и въ одномъ съ нимъ направленіи. Они неустанно стращали правительство и публику Англіи ужасами въ Севастополѣ, грознымъ состояніемъ Черноморскаго флота и небывалыми страшными вооруженіями Россіи. Изъ Варшавы консулъ телеграфировалъ британской миссіи въ Берлинъ, будто носятся слухи о предстоящемъ выступленіи 4-го армейскаго корпуса на Молдавскую границу; изъ Берлина уже не *консулъ*, а *посланникъ* передаетъ это извѣстіе въ Лондонъ, но уже *не въ видѣ слуха*, а въ видѣ *вполнѣ достовѣрнаго факта*. По полученіи извѣстія, въ Лондонѣ переполохъ: эскадра Ламаншскаго канала немедленно отправлена въ Средиземное море, въ видѣ резерва Дундасу, стоявшему въ Безикѣ. Между тѣмъ Абердинъ все, какъ будто, соперничаетъ съ Сеймуромъ, своими миролюбивыми завѣреніями.

Въ настоящее время можно сказать навѣрное: съ ясно опредѣленною и *давно подготовленною* цѣлью предпринимала войну 1853—1856-го годовъ только одна изъ трехъ враждебныхъ намъ великихъ державъ. Эта держава — Англія. Ея задача была уничтожить нашу морскую силу на Черномъ морѣ. Ей, конечно, долго не вѣрилось, чтобы, въ своихъ усиліяхъ къ достиженію этой цѣли, столько же направленной противъ Франціи, какъ и противъ Россіи, лондонскій кабинетъ могъ найти дѣятельнаго сотрудника въ самой Франціи. Какъ только Англія убѣдилась, что вліяніе Наполеона III на страну упрочилось,—лондонскій кабинетъ рѣшительно сталъ во главѣ дѣла и немедленно далъ ему въ Константинополѣ тотъ роковой толчекъ, который неминуемо долженъ

былъ вызвать столкновеніе Россіи не только съ Турціею, но и съ самою Англіею, въ союзѣ съ Франціею...

Подъ давленіемъ Англіи, Черноморскій флотъ немедленно очутился главнымъ предметомъ всей войны. Союзники были убѣждены, что на сухомъ пути Русскіе лишены возможности предпринять противъ Турціи что либо серьезное. Въ основаніи этого убѣжденія была не одна численная ничтожность нашей арміи на Дунаѣ. „Со стороны сухаго пути—писалъ Базанкуръ—балканскіе снѣга и грязи представляли *непреодолимыя* преграды и *никакая армія* не осмѣлилась бы пытаться преодолѣть ихъ“.

Эту „попытку“ осмѣлилась, однако, сдѣлать въ 1878-мъ году именно русская армія. Такая же попытка могла быть сдѣлана и въ 1853-мъ году и могли бы увѣнчаться такимъ же успѣхомъ до прибытія западныхъ флотовъ, состоявшихъ преимущественно изъ парусныхъ судовъ.

„Вся опасность была со стороны Чернаго моря—продолжаетъ Базанкуръ—въ два дня сѣверный вѣтеръ могъ перенесть русскій флотъ изъ Севастополя въ Босфоръ. Не обращая вниманія на турецкія батареи, подъ огнемъ которыхъ ему предстояло быть лишь *въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ* быстраго проплытія предъ ними, не могъ ли этотъ флотъ высадить 30 или 40,000 человѣкъ на Европейскій берегъ? Опираясь на свои корабли, эта армія могла бы занять незащищенныя высоты, господствующія надъ Константинополемъ, пока русскій флотъ, обстрѣливая Босфоръ, прорывался бы къ Золотому Рогу и обсыпалъ бы своими гранатами старый Стамбулъ“...

Таково было сужденіе стоявшихъ на якорѣ *въ самомъ Босфорѣ* союзныхъ офицеровъ о томъ предположеніи, которое князь Меншиковъ объявилъ „невозможнымъ“, хотя князь Паскевичъ отзывался о немъ, какъ о „великой мысли“...

Но почему же, спрашивается, имѣя въ виду истребленіе Черноморскаго флота, Англія и Франція оставались въ Босфорѣ въ выжидательномъ положеніи?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ очень простъ. Всѣмъ враждебнымъ

намъ дѣломъ уже руководила тогда одна Англія. Многолѣтними затратами и трудами ей удалось надѣлить Турцію самостоятельнымъ флотомъ. Этому флоту только оставалось выдержать боевое испытаніе. Со свойственною британскому правительству благоразумною расчетливостью, оно, очевидно, не имѣло въ виду, безъ крайней необходимости, подвергать свой собственный флотъ кровавому столкновенію съ русскимъ. Еслибы турецкій флотъ побѣдоносно выдержалъ предстоявшую ему битву, то — очень можетъ быть — Англія, до поры до времени, не признала бы нужнымъ подставлять себя подъ русскія пушки. Запретъ, наложенный на всякое вмѣшательство Черноморскаго флота въ борьбу, былъ данъ въ полной увѣренности, что на него Русскіе не обратятъ и *не могутъ* обратить вниманія. А между тѣмъ всякимъ нарушеніемъ этого запрета англійскому флоту подавался благовидный поводъ, *въ случаѣ надобности*, немедленно вступиться силою за турецкій флотъ. Эта *надобность*, понятно, могла наступить только въ томъ случаѣ, еслибы турецкій флотъ, при первомъ столкновеніи его съ русскимъ, доказалъ свою безусловную слабость. Пожалуй, для того, чтобы дать поводъ къ подобному испытанію, и былъ выдвинутъ впередъ, въ Черное море, турецкій флотъ, пріютившійся отъ бури въ Синопскую бухту...

Правда, и до Синопскаго боя, на Черномъ морѣ между русскими и турецкими кораблями и пароходами произошелъ рядъ битвъ, блистательно доказавшій неоспоримое боевое превосходство русскаго флота надъ турецкимъ. На Дунаѣ,—тяжелая, малоподвижная русская флотилія побѣдоносно прорвалась подъ огнемъ солидныхъ батарей, съ орудіями огромнаго калибра; на Дунаѣ же—турецкая флотилія постыдно отказалась отъ такого же намѣренія подъ огнемъ четырехъ русскихъ полевыхъ орудій; на морѣ—при столкновеніи между двумя пароходами, турецкій былъ принужденъ спустить флагъ; при встрѣчѣ русскаго паруснаго фрегата съ тремя сильнѣе его вооруженными непріятельскими пароходами—постыдно бѣжали они отъ русскаго фрегата; наконецъ, подвигъ нашей *Кол-*

хиды, также фактически доказалъ несокрушимое геройство русскихъ моряковъ...

Казалось бы, послѣ всѣхъ этихъ фактовъ, испытаніе было кончено и вопросъ о боевой несостоятельности турецкаго флота, въ сравненіи съ русскимъ, былъ исчерпанъ.

На дѣлѣ вышло иначе. Въ то время, когда политическіе ораторы и газеты доказывали, въ преувеличенныхъ размѣрахъ, грозное не только для Турціи, но и для Англіи значеніе нашего флота; въ то время, какъ англійскіе моряки и вообще люди безпристрастные не могли не оказывать русскому флоту подобающаго уваженія,—въ общественномъ мнѣніи Англіи насмѣшки и пасквили шовинистскихъ газетъ, поддержанныя клеветою разныхъ выходцевъ, распускали на счетъ нашего флота самыя нелѣпыя клеветы. Такимъ образомъ, въ англійскихъ газетахъ не разъ печатались анекдоты, доказывавшіе, будто бы офицеры Черноморскаго флота небрежно относятся къ службѣ и не имѣютъ понятія о морскомъ дѣлѣ, а ненавидящіе ихъ экипажи состоятъ изъ „трусливыхъ жидовъ“, да изъ „насильно навербованныхъ“ поляковъ и „жителей русскихъ балтійскихъ провинцій—будто бы—всегда готовыхъ на открытый бунтъ, лишь бы нашелся для нихъ отважный предводитель“. Въ 1830-мъ году явился въ Лондонѣ какой-то Полякъ, будто-бы, служившій матросомъ въ Черноморскомъ флотѣ и написавшій обширную записку о необходимости дать ржонду народовому средства снарядить два капера, съ которыми онъ брался, вступивъ въ сношенія съ „Черкесскимъ народомъ“, завладѣть Черноморскимъ флотомъ,— и многія англійскія газеты серьезно обсуждали всю эту ахинею!

Въ 1836-мъ году, русскимъ военнымъ бригомъ *Аяксъ* была поймана англійская купеческая шкуна *Виксенъ* (капитанъ Беллъ), производившая военную контрабанду на кавказскомъ берегу. Британская печать не замедлила воспользоваться и этимъ фактомъ, чтобы передать его въ искаженномъ видѣ. „На пути изъ Сухумъ-Кале въ Севастополь — сообщали тогда англійскія га-

зеты—экипажъ *Аякса* вошелъ въ сношеніе съ восемью плѣнными англійскими матросами и *просилъ ихъ помочь ему* связать офицеровъ съ цѣлью завладѣть *Аяксомъ* и освободить *Виксенъ*; на возраженіе же Англичанъ, что на пути въ Константинополь, ихъ непремѣнно опять заберутъ въ плѣнъ другіе русскіе крейсеры, наши матросы отвѣчали, будто, овладѣвъ *Аяксомъ* и *Виксеномъ*, они прямо пойдутъ въ Севастополь и *навѣрно заберутъ тамъ весь Черноморскій флотъ* (!!!)". Газеты увѣряли, что все это было подтверждено возвратившимися изъ плѣна англійскими матросами, а также и перепискою Белла съ владѣльцемъ *Виксена*, Чайльдсомъ, но что это обстоятельство было пропущено при обнародованіи корреспонденціи по настояніямъ кабинета!!!

Этого нелѣпаго образчика достаточно, чтобы показать: до какихъ чудовищныхъ размѣровъ доходила въ Англіи газетная ложь на счетъ нашего флота. Мнѣніе о превосходствѣ турецкаго флота надъ русскимъ поддерживали не однѣ газетныя „утки" и эмигранты. Въ этомъ превосходствѣ завѣряли свои правительства и многіе дипломаты, какъ, напримѣръ, слывшій знатокомъ Турціи австрійскій интернунцій въ Константинополѣ баронъ Прокешъ Остенъ. Какъ извѣстно, Редклифъ также утверждалъ, что и безъ помощи союзниковъ турецкій флотъ выдержитъ со славою столкновеніе съ русскимъ; несмотря однако на это, Редклифъ доказывалъ необходимость присутствія британскаго флота въ Босфорѣ во время этого столкновенія. Надо же быть готовымъ на случай непредвидѣннаго разочарованія!. Предмѣстникъ Редклифа, лордъ Понсонбай, былъ возмущенъ этою предосторожностью, яко бы оскорбительною для турецкаго флота. Онъ выразилъ свое негодованіе въ обнародованной имъ запискѣ, заключавшейся громовымъ восклицаніемъ по адресу министерства: „Вы пришли въ Черное море, *чтобы защищать не Турокъ, а Русскихъ*"!...

Не взирая на предосторожность—держать свою эскадру недалеко отъ мѣста перваго столкновенія турецкаго флота съ русскимъ—об-

щественное мнѣніе Англіи, до половины ноября 1853-го года, все еще убаюкивалось надеждою, что всѣ попеченія и затраты въ пользу турецкаго флота не были безплодны и Англія спокойно можетъ взирать на него, какъ на надежный оплотъ противъ русскаго десанта въ Босфорѣ и противъ появленія нашего флота въ Средиземномъ морѣ...

. . . .

Такова въ главныхъ чертахъ картина какъ политическаго, такъ и военнаго положенія Европы наканунѣ Синопа.

Но грянулъ громъ въ Синопѣ—и ударомъ его разомъ разсѣяны въ прахъ всѣ безсмысленныя надежды своекорыстнаго Албіона...

*

Объясненіе цифръ.

№№

1. **Навекъ-Бахри** 60 пуш. фрегатъ.
2. **Несими-Зеферъ** 60 пуш. фрегатъ.
3. **Неджми-Фешанъ** 24 пуш. корветъ.
4. **Фазли-Аллахъ** (Рафаилъ) 44 пуш. фрегатъ.
5. **Ауни-Аллахъ** 44 пуш. Адмир. фр. флагм. Османъ-Паша.

№№

6. **Гюли-Сефидъ** 22 пуш. корветъ.
7. **Даміадъ** 56 пуш. египетскій фрегатъ.
8. **Каиди-Зеферъ** 54 пуш. фрегатъ.
9. **Низаміэ** двухъ-полосный 64 пуш. фр. второй флагм. Гусейнъ-Паша.

№№

10. **Фейзи-Меабудъ** 24 пуш. корветъ.
11. **Таифъ** 20 пуш. батар. пароходъ въ 450 лош. силъ.
12. **Эрекли** 4 пуш. пароходъ въ 140 силъ.

13 и 14—Турецкіе транспорты.

15 и 16—Турецкіе купеческіе бриги.

V.

„Битва славная, выше Чесмы и Наварина! Ура Нахимовъ!“

(изъ письма Корнилова отъ 22-го ноября 1853-го года.)

Отъ командировъ до послѣдняго матроса, эскадра Нахимова съ восторгомъ привѣтствовала прибытіе товарищей подъ флагомъ Новосильскаго, какъ вѣрное знаменіе давно ожидаемаго боя. И она не ошиблась. Адмиралъ едва сдерживалъ желаніе атаковать скорѣе врага, очевидно, довѣрявшаго болѣе силѣ своей позиціи, чѣмъ своему численному превосходству. Эскадрѣ Нахимова предстояло, наконецъ, посчитаться съ боевымъ испытаніемъ, которое такъ блистательно выдержали уже Бутаковъ и Скоробогатовъ!..

Русскій адмиралъ не сомнѣвался въ блистательномъ успѣхѣ. Онъ полагался на Бога, на святость русскаго дѣла. Къ тому же, онъ судилъ о своемъ флотѣ по себѣ: онъ зналъ, какъ безгранично предана ему вся эскадра; онъ имѣлъ твердую увѣренность, что она раздѣляетъ его геройскую отвагу, его преданность отечеству и долгу; что же касается ея техническаго знанія своего дѣла, то въ завершавшемся тогда опасномъ крейсерствѣ эскадры, при неистовыхъ осеннихъ буряхъ вдоль суроваго Кавказскаго берега, адмиралъ находилъ въ этомъ отношеніи достаточно несомнѣнныхъ залоговъ. По справедливому замѣчанію контръ-адмирала Асланбегова, высказанному въ составленной имъ біографіи Нахимова, „онъ вполнѣ сознавалъ свое сильное вліяніе

и слѣпую преданность къ нему его сослуживцевъ, отъ адмирала до матроса, и особенно искусно и прозорливо пользуясь ими, велъ ихъ къ благотворной цѣли". Онъ называлъ матросовъ своими „дѣтками". Онъ не только любилъ ихъ какъ отецъ, но и уважалъ ихъ какъ человѣкъ, вполнѣ оцѣняющій ихъ достоинства. „Съ юныхъ лѣтъ былъ я постоянно свидѣтелемъ вашихъ трудовъ и готовности умереть по первому приказанію: мы сдружились давно; я горжусь вами съ дѣтства", говорилъ онъ имъ въ приказѣ, по случаю производства его въ адмиралы. Никто лучше Нахимова не умѣлъ говорить съ матросами: его простая, но обдуманная и исходившая отъ сердца рѣчь не только всегда была имъ понятна, но и неизмѣнно производила подобающее дѣйствіе. Никто лучше Нахимова не изучилъ трудной науки обращенія съ подчиненными, умѣнія согласовать справедливую строгость съ заботливостью и кротостью. „Нельзя принять поголовно—говорилъ онъ—одинаковую манеру со всѣми. Подобное однообразіе въ дѣйствіяхъ начальника показываетъ, что у него нѣтъ ничего общаго съ подчиненными и что онъ совершенно не понимаетъ своихъ соотечественниковъ. А это очень важно... Вся бѣда наша въ томъ, что многіе молодые люди получаютъ вредное направленіе отъ образованія, понимаемаго въ ложномъ смыслѣ. Это для нашей службы чистая гибель! Конечно, прекрасно говорить на иностранныхъ языкахъ; я противъ этого нисколько не возражаю и самъ охотно занимался ими въ свое время, да зачѣмъ же прельщаться до такой степени всѣмъ чужимъ, *чтобы своимъ пренебрегать?* Нѣкоторые такъ увлекаются ложнымъ образованіемъ, что никогда не читаютъ русскихъ журналовъ, *и хвастаютъ этимъ*, я это навѣрное знаю-съ. Понятно, что господа эти до такой степени отвыкаютъ отъ всего русскаго, что глубоко презираютъ сближеніе со своими соотечественниками-простолюдинами. А вы думаете, что матросъ не замѣчаетъ этого? *Замѣчаетъ лучше, чѣмъ нашъ братъ. Мы говорить умѣемъ*

лучше, чѣмъ замѣчать, а послѣднее уже ихъ дѣло; а каково пойдетъ служба, когда всѣ подчиненные будутъ навѣрное знать, что начальники ихъ не любятъ? Вотъ настоящая причина, что на многихъ судахъ ничего не выходитъ и что нѣкоторые молодые начальники однимъ только страхомъ хотятъ дѣйствовать. Страхъ, подъ-часъ, хорошее дѣло; да согласитесь, что не натуральная вещь нѣсколько лѣтъ работать на-пропалую, ради одного страха. *Необходимо поощреніе сочувствіемъ: нужна любовь къ своему дѣлу-съ,* тогда *съ нашимъ лихимъ народомъ можно такія дѣла дѣлать, что просто чудо.* Удивляютъ меня многіе молодые офицеры: отъ Русскихъ отстали, къ Французамъ не пристали, на Англичанъ также не похожи“...

Послѣ 34-хъ шестимѣсячныхъ кампаній, бывшій вахтенный лейтенантъ на *Азовѣ*, Наваринскій георгіевскій кавалеръ, Павелъ Степановичъ зналъ, что какъ прочность зданія зависитъ отъ фундамента, та́къ и сила флота зиждется на матросѣ: всякая духовная рознь между матросомъ и офицеромъ тяжело отзывается на стройномъ, многосложномъ цѣломъ. „Пора намъ перестать считать себя помѣщиками—замѣчалъ онъ по этому поводу — а матросовъ крѣпостными людьми. Матросъ есть главный двигатель на военномъ кораблѣ, а мы только пружины, которыя на него дѣйствуютъ. Матросъ управляетъ парусами, онъ же наводитъ орудія на непріятеля; матросъ бросится на абордажъ, если понадобится; все сдѣлаетъ матросъ, ежели мы, начальники, не будемъ эгоистами, ежели мы не будемъ смотрѣть на службу, какъ на средство удовлетворенія своего честолюбія, а на подчиненныхъ, *какъ на ступени для собственнаго возвышенія.* Вотъ кого намъ нужно возвышать, учить, возбуждать въ нихъ смѣлость, геройство, ежели мы не себялюбцы, а дѣйствительные слуги отечества. Вы помните Трафальгарское сраженіе? Какой тамъ былъ маневръ?

Вздоръ-съ! Весь маневръ Нельсона состоялъ въ томъ, что онъ зналъ слабость непріятеля и свою собственную силу, и не терялъ времени, вступая въ бой. Слава Нельсона заключается въ томъ, что онъ постигъ духъ народной гордости своихъ подчиненныхъ и однимъ простымъ сигналомъ возбудилъ запальчивый энтузіазмъ *въ простолюдинахъ, которые были воспитаны имъ и его предшественниками*".

И дѣйствительно, многолѣтняя служебная дѣятельность Нахимова и его славныхъ предшественниковъ была направлена къ тому, чтобы воспитать къ той же цѣли,—но конечно согласно не съ англійскимъ, а русскимъ народнымъ духомъ,—ввѣренныхъ ему „простолюдиновъ". У Нахимова все это мудрое воззрѣніе на службу было унаслѣдовано отъ его предшественниковъ, безсмертнаго героя Наварина, Лазарева и незабвеннаго устроителя Черноморскаго флота, Грейга. Понятно, что подъ непрерывнымъ вліяніемъ такого воспитанія заранѣе обезпечивалось осуществленіе высокой цѣли. Нахимовъ былъ въ этомъ увѣренъ. И событія блестящимъ образомъ оправдали увѣренность адмирала-философа.

До какой степени, даже въ мирное время, Павелъ Степановичъ не терялъ изъ вида, хотя бы съ опасностью жизни, необходимость подготовлять моряковъ къ боямъ — это доказывается приведеннымъ ниже, въ біографіи Нахимова, доселѣ неизвѣстнымъ обществу характернымъ фактомъ.

„Чтобы оцѣнить должнымъ образомъ заслуги нашихъ моряковъ и судить безошибочно о ихъ дѣйствіяхъ—говоритъ г. Шестаковъ—нужно вспомнить, что въ первый періодъ войны все дѣлалось, такъ сказать, подъ дулами союзниковъ Порты... и что сама Порта дѣйствовала съ цѣлью разжалобить всю Европу ролью угнетенной слабости. Человѣкъ военный, въ особенности морякъ, придастъ этимъ исключительнымъ обстоятельствамъ должную важность. Все, дѣлающееся на морѣ, требуетъ быстроты и рѣшительности. Со-

ставивъ заблаговременно планъ, не должно колебаться въ исполненіи его. Одна только неодолимая сила природы можетъ измѣнить начертанное. Причина этой силы, то враждебной, то союзной, уже побуждаетъ моряка ко всегдашней умственной дѣятельности. Дивное цѣлое, составленное изъ мелочей — корабль грозенъ только тогда, когда всѣ мелочи эти въ совершенствѣ. Исправность каждой изъ нихъ ведетъ къ болѣе рѣшительному и быстрому успѣху; напротивъ, неисправное ихъ состояніе приводитъ къ позору и гибели *). Значитъ, въ пемпогія свободныя минуты, когда планъ дѣйствія уже рѣшенъ, нужно не только обдумать мѣры на случай прихотей атмосферы, но и обезпечить успѣхъ совершенствомъ средствъ разнообразныхъ, безчисленныхъ; *должно принять все въ расчетъ, взять во вниманіе самыя мелкія подробности, пройдти корабль въ умѣ отъ киля до клотика.* Спокойствіе нравственное, даже при совершенномъ знаніи дѣла, здѣсь необходимо".

До какой степени Нахимовъ проникся необходимостью соблюденія этихъ аксіомъ боеваго морскаго дѣла, до какой степени онъ руководился ими—объ этомъ можно имѣть ясное понятіе изъ сдѣланныхъ имъ, на другой же день по прибытіи эскадры Новосильскаго, приготовительныхъ къ бою распоряженій. Для словеснаго объясненія предначертаній адмирала, 17-го ноября были приглашены на флагманскій корабль Новосильскій и всѣ командиры судовъ. Вскорѣ затѣмъ, появился знаменитый Нахимовскій приказъ **):

„Располагая при первомъ удобномъ случаѣ атаковать непріятеля, стоящаго въ Синопѣ въ числѣ 7 фрегатовъ, 2 корветовъ,

*) Противъ этого замѣчанія почтеннаго автора можно возразить, что Сѣверо-Американцы, на неисправныхъ, почти негодныхъ судахъ, передѣланныхъ изъ купеческихъ, достигали блестящихъ успѣховъ, благодаря отвагѣ моряковъ.

**) Мы передаемъ этотъ приказъ съ объясненіемъ техническихъ морскихъ подробностей, чтобы сдѣлать его общепонятнымъ. Да не посѣтуютъ на насъ спеціалисты, которымъ эти объясненія покажутся излишними.

одного шлюпа, двухъ пароходовъ и двухъ транспортовъ, я составилъ диспозицію для атаки ихъ и прошу командировъ стать по оной на якорь и имѣть въ виду слѣдующее:

„1. При входѣ на рейдъ бросать лоты, ибо можетъ случиться, что непріятель перейдетъ на мелководіе, и тогда стать на возможно близкомъ отъ него разстояніи, но на глубинѣ не менѣе 10 сажень.

„2. Имѣть шпрингъ на оба якоря; если при нападеніи на непріятеля будетъ вѣтеръ N самый благопріятный, тогда вытравить цѣпи 60 сажень, имѣть столько же и шпрингу, предварительно заложеннаго на битенгѣ; идя на фордевиндъ при вѣтрѣ O или ONO, во избѣжаніе бросанія якоря съ кормы, становиться также на шпрингъ, имѣя его до 30 сажень, и когда цѣпь, вытравленная до 60 сажень, дернетъ, то вытравить еще 10 сажень; въ этомъ случаѣ цѣпь ослабнетъ, а корабли будутъ стоять кормою на вѣтеръ, на кабельтовѣ; вообще со шпрингами быть крайне осмотрительными, ибо они часто остаются недѣйствительными отъ малѣйшаго невниманія и промедленія времени *).

---

*) На обоихъ якоряхъ имѣть приспособленіе *(шпрингъ)*, состоящее изъ канатовъ *(кабельтовъ)*, прикрѣпленныхъ однимъ концомъ къ якорю, а другимъ—къ толстому брусу *(битенгу)*, внутри кормовой части корабля, съ цѣлью, словно возжами, поворачивать корабль бортомъ по тому направленію, перпендикулярно къ которому ему придется открыть огонь; если при нападеніи на непріятеля будетъ сѣверный вѣтеръ, самый благопріятный, тогда выпустить якорной цѣпи 60 сажень, имѣть столько же каната для поворота и задержанія корабля (шпринга), предварительно заложеннаго на битенгѣ; идя напротивъ совершенно попутнымъ вѣтромъ, т. е. Восточнымъ или Восточно-Сѣверо-Восточнымъ, должно, во избѣжаніе бросанія якоря съ кормы, становиться также на то же приспособленіе къ повороту, но такъ какъ тогда, бросивъ якорь съ носа, корабль пройдетъ черезъ него и якорь окажется уже позади его, то шпринга, или, точнѣе, каната, служащаго для установленія шпринга *(кабельтова)*, пускаемаго съ кормы, будетъ довольно выпустить сначала до 30 сажень, а когда якорная цѣпь дернетъ—знакъ, что корабль, продолжая идти впередъ, уже вытянулъ ее—тогда выпустить еще 10 сажень цѣпи: въ этомъ случаѣ цѣпь ослабнетъ, а корабли будутъ стоять кормою на вѣтеръ, имѣя носъ, удержанный якорною цѣпью, а корму, удержанную кабельтовымъ шпринга, причемъ вѣтеръ будетъ уже не

„3. Предъ входомъ въ Синопскій заливъ, если позволитъ погода, для сбереженія гребныхъ судовъ на рострахъ, я сдѣлаю сигналъ спустить ихъ у борта на противолежащей сторонѣ непріятеля, имѣя на одномъ изъ нихъ, на всякій случай, кабельтовъ и верпъ *).

„4. При атакѣ имѣть осторожность, не палить даромъ по тѣмъ изъ судовъ, кои спустятъ флаги; посылать же для овладѣнія ими не иначе, какъ по сигналу адмирала, стараясь лучше употребить время для пораженія противящихся судовъ или батарей, которыя, безъ сомнѣнія, не перестанутъ палить, если бы съ непріятельскими судами дѣло и было кончено.

„5. Нынѣ же осмотрѣть заклепки у цѣпей; на случай надобности расклепать ихъ **).

сзади, а сбоку. Это-то положеніе и называется стоять *на шпрингѣ*, а канатъ, прикрѣпляющій корму къ якорю, называется *кабельтовъ*. Чтобы составить себѣ понятіе о морскомъ сраженіи, необходимо имѣть въ виду, что вся эта операція установленія шпринга, требующаго такъ много вниманія и мелочнаго практическаго знанія дѣла, есть переходъ изъ походнаго строя въ боевой и должна совершаться всегда подъ сильнѣйшимъ огнемъ непріятеля,—огнемъ въ то время большею частію продольнымъ, такъ какъ наступленіе весьма часто совершается по линіи перпендикулярной къ непріятельской линіи огня. Между тѣмъ, при малѣйшей непредусмотрительности или проволочкѣ, какъ напоминаетъ о томъ приказъ, установленіе шпринга можетъ быть неудачно.

*) Передъ входомъ въ Синопскій заливъ, если позволитъ погода, для сбереженія гребныхъ судовъ, подверженныхъ непріятельскому огню, пока они находятся надъ палубою между большою и переднею мачтами (т. е. на *рострахъ*), я сдѣлаю сигналъ, чтобы спустить ихъ на противуположную непріятелю сторону корабля, имѣя на одномъ изъ нихъ, на всякій случай (а въ особенности на случай, если канатъ шпринга будетъ перебитъ непріятельскимъ выстрѣломъ, вслѣдствіе чего, держась на одномъ якорѣ, корабль откинетъ корму по направленію вѣтра), запасный перевозный якорь (*верпъ*) и другой такой же канатъ, какъ для шпринга (*кабельтовъ*), дабы закинуть этотъ якорь въ сторону и, натягивая съ кормы прикрѣпленный къ нему канатъ, опять притянуть корму на то же мѣсто, гдѣ она стояла на шпрингѣ.

**) Такъ какъ на каждой изъ 15 сажень якорной цѣпи есть одно звѣно не сплошное, а раздвижное, лишь съ заклепаннымъ винтомъ, то осмотрѣть эти заклепки; на случай надобности, — то есть если придется кораблю перемѣнить мѣсто, то, чтобы имѣть возможность скорѣе освободиться отъ якоря, не теряя времени на подпятіе его,—расклепать эти заклепки.

„6. Открыть огонь по непріятелю по второму адмиральскому выстрѣлу, если предъ тѣмъ со стороны непріятеля не будетъ никакого сопротивленія нашему на него наступленію; въ противномъ случаѣ, палить какъ кому возможно, сообразуясь съ разстояніемъ до непріятельскихъ судовъ.

„7. Ставъ на якорь и уладивъ шпрингъ (т. е. повернувъ имъ корабль бортомъ къ непріятелю), первые выстрѣлы должны быть прицѣльные; при этомъ хорошо замѣтить положеніе пушечнаго клина на подушкѣ мѣломъ, для того, что послѣ, въ дыму, не будетъ видно непріятеля, а нужно поддерживать быстрый батальный огонь. Само собою разумѣется, что онъ долженъ быть направленъ по тому же положенію орудія, какъ и при первыхъ выстрѣлахъ.

„8. Атакуя непріятеля на якорѣ, хорошо имѣть, какъ и подъ парусами, одного офицера на гротъ-марсѣ или салингѣ, для наблюденія, при батальномъ огнѣ, за направленіемъ своихъ выстрѣловъ, а буде они не достигаютъ своей цѣли, офицеръ сообщаетъ о томъ на шканцы, для направленія шпринга*).

„9. Фрегатамъ *Кагулъ и Кулевчи*, во время дѣйствія оставаться подъ парусами, *для наблюденія за непріятельскими пароходами*, которые, безъ сомнѣнія, вступятъ подъ пары и *будутъ вредить нашимъ судамъ по выбору своему.*

„10. Завязавъ дѣло съ непріятельскими судами, стараться, по возможности, не вредить консульскимъ домамъ, на которыхъ будутъ подняты національные ихъ флаги.

„Въ заключеніе, выскажу свою мысль, что всѣ предваритель-

---

*) Атакуя непріятеля на якорѣ или подъ парусами, хорошо имѣть на первой площадкѣ самой большой мачты (гротъ-марсѣ) или на второй (салингѣ) одного офицера, которому, сверху, несмотря на дымъ батальнаго огня, возможно будетъ слѣдить за направленіемъ нашихъ выстрѣловъ, а буде они не достигаютъ своей цѣли — офицеръ сообщаетъ о томъ на палубу, для исправленія укороченіемъ или удлинненіемъ шпринга, общаго направленія линіи огня, то есть направленія самаго корабельнаго борта.

ныя наставленія, при перемѣнившихся обстоятельствахъ, *могутъ затруднить командира, знающаго свое дѣло,* и потому я *предоставляю каждому совершенно независимо дѣйствовать по усмотрѣнію своему,* но непремѣнно исполнить свой долгъ. Государь Императоръ и Россія ожидаютъ славныхъ подвиговъ отъ Черноморскаго флота. Отъ насъ зависитъ оправдать ожиданія".

Итакъ, въ этомъ приказѣ дѣйствительно все было предвидѣно и были взяты во вниманіе самыя мелкія подробности съ тѣмъ глубокимъ знаніемъ боеваго морскаго дѣла, въ которомъ сказывалась многолѣтняя опытность Павла Степановича. Но едва ли не всего характернѣе опытность эта выражается въ мудромъ заключеніи образцоваго приказа. Многочисленность предварительныхъ наставленій можетъ лишь затруднить въ бою командира, знающаго свое дѣло, — гласитъ это распоряженіе. Успѣхъ морскихъ битвъ приготовляется заблаговременно и зависитъ отъ начальника *только до перваго выстрѣла;* съ открытіемъ же боя, обстановка мѣняется. Не только дымъ иногда не допускаетъ возможности *видѣть сигналы,* но дѣйствіемъ непріятельскаго огня, какъ было при Синопѣ, адмиральскій корабль бываетъ лишенъ и возможности *дѣлать сигналы;* съ другой стороны, перемѣна вѣтра, внезапные штормъ или штиль могутъ вдругъ измѣнить всѣ первоначальныя соображенія. Понятно, съ какою признательностью, съ какимъ глубокимъ почтеніемъ къ мудрости своего адмирала эскадра встрѣтила распоряженіе, предоставлявшее каждому командиру — „дѣйствовать совершенно независимо по своему усмотрѣнію", полагаясь единственно на его преданность долгу и на знаніе дѣла.

Всѣ эти общія распоряженія были сдѣланы 17-го (29-го) ноября. Не только часъ, но и самый день атаки не были назначены приказомъ. Но если Нахимовъ судилъ по себѣ о своей эскадрѣ,

то и эскадра судила о своемъ адмиралѣ по *своему:* она вѣровала, что только штормъ можетъ побудить Нахимова отложить давно желанную битву. Немедленно по полученіи приказа, каждый радостно и съ молитвой сталъ готовиться къ морскому празднику.

Что же происходило въ это время въ Турецкой эскадрѣ и въ бывшей столицѣ Понтійскихъ царей, въ злополучномъ Синопѣ?— 17-го (29-го) ноября была получена въ Константинополѣ телеграмма Османа-паши. Онъ съ ужасомъ извѣщалъ о замѣченномъ имъ соединеніи въ виду Синопа двухъ русскихъ эскадръ, молилъ о помощи и, въ то же время, со свойственною его единовѣрцамъ безпечностью, ожидалъ, сложа руки, совершенія *кисмета* (предопредѣленія). Удивительно, что находившійся при немъ англичанинъ Следъ *) (Муштаверъ-паша, командиръ 22-хъ пушечнаго въ 450 силъ парохода *Таифъ*) не открылъ Осману во-время глаза насчетъ принятія мѣръ для отпора неминуемой атаки...

. . . .

Ночь была мрачная, бурная, дождливая. Уныло и медленно пробивалась 18 ноября блѣдная, утренняя заря сквозь сплошныя свинцовыя тучи, покрывавшія все небо. Надъ эскадрою ревѣлъ порывистый вѣтеръ съ частымъ, холоднымъ дождемъ..... Для атаки русскимъ судамъ надлежало направиться прямо къ Сѣверо-Западу; вѣтеръ былъ почти попутный, но для приложенія шпринга онъ представлялъ неудобства, предвидѣнныя Нахимовымъ; наконецъ, въ случаѣ побѣды, онъ оказывался, для завладѣнія непріятельскими судами, самымъ неблагопріятнымъ вѣтромъ, ибо разбитыя суда могли быть имъ

*) Следъ уже давно служилъ въ турецкомъ флотѣ, въ который онъ поступилъ сначала простымъ волонтеромъ. Онъ участвовалъ въ войнѣ съ Россіею въ 1828—1829-мъ годахъ, былъ при сдачѣ *Рафаила* и при геройскомъ дѣлѣ Казарскаго, на бригѣ *Меркурій*. Какъ наставникъ и организаторъ, онъ оказалъ турецкому флоту большія услуги и пользовался полнымъ довѣріемъ *офиціальной* Турціи.

выброшены на берегъ, гдѣ командамъ представилась бы возможность бѣжать отъ плѣна, предавъ огню покинутыя суда...

Въ 9 часовъ утра стало, наконецъ, совсѣмъ свѣтло и немедленно, согласно приказу адмирала, эскадра спустила гребныя суда. Въ половинѣ десятаго на флагманскомъ кораблѣ (адмирала) былъ поднятъ сигналъ: „приготовиться къ бою и идти на Синопскій рейдъ". Отслуживъ молебенъ, эскадра, съ развѣвающимися на брамъ-стеньгахъ національными флагами, на всѣхъ парусахъ быстро понеслась прямо на непріятеля... На ходу, по сигналу, эскадра построилась въ двѣ колоны. Оба флагманскіе (адмиральскіе) корабля — вице-адмирала Нахимова 84-хъ пушечный *Императрица Марія* (командиръ Барановскій) и контръ-адмирала Новосильскаго 120-ти пушечный корабль *Парижъ* (командиръ Истоминъ) — шли рядомъ, каждый во главѣ своей колоны. Позади флагманскаго корабля, въ правой колонѣ, шелъ 120-ти пушечный корабль *Великій Князь Константинъ* (командиръ Ергомышевъ), а за нимъ 80-ти пушечный корабль *Чесма* (командиръ Микрюковъ); въ лѣвой колонѣ—120-ти пушечный корабль *Три Святителя* (командиръ Кутровъ), а за нимъ — 80-ти пушечный корабль *Ростиславъ* (командиръ Кузнецовъ). Большая часть этихъ знаменитыхъ Синопцевъ, особенно Новосильскій, Истоминъ, Ергомышевъ и Микрюковъ, прославили свои имена и въ геройской защитѣ Севастополя...

Зная, что непріятельская эскадра стоитъ глубоко вогнутою дугою предъ городомъ Синопомъ, адміралъ предписалъ построеніе въ двѣ колоны съ тѣмъ, чтобы правая, дойдя до непріятеля, стрѣляла правымъ бортомъ, а лѣвая—лѣвымъ. Но мудрое распоряженіе главнаго начальника только указало на общія мѣры, предоставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ каждому командиру дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Это распоряженіе вполнѣ оправдалось въ теченіи боя...

Былъ двѣнадцатый часъ. Обѣ колоны, при порывистомъ

попутномъ вѣтрѣ, на всѣхъ парусахъ, неслись ко входу въ Синопскую бухту. Вотъ поравнялись онѣ съ крайнею турецкою батареею № 1; на салингахъ стояли офицеры для наблюденія за дѣйствіемъ артиллерійскаго огня; впереди ясно обозначалась расположенная полумѣсяцемъ боевая линія турецкаго флота; даже простымъ глазомъ насчитывалось въ немъ семь фрегатовъ и три корвета; лѣвый флангъ этой боевой линіи опирался на батарею № 4, а правый—на батарею № 6; въ центрѣ боевой линіи было оставлено значительное пустое пространство между стоящими съ лѣваго фланга ея шестымъ судномъ— 22-хъ пушечнымъ корветомъ *Гюли-Сефидъ*, и седьмымъ— 56-ти пушечнымъ фрегатомъ *Даміадъ;* этимъ интерваломъ открывалась линія огня восьми орудійной (большаго калибра) батареи № 5, расположенной предъ городомъ, на берегу, позади боевой линіи эскадры. На стоявшемъ у самаго центра, пятомъ съ лѣваго фланга, 44-хъ пушечномъ фрегатѣ *Аули-Аллахъ* развѣвался вице-адмиральскій флагъ начальника эскадры Османъ-паши; на девятомъ суднѣ съ лѣваго фланга (второмъ съ праваго фланга), 64-хъ пушечномъ фрегатѣ *Низаміэ* поднятъ былъ контръ-адмиральскій флагъ Гуссейнъ-паши; во второй линіи, правѣе батареи № 5, стояли два военные парохода, а лѣвѣе этой батареи—два транспорта; въ глубинѣ залива виднѣлись два купеческіе брига.

Благодаря этой непостижимо-нелѣпой диспозиціи турецкаго флота, изъ шести батарей, прикрывавшихъ Синопскую бухту, только четыре, всего съ 32 орудіями, могли оказать эскадрѣ дѣйствительную поддержку; батареи №№ 1 и 2 должны были бездѣйствовать.

Не взирая на пасмурную погоду и частый дождь, непріятель, съ самаго начала, замѣтилъ наступленіе русской эскадры. Онъ, видимо, готовился къ бою; суда его устанавливали шпринги, а пароходы разводили пары...

На русскихъ судахъ прислуга стояла у орудій; всѣ взоры были устремлены на флагманскій корабль, въ ожиданіи сигнала начать бой. И вотъ поднятъ сигналъ: вѣрный морскому обычаю въ мирное время, адмиралъ преспокойно показывалъ... полдень!..

Еще полчаса грознаго молчанія, еще полчаса стремительнаго наступленія русской эскадры! Пробила половина перваго...

На турецкомъ адмиральскомъ кораблѣ сверкнула молнія пушечнаго выстрѣла, Синопская бухта задрожала, застонала подъ неумолкающимъ перекатомъ грома орудій турецкой эскадры и батарей... Смѣло направляясь, сначала безъ выстрѣла, на центръ турецкой боевой линіи, русскія суда не могли миновать убійственнаго перекрестнаго непріятельскаго огня: особенно опустошительны были продольные выстрѣлы батареи № 5 и турецкихъ судовъ, расположенныхъ въ самомъ центрѣ. Русскіе флагманскіе корабли, особенно же *Императрица Марія* подъ флагомъ Нахимова, были буквально осыпаны градомъ ядеръ, книпелей и картечи. По счастію нашему, вмѣсто того, чтобы сосредоточивать продольный огонь на палубы, а боковой—на подводную часть русскихъ судовъ, турецкая артиллерія—въ надеждѣ замедлить наступательное движеніе русскихъ и въ ожиданіи, что наши команды пойдутъ по мачтамъ убирать или закрѣплять паруса — била преимущественно вверхъ, по мачтамъ и по всему такелажу. Но у Наваринскаго героя, П. С. Нахимова, были свѣжи въ памяти поученія прошедшаго: ему былъ извѣстенъ свойственный турецкимъ морякамъ расчетъ и потому судамъ былъ данъ приказъ *взять на гитовы*, то есть уменьшить давленіе вѣтра на паруса.

Русская эскадра бойко неслась впередъ, на ходу осыпая своими огромными сплошными и разрывными снарядами мелькавшія мимо

ея бортовъ непріятельскія суда, пока *Императрица Марія* не бросила якоря противъ непріятельскаго флагманскаго фрегата, и, поворотившись на шпрингѣ, не стала громить своего противника батальнымъ огнемъ 42-хъ орудій своего праваго борта, коего нижняя батарея была вооружена 68-ми фунтовыми бомбическими пушками. Какъ отчетливо исполняли свое дѣло наши моряки-артиллеристы —доказывается тѣмъ, что турецкій флагманъ, *Ауни-Аллахъ*, несмотря на поддержку батареи № 5 и стоявшаго возлѣ него, доставшагося въ 1829 г. отъ насъ Туркамъ 44-хъ пушечнаго фрегата *Рафаила* *), названнаго Турками *Фазли-Аллахъ* (*Богомъ данный*), не выдержавъ и получасоваго огня своего врага, отклепалъ якорную цѣпь, дабы бѣгствомъ укрыться отъ выстрѣловъ. Теченіемъ и вѣтромъ понесло его между боевыми линіями; проходя мимо втораго русскаго флагмана, *Парижъ*, бѣжавшій фрегатъ долженъ былъ выдержать его разрушительные продольные залпы, послѣ чего, изстрѣлянный и усѣянный трупами, онъ былъ выброшенъ къ берегу, на мель, подъ самою батареей № 6...

Разбивъ и прогнавъ одного врага, *Императрица Марія* все еще оставалась подъ перекрестнымъ огнемъ батареи № 5 и фрегата *Фазли-Аллахъ*. Между тѣмъ, противъ фрегата *Дамiада* и корвета *Гюли-Сефидъ* — боролся нашъ *Парижъ*. Едва успѣлъ онъ проводить продольнымъ залпомъ бѣжавшій отъ *Императрицы Маріи* турецкій адмиральскій фрегатъ, какъ мѣткимъ выстрѣломъ, въ часъ пять минутъ пополудни, онъ взорвалъ на воздухъ кор-

---

*) Въ 1853-мъ году *Рафаилъ* былъ уже 24 года на службѣ у Турокъ; онъ уже былъ не новъ, даже когда достался имъ. Но Турки, безпрестанными подновленіями, хотѣли увѣковѣчить этотъ доставшійся имъ *безъ боя*, по непостижимой оплошности командира, *ихъ единственный морской трофей во всѣхъ войнахъ съ Русскими*.

ветъ *Гюлли-Сефидъ*. Пока между *Парижемъ* и *Даміадомъ*, поддержаннымъ вторымъ турецкимъ флагманскимъ фрегатомъ, 64-хъ пушечнымъ *Низаміэ*, кипѣлъ отчаянный бой, *Императрица Марія* сосредоточила весь свой огонь на фрегатъ *Фазли-Аллахъ*; вскорѣ на послѣднемъ вспыхнулъ пожаръ и, слѣдуя примѣру своего флагмана, онъ также отклепалъ якорную цѣпь и бросился къ берегу у самаго города...

Въ разгарѣ боя, Павелъ Степановичъ, съ неразлучною съ нимъ подзорною трубою въ рукѣ, слѣдилъ за дѣйствіями эскадры тѣмъ же знатокомъ, съ тѣмъ же хладнокровіемъ опытнаго наставника, какъ на простомъ ученіи. Восхищенный быстротою соображеній, отчетливостью и правильностью маневровъ корабля *Парижъ*, *) успѣвшаго въ то время огнемъ своимъ бросить къ берегу фрегатъ *Даміадъ* и стать бортомъ къ *Низаміэ*,—адмиралъ, словно на практическомъ плаваніи, зная какъ высоко цѣнится его одобреніе, приказалъ благодарить *Парижъ* сигналомъ. Сдѣлать сигналъ оказалось однако невозможнымъ: непріятельскіе снаряды уже перервали сигнальныя веревки...

Выброшенный къ берегу, фрегатъ *Фазли-Аллахъ* вскорѣ былъ объятъ пламенемъ. Такимъ образомъ, исполнился приговоръ Русскаго Царя, произнесенный надъ этимъ фрегатомъ двадцать пять лѣтъ назадъ — „предать фрегатъ *Рафаилъ* огню, какъ недостойный носить русскій флагъ, когда возвращенъ будетъ въ наши руки...“ **).

*) Старшимъ офицеромъ на *Парижѣ* былъ П. А. Перелешинъ, одинъ изъ героевъ Севастополя (нынѣ генералъ-адъютантъ и вице-адмиралъ).

**) Удивительно, что объ исполненіи этого приговора никто не озаботился при заключеніи Адріанопольскаго мира! Возвращенные изъ плѣна въ томъ же году, командиръ и всѣ офицеры *Рафаила*, кромѣ мичмана Вердемана, были разжалованы въ матросы безъ выслуги. Какъ оказалось по слѣдствію, Вердеманъ, во время сдачи фрегата, находился въ крюйтъ-камерѣ. Во вниманіе къ прежней отличной и *храброй* службѣ командира, женѣ его всемилостивѣйше пожалована пожизненная пенсія; самъ же несчастный бывшій командиръ *Рафаила* вскорѣ умеръ отъ горя и угрызеній совѣсти.

Покончивъ съ *Фазли-Аллахомъ*, адмиралъ хотѣлъ спѣшить на помощь *Парижу*, но тотъ и одинъ успѣлъ управиться съ третьимъ врагомъ: съ перебитыми мачтами, турецкій фрегатъ *Низаміэ* тоже отклепалъ свою якорную цѣпь и выбросился къ городу, гдѣ скоро и загорѣлся, по всей вѣроятности подожженный остатками команды, спасшейся на берегъ.

Уничтоживъ всѣ стоявшія противъ нихъ суда, *то есть четыре фрегата и одинъ корветъ, съ 230-ю орудіями*, русскіе флагманскіе корабли, поворотившись параллельно батареѣ № 5, сосредоточили противъ нея всѣ свои силы.

Вслѣдъ за головными судами обоихъ флагмановъ, всѣ корабли становились на якорь, продолжая пальбу и удерживаясь на шпрингѣ. Въ правой колонѣ, противъ корабля *Великій Князь Константинъ*, стояли два 60-ти пушечные турецкіе фрегата, *Навекъ-Бахри* и *Насимъ-Зеферъ* и 24-хъ пушечный корветъ *Неджми-Фешанъ*, а также батарея № 4. На кораблѣ *Великій Князь Константинъ*, также какъ и на флагманѣ *Императрица Марія*, нижняя батарея была вооружена 68-ми фунтовыми бомбическими пушками. Видя *Константина* окруженнымъ врагами, слѣдовавшій за нимъ корабль *Чесма*, пренебрегая направленнымъ противъ него учащеннымъ огнемъ батареи № 3, также сосредоточилъ огонь свой противъ фрегата *Навекъ-Бахри*. Спустя 20 минутъ по открытіи огня, мѣткимъ выстрѣломъ бомбической батареи корабля *Великій Князь Константинъ*, фрегатъ *Навекъ-Бахри* былъ взорванъ на воздухъ; грудами обломковъ и тѣлъ, выкинутыми этимъ взрывомъ на берегъ, была до такой степени завалена батарея № 4, что она временно была вынуждена прекратить свой огонь и даже впослѣдствіи не была въ состояніи возобновить его съ прежнею силою.

Расчитывая на высказывавшееся тогда во Франціи и осо-

бенно въ Англіи завзятое туркофильство, Турки, въ надеждѣ возбудить восторгъ къ своему геройству и патріотизму, разсказали по поводу взрыва *Навекъ-Бахри* нелѣпую басню, которая многими была принята за истину. По словамъ г. Базанкура, *Навекъ-Бахри* былъ взорванъ не русскою бомбою, а самимъ командиромъ его Али-беемъ и командою... Чѣмъ взрываться на воздухъ въ началѣ боя и безъ всякаго вреда непріятелю, не лучше ли было бы Али-бею доказать свое геройство, продолжая борьбу?

Между тѣмъ, покончивъ съ однимъ врагомъ, *Великій Князь Константинъ*, поворотившись на шпрингѣ, началъ разстрѣливать оставшіеся предъ нимъ фрегатъ и корветъ. Въ часъ по полудни перебили ядромъ якорную цѣпь вражьяго фрегата и вѣтромъ его понесло на остатки молла, противъ греческаго предмѣстья Синопа; вскорѣ затѣмъ и корветъ выброшенъ былъ на берегъ, къ батареѣ № 5..

Въ тоже время *Чесма*, послѣ взорванія *Навекъ Бахри*, заворотилась на шпрингѣ къ батареямъ №№ 4 и 3 и учащеннымъ, мѣткимъ огнемъ срыла ихъ до основанія.

Съ начала сраженія, когда *Парижъ* разомъ завязалъ дѣло съ корветомъ *Гюли-Сефидъ* и фрегатами *Даміадъ* и *Низаміэ*, противъ послѣдняго изъ этихъ судовъ направили-было свои выстрѣлы и слѣдовавшіе за *Парижемъ* корабли: *Три Святителя*, --отстрѣливавшійся въ то же время и отъ 54-хъ пушечнаго фрегата *Каиди-Зеферъ* — и *Ростиславъ*, выдерживавшій весь огонь 24-хъ пушечнаго корвета *Фейзи-Меабудъ* и батареи № 6. Однимъ изъ первыхъ непріятельскихъ выстрѣловъ былъ перебитъ у корабля *Три Святителя* шпрингъ; оставшись на одномъ якорѣ, безъ шпринга, корабль, вращаясь кругомъ своего якоря, былъ отнесенъ вѣтромъ къ Сѣверо-Западу, кормою прямо къ батареѣ № 6, поспѣшившей воспользоваться нашимъ положеніемъ, чтобы, поражать корабль продольными выстрѣлами, сильно повредив-

шими его такелажу и мачтамъ.... Положеніе корабля *Три Святителя* становилось чрезвычайно трудно; замѣтивъ это, *Ростиславъ,* не обращая вниманія на огонь турецкихъ судовъ, сосредоточилъ дѣйствіе всей своей артиллеріи противъ батареи № 6, между тѣмъ какъ мичманъ Варницкій, съ барказомъ и полубарказомъ былъ отправленъ съ корабля *Три Святителя,* чтобы завезти якорь (верпъ). Но едва Варницкій сталъ отваливать на полубарказѣ, какъ это судно было пробито ядромъ; отлетѣвшею при этомъ щепою мичманъ былъ раненъ въ руку; полубарказъ же пошелъ ко дну. Варницкій, не смотря на рану, вмѣстѣ со всею командою, успѣлъ перескочить въ барказъ, на которомъ онъ благополучно исполнилъ порученіе, несмотря на сильнѣйшій огонь непріятеля. Повернувъ снова кормой, корабль *Три Святителя* скоро принудилъ фрегатъ *Каиди-Зеферъ* выброситься на берегъ; той же участи подвергся и корветъ *Фейзи-Меабудъ,* подъ дѣйствіемъ огня неустрашимаго *Ростислава,* къ четвертому часу дня также срывшаго до основанія и батарею № 6.

Въ продолженіе боя съ корветомъ и батареей, на *Ростиславѣ* случилось несчастіе, стоившее этому кораблю немало людей, но подавшее случай одному изъ его офицеровъ и части его команды отличиться замѣчательнымъ хладнокровіемъ. Непріятельская граната, ударивъ въ одно изъ среднихъ орудій *Ростислава,* разорвала его, разбила палубу и зажгла кокоръ (пороховой ящикъ), причемъ было ранено и обожжено до 40 человѣкъ. Несмотря на это, пожаръ былъ немедленно потушенъ, но горящія части упали у входа въ крютъ-камеру (пороховой погребъ). Ростиславу грозила страшная опасность. Отъ попавшей въ крютъ-камеру одной искры—могъ взлетѣть на воздухъ нашъ корабль. Мичманъ Колокольцовъ *), закрывъ двери

*) Н. А. Колокольцевъ въ настоящее время занимаетъ постъ помощника капитана надъ Петербургскимъ портомъ.

и всѣ отверстія, съ такимъ хладнокровіемъ принялся тушить огонь, что скоро устранилась всякая опасность.

Во время боя, оба турецкіе парохода, *Таифъ* при 20-ти орудіяхъ и 450-ти силахъ, и *Эрекли* при 4-хъ орудіяхъ и 140 силахъ, не оказывали атакованной эскадрѣ никакой помощи, тогда какъ, владѣя могучею силою пара, они легко могли: быстрымъ маневромъ, стать за кормою или передъ носомъ атакующихъ кораблей и поражать ихъ продольными выстрѣлами; становясь между нашими кораблями и дѣйствуя одновременно обоими бортами, они могли разомъ поражать продольнымъ огнемъ два наши корабля. Особенными преимуществами пользовался *Таифъ*, вооруженный, между прочимъ, десяти-дюймовыми бомбическими орудіями. Въ самый критическій моментъ, когда оба флагманскіе корабля русской эскадры боролись съ несравненно сильнѣйшею непріятельскою артиллеріею, пароходъ *Таифъ* могъ бы принести огромную пользу турецкой эскадрѣ. Но объ этомъ не подумали ни командиръ *Таифа*, англичанинъ Следъ, ни командиръ *Эрекли*. Вмѣсто того, чтобы руководиться аксіомою, что *взаимная помощь другъ другу* есть лучшая тактика въ морскомъ бою, оба парохода остались все время въ бездѣйствіи за боевою линіею. Въ исходѣ перваго часа, когда уже взлетѣлъ на воздухъ *Навекъ-Бахри*, когда адмиральскій фрегатъ *Ауни-Аллахъ* едва держался противъ бомбическихъ пушекъ *Императрицы Маріи*, и по всей боевой линіи обнаруживалось несомнѣнное матеріальное и техническое превосходство русскаго флота надъ турецкимъ,—командиръ *Таифа*, Следъ—тогдашній Гобартъ-паша—цѣня по достоинству пресловутое „геройство“ Турокъ, убѣдился, что для ихъ эскадры пропала всякая надежда на спасеніе и, не теряя времени, рѣшился спастись изъ этого ада, пользуясь отличнымъ ходомъ и образцовымъ вооруженіемъ парохода... За нимъ погнались было наши парусные фрегаты *Кагулъ* и *Кулевчи*. Пароходъ безпрестанно мѣнялъ свое

направленіе,—ему достаточно было поворота рулемъ, для парусныхъ же фрегатовъ всякій поворотъ требовалъ значительной работы парусами. *Таифъ* то останавливалъ машину, то шелъ заднимъ ходомъ, то опять переднимъ и затѣмъ, вдругъ, обмѣнявшись съ фрегатами нѣсколькими залпами, пустился полнымъ ходомъ впередъ и быстро исчезъ изъ подъ выстрѣловъ. Въ половинѣ втораго часа, изъ за мыса показался пароходъ-фрегатъ *Одесса*, подъ флагомъ вице-адмирала Корнилова, за которымъ слѣдовали пароходы *Крымъ* и *Херсонесъ*. Въ полдень, находясь противъ Синопскаго рейда, по сѣверную сторону города, Корниловъ, стоя на площадкѣ парохода *Одесса*, увидѣлъ черезъ Синопскій перешеекъ русскій флагъ на мачтѣ *Императрицы Маріи*. Адмиралъ перекрестился и, промолвивъ: „Помоги Господи Павлу Степановичу!“, приказалъ дать сигналъ: *„держаться соединенно!“* Вскорѣ услышали пальбу и увидѣли, какъ русскія ядра, перелетавшія чрезъ перешеекъ, сѣвернѣе его, вспѣнивали море. Пароходы понеслись полнымъ ходомъ, а тутъ показался и бѣжавшій *Таифъ*. На *Одессѣ* немедленно былъ поднятъ сигналъ слѣдовавшимъ за нимъ пароходамъ „атаковать непріятеля, поставивъ его въ два огня.“ *Таифъ*, въ виду грозившей опасности, снова перемѣнилъ направленіе; *Одесса* поспѣшила пересѣчь ему путь и сблизилась съ нимъ. Къ сожалѣнію, наши пароходы были уже давно построены, и не для военной службы, а для почтоваго сообщенія между Одессою и Константинополемъ. Въ виду наступленія войны, ихъ наскоро приспособили къ бою и вооружили тяжелыми орудіями—что̀, конечно, измѣнило ихъ качества, въ особенности же повредило ихъ ходкости. Само собою разумѣется, что имъ нельзя было въ этомъ видѣ соперничать быстротою съ противникомъ, построеннымъ спеціально для боевой службы. Только пароходъ *Одесса*, вооруженный двумя бомбическими и че-

тырьмя 24-хъ фунтовыми пушками, далеко оставивъ за собою своихъ спутниковъ, подъ полными парами и парусами успѣлъ подойти на пушечный выстрѣлъ къ *Таифу*. На турецкомъ пароходѣ были 2 бомбическія 10-дюймовыя пушки, четыре 36-ти фунтовыхъ и шестьнадцать 24-хъ фунтовыхъ пушекъ. Такое неравенство въ силѣ и преимущество хода *Таифа* могли бы дорого стоить нашему пароходу: была даже минута, когда, вслѣдствіе повреждения, *Одесса* могла дѣйствовать только однимъ бомбическимъ орудіемъ и почти не отвѣчала на огонь непріятеля. Единственное, стрѣлявшее на *Одессѣ* орудіе молодецки наводилъ храбрый лейтенантъ князь В. И. Барятинскій. Ядро *Таифа* разбило на *Одессѣ* штурвалъ и убило рулеваго... Всѣ отскочили, но капитанъ-лейтенантъ Г. И. Бутаковъ, съ обычнымъ спокойствіемъ, поставилъ штурманскаго кондуктора къ рулю со словами: „Ваше мѣсто здѣсь; исправлять—ваше дѣло“. Несмотря на превосходство непріятельскаго огня, безстрашный Корниловъ старался подойти къ непріятелю съ цѣлью взять его на абордажъ, но *Таифъ* сталъ удаляться и, при всѣхъ своихъ огромныхъ преимуществахъ, не нанесъ пароходу *Одесса* другой потери, кромѣ одного убитаго и одного раненаго.

Послѣ безуспѣшной погони за пароходомъ *Таифъ*, фрегаты *Кулевчи* и *Кагулъ* возвратились къ эскадрѣ и дѣйствовали вездѣ, гдѣ еще было оказываемо сопротивленіе. До четвертаго часа вечера батареи №№ 5 и 6 продолжали безпокоить нашу эскадру калеными ядрами, не наносившими намъ, впрочемъ, особеннаго вреда. *Парижъ* и *Ростиславъ* разрушили эти батареи. Въ это же время, убѣдившись въ безполезности преслѣдованія *Таифа*, пароходы отряда Корнилова также присоединились къ эскадрѣ и привѣтствовали ее восторженными *ура*. *Одесса* остановилась противъ флагманскаго корабля. Корниловъ безпокойно спрашивалъ у всѣхъ: „Здоровъ ли адмиралъ?“ Выѣхавшій на катерѣ

на встрѣчу Корнилову командиръ *Константина*, Л. А. Ергомышевъ *первый* порадовалъ отвѣтомъ: „Слава Богу, Павелъ Степановичъ живъ!“.... Корниловъ, увидѣвъ наконецъ Нахимова, бросился обнимать его со словами: „Поздравляю васъ, Павелъ Степановичъ, съ побѣдою, которою вы оказали большую услугу Россіи и прославили свое имя въ Европѣ!“.

Всю ночь пароходы были заняты отводомъ на буксирѣ пылавшихъ турецкихъ судовъ, изъ опасенія, чтобы, съ перемѣною вѣтра, ихъ не нанесло на нашу эскадру *). Брошенные

---

*) Приводимъ, со словъ очевидца, одинъ изъ эпизодовъ, относящихся къ этому моменту боя. Корниловъ, отправляясь на встрѣчу Нахимову, командировалъ старшаго офицера *Одессы*, лейтенанта (нынѣ контръ-адмирала) Н. Н. Кузьмина Короваева, на турецкій фрегатъ и приказалъ приготовить судно къ отбуксированію, изъ опасенія, чтобы оно не загорѣлось отъ летѣвшихъ на него головешекъ съ сосѣдняго фрегата и, въ свою очередь, не подожгло вблизи стоящаго корабля „*Три Святителя*“. Взойдя на фрегатъ всего съ десятью матросами, Короваевъ нашелъ на суднѣ около 200 турокъ, человѣкъ 20 раненыхъ и столько же убитыхъ. Трупъ капитана лежалъ у дверей его каюты. Безпорядокъ и паника невольно приковывали къ себѣ вниманіе: турки сидѣли при своемъ багажѣ, разбросанномъ по батарейной палубѣ, порохъ былъ разсыпанъ по полу, крютъ-камера была отворена, а турки между тѣмъ курили..... Приказавъ прекратить куреніе, лейтенантъ немедленно распорядился, чтобы крютъ-камеру заперли и всю палубу смочили водою. Быстрое расклепываніе якорной цѣпи оказалось невозможнымъ,—до такой степени болты были заржавлены: очевидно, что ихъ давно не выколачивали и не смазывали масломъ. Пришлось разрубить одно изъ звеньевъ. Пока возились съ цѣпью, плѣнные, по приказанію Короваева, перевозились небольшими эшелонами на нашемъ катерѣ; раненыхъ же турокъ, представлявшихъ большое обремененіе нашимъ матросамъ, лейтенантъ рѣшился отправить въ Синопъ. Принявъ это дѣло на свою личную отвѣтственность, Короваевъ приказалъ катеру прибуксировать турецкую баржу, стоявшую между фрегатомъ и берегомъ, а затѣмъ на баржу были положены всѣ раненые и 20 здоровыхъ плѣнныхъ; туда же помѣстили запасъ сухарей изъ бродъ-камеры и весь багажъ, принадлежавшій этимъ людямъ. Вмѣстѣ съ плѣнными, былъ посаженъ и турецкій докторъ изъ армянъ. Отправляя людей, Короваевъ, черезъ переводчика, объявилъ имъ, что здоровые, подъ начальствомъ доктора, должны озаботиться помѣщеніямъ своихъ раненыхъ товарищей въ городской госпиталь. Восторгу турокъ не было предѣла. Всѣ кинулись цѣловать руки русскаго лейтенанта и при этомъ едва не опрокинули баржу, а армянинъ -докторъ всталъ на колѣни и закричалъ:

— O Ave Maria!...

на берегъ непріятельскія суда были въ самомъ бѣдственномъ состояніи и, потому, было приказано прекратить огонь. Изъ показаній плѣнныхъ выяснилось, что только паническій страхъ воздержалъ ихъ спустить флаги, т. е. сдаться. На фрегатѣ *Незимъ-Зеферъ* флагъ былъ немедленно спущенъ, безъ сопротивленія, по требованію проѣзжавшаго мимо парламентера, посланнаго для объявленія городскому начальству, что эскадра пришла для истребленія военныхъ судовъ, но не желаетъ вредить городу. Транспорты и купеческія суда затонули отъ попавшихъ въ нихъ снарядовъ; фрегаты *Фазли-Аллахъ*, *Низаміэ* и *Каиди-Зеферъ*, корветъ *Неджи-Фешанъ* и пароходъ *Эрекли* всѣ были объяты пламенемъ; повидимому, большая часть ихъ была зажжена оставлявшими ихъ командами. По мѣрѣ того, какъ огонь доходилъ до крютъ-камеры, суда взлетали на воздухъ. Взрывъ фрегата *Фазли-Аллахъ* покрылъ горящими обломками турецкую часть города. Это произвело сильный пожаръ, значительно увеличившійся отъ взрыва корвета *Неджи-Фешанъ*. Пожаръ продолжался во все время пребыванія нашей эскадры въ Синопѣ. Въ городѣ некому было тушить его: всѣ жители разбѣжались. По словамъ г. Базанкура, парламентеръ нашъ, не найдя никого, вручилъ встрѣтившемуся ему австрійскому консулу прокламацію командира русской эскадры.

Насколько правъ г. Базанкуръ въ передачѣ этого факта — намъ неизвѣстно: многіе изъ участниковъ боя ничего не знаютъ о существованіи прокламаціи. По словамъ очевидцевъ, достовѣрно лишь извѣстіе о посылкѣ на берегъ мичмана Манто,

---

Съ разсвѣтомъ, цѣпь разрубили и когда фрегатъ былъ отбуксированъ къ берегу, лейтенантъ получилъ приказаніе зажечь судно... Исполнивъ распоряженіе начальства, лейтенантъ возвратился на пароходъ. Ночью, на фрегатъ пріѣзжалъ отъ имени Корнилова Г. И. Бутаковъ за справками—почему задерживается дѣло. Затѣмъ пріѣхалъ А. П. Жандръ и, спустивъ флагъ, отвезъ его Нахимову. Этотъ флагъ турецкаго фрегата въ настоящее время находится въ Морскомъ Корпусѣ.

Въ описываемое время въ штабѣ Корнилова были: И. Г. Сколковъ, Г. И. Бутаковъ, князь В. И. Барятинскій и А. П. Жандръ.

умѣвшаго объясняться по гречески. По окончаніи сраженія, Манто послали парламентеромъ, съ приказаніемъ передать властямъ, что если изъ города будетъ пущено хотя бы одно ядро—Синопъ будетъ уничтоженъ бомбардированіемъ. На встрѣчу парламентеру попалось только нѣсколько грековъ. Участники въ боѣ намъ передавали также, что пріѣзжала греческая депутація просить адмирала—взять грековъ въ Россію. Просьба мотивировалась тѣмъ соображеніемъ, что Турки, по уходѣ русской эскадры, возвратятся изъ горъ и перерѣжутъ ихъ, такъ какъ турецкій кварталъ сгорѣлъ, а греческій—уцѣлѣлъ отъ пожара. Адмиралъ счелъ себя вынужденнымъ отклонить это ходатайство.

По свозѣ раненыхъ и плѣнныхъ, фрегаты *Ауни-Аллахъ* и *Незими-Зеферъ*, а также корветъ *Фейзи-Меабудъ*, какъ оказавшіеся совершенно избитыми и негодными, были отбуксированы къ берегу и сожжены.

Спасшіеся отъ нашего артиллерійскаго огня, турецкіе матросы бѣжали на берегъ, предоставивъ гибели своихъ офицеровъ и раненыхъ товарищей. На утопавшемъ фрегатѣ *Ауни-Аллахъ* найденъ командиръ турецкой эскадры, вице-адмиралъ Османъ-паша.... Когда фрегатъ, на которомъ онъ сражался, сталъ тонуть, команда (какъ паша самъ признавался) вышла изъ повиновенія, самовольно бѣжала на берегъ, а несчастнаго Османа *ограбила, отнявъ у него деньги, часы и платье. Съ перебитою ногою, по поясъ въ водѣ и держась руками за пушечный брюкъ* (канатъ, прикрѣпляющій орудіе къ борту), паша погибъ бы, если не былъ бы снятъ съ погрузившагося фрегата нашею шлюпкою... Несчастному было 60 лѣтъ, изъ нихъ 42 провелъ онъ на морѣ и уже болѣе 10 лѣтъ въ адмиральскомъ чинѣ. Въ числѣ другихъ плѣнныхъ находились еще два офицера, также оставленные своими командами: тяжело раненый командиръ фрегата *Фазли-Аллахъ* и капитанъ одного изъ затонувшихъ корветовъ.

По свѣдѣніямъ непріятеля, Турокъ погибло въ этотъ день до 4,000 человѣкъ. Прибывшіе, нѣсколько дней спустя, въ Синопъ англо-французскіе пароходы нашли въ городѣ и его окрестностяхъ 200 тяжело раненыхъ Турокъ.

Съ нашей стороны убиты: корпуса штурмановъ прапорщикъ *Высота*, нижнихъ чиновъ 37, ранены: командиръ корабля *Императрица Марія* кап. 2 ранга *Барановскій*, мичманы *Зубовъ*, *Костыревъ* и *Варницкій*; корпуса штурмановъ штабсъ-капитанъ *Родіоновъ*, прапорщикъ *Плонскій*, морской артиллеріи поручикъ *Антипенко* и 233 нижнихъ чина.

Эта сравнительно незначительная потеря побѣдителя есть характеристичная черта всѣхъ рѣшительныхъ морскихъ побѣдъ.

Въ сраженіи при Синопѣ турецкіе начальники вполнѣ высказали свою непредусмотрительность. Они заняли самую невыгодную для себя позицію и чрезъ это лишились поддержки двухъ изъ шести батарей, оборонявшихъ Синопскую бухту; они обрекли бездѣйствію и половину своихъ орудій; береговыя батареи только подъ конецъ боя стали стрѣлять столь грозными для деревянныхъ судовъ калеными ядрами; пароходы оставались въ бездѣйствіи, когда и они могли оказать флоту значительныя услуги; наконецъ, въ продолженіи всего боя, ни однимъ изъ судовъ ихъ не было выказано не только геройской рѣшимости, но даже и той отчаянной стойкости, которая побуждаетъ человѣка, въ виду безвыходной опасности, предпочесть постыдному бѣгству славную и дорого стоющую непріятелю смерть! Такимъ образомъ объясняется безпримѣрное истребленіе турецкой эскадры. Положеніе Османъ-паши, не говоря уже о представлявшейся ему возможности либо пробиться, либо тайно прокрасться изъ Синопа, было далеко не отчаянное. Для того, чтобы воспользоваться выгодами своего положенія и приготовиться къ славному отпору, ему необходимо было положиться на духовныя и нравственныя силы

своихъ командъ,—а насколько онъ былъ въ-правѣ оказать имъ такое довѣріе—это лучше всего доказывается позорнымъ обращеніемъ съ нимъ его подчиненныхъ. Заслуженный, тяжелораненый престарѣлый начальникъ былъ ограбленъ и покинутъ на утопавшемъ суднѣ своими матросами!..

Разбирая критически дѣйствія русской эскадры, даже и самый строгій судья долженъ будетъ отозваться о нихъ съ безусловнымъ одобреніемъ. Въ самомъ дѣлѣ: въ нихъ выказываются на каждомъ шагу, во всѣхъ чинахъ эскадры — отъ героевъ-адмираловъ до послѣдняго матроса—неизмѣнное хладнокровіе, неторопливое, вмѣстѣ съ тѣмъ быстрое, отчетливое исполненіе своихъ обязанностей и совершенство малѣйшихъ подробностей самыхъ многосложныхъ маневровъ, которыми характеризуется идеальный типъ моряка. Вице-адмиралъ Нахимовъ положился на втораго флагмана, своего достойнаго товарища, контръ-адмирала Новосильскаго, на командировъ судовъ и предоставилъ имъ въ бою полную свободу дѣйствія —мѣра, оказавшаяся тѣмъ болѣе полезною, что во время боя самъ адмиралъ, какъ это часто бываетъ, вдругъ оказался лишеннымъ возможности подавать сигналы. И всѣ подчиненные вполнѣ оправдали его довѣріе: не стѣсняясь никакими предварительными инструкціями, каждый изъ нихъ избиралъ тотъ образъ дѣйствія, который, по обстоятельствамъ, казался болѣе полезнымъ, и никто изъ нихъ ни разу не ошибся въ этомъ выборѣ, потому что всѣ очевидно руководились аксіомою, что неотъемлемымъ условіемъ успѣха всякаго морскаго боя служатъ: *взаимная помощь* и постоянное, внимательное наблюденіе за дѣйствіями сражающихся товарищей. Соображеніе всѣхъ дѣйствій съ этою аксіомою и составляетъ самую характерную черту русской эскадры во время Синопскаго боя...

Здѣсь будетъ умѣстно привести, со словъ очевидца, раз-

сказъ о покойномъ Родіоновѣ (старшій штурманскій офицеръ на *Парижѣ*), какъ одинъ изъ многочисленныхъ эпизодовъ, характеризующихъ поведеніе нашихъ офицеровъ во время сраженія. Мичманъ (нынѣ флигель-адъютантъ, капитанъ I ранга) Н. Г. Ребиндеръ, командуя верхнею батареею на *Парижѣ*, получилъ съ юта приказаніе адмирала — сосредоточить орудія на бывшую подъ мечетью береговую непріятельскую батарею, сильно бившую корабль въ корму. Въ это время трапы на ютъ были сняты. Не имѣя возможности видѣть со шканецъ направленія батареи, за дымомъ отъ орудій нижнихъ дековъ, Ребиндеръ просилъ Родіонова, стоявшаго на лѣвой сторонѣ юта, указать направленіе. Въ эту минуту непріятельское ядро попало въ катеръ, висѣвшій на боканцахъ, и осыпало щепками Родіонова. Обтирая одною рукою лицо отъ крови и щепокъ, Родіоновъ протянулъ другую руку по линіи къ батареѣ, чтобы означить направленіе,—но въ тотъ же моментъ ядро оторвало руку и бросило ее на шканцы... Родіоновъ зашатался и упалъ. Послѣ сраженія, Ребиндеръ, считая себя невольнымъ виновникомъ несчастія съ героемъ-товарищемъ, поспѣшилъ навѣстить раненаго и нашелъ его по обыкновенію веселымъ и любезнымъ, невзирая на только - что перенесенныя двѣ мучительныя операціи. Родіоновъ все еще чувствовалъ оторванную руку: ему казалось, что онъ шевелитъ пальцами...

Въ числѣ несчастныхъ жертвъ разрыва орудія на *Ростиславѣ* находился матросъ Антонъ Майстренко, коему при разрывѣ были выжжены оба глаза. Во время продолжительнаго пребыванія его въ Севастопольскомъ госпиталѣ, единственнымъ его утѣшеніемъ были воспоминанія подробностей той блестящей побѣды, за которую онъ поплатился своимъ зрѣніемъ. Воодушевленный разсказъ его живописно рисуетъ картины Синопскаго пожара. „А Нахимовъ! Вотъ смѣлый—съ восторгомъ восклицалъ Майстренко—ходитъ себѣ по юту, да какъ свист-

петъ ядро, только рукой, значитъ, поворотитъ: туда тебѣ и дорога... И ходитъ онъ по верху и приказаніе такое далъ: покуда не будетъ повелѣнія, чтобы паруса не убирали, а на гитовы, значитъ, подняли. Такая у него думка была, какъ пошлетъ на марсъ—тамъ человѣкъ восемьдесятъ на одну мачту идетъ, отъ того три реи и букшварокъ, на которыхъ паруса убирать нужно,—да по вантамъ, такъ тутъ-то только и бить народъ. Того, видно, и Турокъ смотрѣлъ, оттого все картечью паруса дырявилъ; одначе плохо. Мы какъ шпрюйты (шпринги) завезли съ кормы, а тамъ кабельтовъ съ носу и ошвартовались такъ, чтобы корабль никакого движенія не имѣлъ, а стоялъ какъ бы батарея, а тутъ еще Богъ далъ какъ барказы, то шпрюйты завозили, такъ ни одного не положили бы нашихъ. А онъ сыплетъ.—Боже мой!—сыплетъ да и шабашъ. Ну, одначе, смотримъ—и у насъ красный флагъ на бомъ-брамъ-стенгѣ, значитъ, открыть огонь Черноморскому флоту. Тутъ ужъ какъ зачали жарить наши, такой калѣчи понадѣлали, что и не дай Господи! Два фрегата наши, *Кагулъ* и *Кулевчи*, все на часахъ ходили отъ косы до косы; а мы дѣйствовали: какому кораблю ихнему мачты посбивали, какой на бокъ положили, а другой и совсѣмъ взорвали—и шабашъ. Выходитъ такъ, что одинъ на одно спотыкается; часомъ запалишъ фрегатъ или бригъ, а тутъ еще ядрами начнемъ насаживать: смотримъ—упадетъ на другой и тотъ запалитъ. Такой пожаръ сдѣлался: бѣда! Огонь, дымъ,—чисто всю бухту какъ жаромъ хватило, а вѣтеръ все въ городъ подноситъ, все въ городъ подноситъ, и звукъ такой пошелъ, что нѣкоторыхъ матросовъ у пушки позаглушилъ...“

Съ истребленіемъ непріятеля еще не была кончена задача русской эскадры. Нахимовъ совершенно основательно предвидѣлъ, что извѣстіе о Синопскомъ погромѣ вызоветъ со стороны союз-

никовъ Порты какое нибудь рѣшительное дѣйствіе: вступленіе ихъ флотовъ въ Черное море, а, можетъ быть, и объявленіе войны. На этотъ случай, необходимо было озаботиться немедленнымъ возвращеніемъ эскадры въ Севастополь, чтобы сосредоточить всѣ средства для веденія оборонительной войны противъ двухъ могущественныхъ морскихъ державъ. Въ Черномъ Морѣ, въ то время, продолжалъ неистово свирѣпствовать порывистый восточный вѣтеръ; подъ могучимъ дуновеніемъ его ходилъ огромный, разрушительный валъ, а состояніе эскадры было такое, что, безъ значительныхъ исправленій, многія суда не могли выдерживать волненія, а другія были лишены такелажа. На кораблѣ *Императрица Марія*, напримѣръ, было 60 пробоинъ, изъ коихъ многія въ подводной части; на кораблѣ *Три Святителя* было 48 пробоинъ и повреждены *всѣ мачты*; на кораблѣ *Ростиславъ* было убито и ранено 104 человѣка...

Исполнить во время послѣднюю задачу—привесть побѣдоносную русскую эскадру въ Севастополь до прибытія въ Синопъ союзнаго флота—едва-ли было не труднѣе, чѣмъ истребить турецкую эскадру; возможно же было это исполненіе только при самой напряженной дѣятельности всѣхъ чиновъ. Еще не умолкли послѣдніе выстрѣлы страшной кровавой драмы, какъ—при необъятномъ заревѣ пожара въ городѣ и на затопающихъ непріятельскихъ судахъ, при потрясающихъ, оглушительныхъ взрывахъ—всѣ безъ исключенія чины русской эскадры принялись за исправленіе поврежденій. Несмотря на физическую и духовную усталость, работы неустанно продолжались всю ночь. Утромъ 19-го ноября, на короткое время, пріостановлена эта лихорадочная дѣятельность: отслужили благодарственный молебенъ, заупокойную обѣдню, похоронили убитыхъ — и немедленно затѣмъ снова принялись за работу.

Ровно 36 часовъ по окончаніи боя, утромъ 20-го ноября, эскадра, съ Божіею помощью, уже была готова опять пуститься въ бурное

море. Корабли начали сниматься съ якоря: болѣе всѣхъ пострадавшій корабль *Императрица Марія* предоставлено было буксировать пароходу *Крымъ,* подъ флагомъ контръ-адмирала Панфилова, при конвоѣ фрегатовъ *Кулевчи* и *Кагулъ,* прямо въ Севастополь. *Великій Князь Константинъ,* на который Нахимовъ перенесъ свой флагъ послѣ сраженія, вышелъ на буксирѣ парохода *Одесса.* Корабль *Три Святителя,* въ неменѣе бѣдственномъ видѣ, шелъ на буксирѣ парохода *Херсонесъ,* а *Ростиславъ*—парохода *Громоносецъ,* только 19-го ноября прибывшаго изъ Севастополя. Корабли *Парижъ* и *Чесма,* менѣе поврежденные, слѣдовали безъ помощи пароходовъ. За Синопскимъ мысомъ, эскадра встрѣтила сильную зыбь, такъ что пароходы принуждены были отказаться отъ буксира. Ночью вѣтеръ усилился и суда отправились подъ парусами къ Севастополю.

22-го утромъ вѣтеръ стихъ: пароходамъ велѣно было опять взять корабли на буксиръ. Послѣ полудня, три корабля благополучно вошли въ Севастополь, а къ почи прибыли и остальные.

Извѣстіе о побѣдѣ уже было получено въ Севастополѣ. Восторженный пріемъ встрѣтилъ возвращавшихся побѣдителей. По свидѣтельству очевидцевъ, на поздравленія князя Меншикова вице-адмиралъ Нахимовъ отвѣтилъ, что онъ гораздо болѣе удивляется изготовленію эскадры, въ 36 часовъ послѣ жестокаго боя, къ выходу изъ Синопской бухты, чѣмъ самой Синопской побѣдѣ.

Въ тотъ же день князь Меншиковъ донесъ Государю Императору:

„Повелѣніе Вашего Императорскаго Величества исполнено Черноморскимъ флотомъ самымъ блистательнымъ образомъ. Первая турецкая эскадра, которая рѣшилась выйти на бой, 18-го числа ноября истреблена вице-адмираломъ Нахимовымъ. Командовавшій оною турецкій адмиралъ Османъ-паша, раненый, взятъ въ плѣнъ и привезенъ въ Севастополь.

„Непріятель былъ на Синопскомъ рейдѣ, гдѣ, укрѣпленный береговыми батареями, принялъ сраженіе. При этомъ у него истреблено: семь фрегатовъ, шлюпъ, два корвета, одинъ пароходъ и нѣсколько транспортовъ. За симъ, оставался еще одинъ пароходъ, который спасся по превосходной быстротѣ своей.

„Эта эскадра, повидимому, есть та самая, которая снаряжалась для овладѣнія Сухумомъ и содѣйствія Горцамъ".

*

VI.

Электрической искрой разнеслась изъ Севастополя по всей Россіи радостная побѣдная вѣсть! На другой день послѣ Синопа, полетѣло и извѣстіе о Башъ-Кадыкларскомъ погромѣ: 7,000 кавказскихъ богатырей въ прахъ разбили 30-ти тысячную турецкую армію и взяли 24 орудія! Русь заликовала; православные храмы огласились благодарственными молебствіями; отъ Чернаго моря до Бѣлаго не было ни одной деревни, гдѣ не праздновалась бы двойная побѣда братьевъ-богатырей, и отголосокъ этого торжества отозвался радостными ликованіями во всемъ славянскомъ мірѣ Европы, между угнетенными братьями Россіи по вѣрѣ и по племени.

По полученіи донесенія о Синопской побѣдѣ, Государь Императоръ осчастливилъ князя Меншикова слѣдующимъ рескриптомъ: „Побѣда при Синопѣ являетъ вновь, что Черноморскій флотъ Нашъ достойно выполняетъ свое назначеніе. Съ искреннею, сердечною радостію поручаю вамъ сказать храбрымъ морякамъ Нашимъ, что Я благодарю ихъ за подвиги, совершенные для славы и для чести русскаго флота. Я съ удовольствіемъ вижу, что Чесма не забывается въ нашемъ флотѣ и что правнуки достойны своихъ прадѣдовъ“. Къ Нахимову же Государь Императоръ обратился со слѣдующею лестною грамотою:

„Истребленіемъ турецкой эскадры при Синопѣ вы украсили лѣтопись русскаго флота новою побѣдою, которая навсегда останется памятною въ морской исторіи. Статутъ военнаго ордена св. велико-мученика и побѣдоносца Георгія указываетъ награду за вашъ подвигъ. Исполняя съ истинною радостію постановленіе статута, жалуемъ васъ кавалеромъ св. Георгія второй степени большаго креста, пребывая къ вамъ Императорскою милостію Нашею благосклонны“.

Почти въ то же время, князь Бебутовъ былъ награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго. Имена Нахимова и Бебутова сдѣлались въ Россіи народными, наравнѣ съ именами Суворовыхъ, Кутузовыхъ, Багратіоновъ, Ермоловыхъ. Особенно глубокое впечатлѣніе произвело на Россію Синопское сраженіе, словно въ народѣ уже имѣлось предчувствіе грозной участи, ожидавшей нашъ геройскій Черноморскій флотъ. Доблестный адмиралъ, со всѣхъ концевъ родины, получалъ отъ неизвѣстныхъ ему лицъ поздравительныя письма, не только въ прозѣ, но и въ стихахъ, исполненныя самаго искренняго чувства. Самъ же Павелъ Степановичъ не раздѣлялъ общаго восторга. Глубоко благочестивый и скромный, онъ видѣлъ въ одержанной имъ побѣдѣ орудіе Провидѣнія и благодарилъ Бога за дарованіе ему и его сподвижникамъ счастливаго случая исполнить святость присяги; о возбужденномъ имъ восторгѣ онъ говорилъ неохотно и даже сердился, когда при немъ заговаривали объ этомъ предметѣ; получаемыя же письма отъ соотечественниковъ онъ уклонялся показывать. Доказанное Синопомъ блестящее состояніе Черноморскаго флота Нахимовъ не приписывалъ себѣ: „Михаилъ Петровичъ Лазаревъ—вотъ кто сдѣлалъ все-съ“, отвѣчалъ онъ неизмѣнно на всѣ поздравленія. Получивъ отъ какого-то неизвѣстнаго богомольца образъ Николая Чудотворца, съ совѣтомъ снять съ него двѣ копіи, одну для своей каюты, а другую для ношенія на груди, онъ былъ очень обра-

дованъ подаркомъ и немедленно исполнилъ просьбу неизвѣстнаго почитателя.

По мнѣнію нашихъ спеціалистовъ, Синопская побѣда была событіемъ болѣе доблестнымъ, чѣмъ даже Наваринская. „Битва славная", писалъ, 22-го ноября 1853-го года, къ своей женѣ Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ о Синопѣ, „*выше Чесмы и Наварина*! Ура Нахимовъ! Михаилъ Петровичъ Лазаревъ радуется своему ученику"...

Пока вся Русь, отъ мала до велика, а во главѣ ея русское царское семейство, душа въ душу съ 80-ти милліоннымъ народомъ, праздновала одержанныя два дня сряду безсмертныя побѣды русскаго оружія, —въ Петербургѣ наша дипломатія, хотя и допускала возможность радоваться по поводу Башъ-Кадыклара, но на Синопскій пожаръ смотрѣла съ уныніемъ... Ее пугали вѣроятныя послѣдствія торжественнаго попранія того позорнаго запрета, который наложенъ былъ на нашъ флотъ западными державами; она предвидѣла, что неотвратимымъ послѣдствіемъ этого попранія будетъ объявленіе Англіею и Франціею войны Россіи...

Она не ошиблась. По мнѣнію нашихъ враговъ, Синопская побѣда имѣла, относительно ихъ, характеръ *вызова*, такъ какъ они предупредили насъ, что всякое нападеніе наше на турецкое побережье будетъ отражено ихъ флотами; другими словами, они признали, что Синопскимъ погромомъ былъ нарушенъ наложенный ими на нашъ флотъ запретъ, ограничивавшій его права воюющаго (belligérent). Но развѣ русское правительство узаконило своимъ признаніемъ англійское заявленіе, налагавшее запретъ на нашъ Черноморскій флотъ? Нѣтъ. Оно отвергло его. А развѣ Европа и сама Россія признали притязаніе Англіи, проповѣдующей „свободу морей", взирать на всѣ моря, не исключая и Чернаго, какъ на „свою собственность"? Запретъ Англіи не могъ и не

долженъ былъ предотвратить Синопскаго сраженія. Напротивъ, какъ выразился Императоръ Николай Павловичъ въ своемъ отвѣтѣ на письмо Наполеона III, „Синопское дѣло было неминуемымъ послѣдствіемъ положенія, принятаго обѣими державами", то есть *именно наложеннаго ими запрета*, „и это событіе"—присовокуплялъ Государь—„конечно, не могло имъ показаться *непредвидѣннымъ*". Дѣйствительно, западныя державы не только *предвидѣли* неминуемость Синопскаго событія, но, до нѣкоторой степени, *даже расчитывали* на него для исполненія своихъ предначертаній. Въ этомъ отношеніи, взгляды покойнаго Государя расходились со взглядами его дипломатіи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно привесть въ параллель тонъ и доводы цитированнаго Царственнаго письма по поводу Синопа—съ тономъ и доводами словеснаго отвѣта, даннаго на счетъ Синопа государственнымъ канцлеромъ, графомъ Нессельроде, представителю Англіи, Сеймуру *).

Не надо терять изъ вида, что въ то время уже давно разгорѣлась война. И она тоже, какъ и дипломатія, имѣетъ свои законы, свои условія. Возможно-ли было согласовать съ ея потребностями повиновеніе Черноморскаго флота позорному запрету? Возможно-ли было требовать отъ этого флота, чтобы, несмотря на нравственное и техническое превосходство надъ турецкимъ, онъ, сложа руки, давалъ бы Туркамъ: хозяйничать безнаказанно по Черному морю, спабжать оружіемъ и порохомъ нашихъ враговъ, Черкесовъ, продовольствовать турецкую армію въ Малой Азіи и подвозить ей подкрѣпленія, высаживать десанты *въ тылу нашей пограничной арміи*, на нашемъ Закавказскомъ берегу, подвергая дѣйствительной опасности нашу армію, и, наконецъ, даже нападать на наши суда? — На всѣ эти вопросы наша дипломатія, повидимому,

*) См. *Приложенія.*

отвѣчала—*да!* По ея мнѣнію, Синопская побѣда была не иное что, какъ *грубая ошибка!*

Западныя державы, очевидно, судили объ этомъ иначе. Нѣтъ сомнѣнія, что онѣ только потому и наложили на Черноморскій флотъ запретъ, что, по ихъ убѣжденію, исполненіе такого запрета было *невозможно.* И это сужденіе было вѣрно, ибо о военномъ дѣлѣ онѣ, какъ и слѣдуетъ, судили только *съ военной точки зрѣнія.* Имъ и въ голову не приходило, чтобы, по объявленіи войны, можно было подчинять соображенія военныя, интересы военные — соображеніямъ чисто - дипломатическаго свойства, почти всегда стоящимъ *въ противорѣчіи съ ними.*

Если нельзя сказать, что, съ военной точки зрѣнія, Синопскій погромъ спасъ геройскую Закавказскую армію и нашъ Закавказскій край,—то нѣтъ сомнѣнія, что побѣда оказала имъ огромную услугу. Турки не рѣшились сдѣлать новой попытки десанта на Кавказскій берегъ или снабженія Черкесовъ оружіемъ и боевыми припасами. *На всю зиму* горсть нашихъ храбрецовъ на отдаленной мало-азіатской границѣ была обезпечена противъ появленія новыхъ непріятелей. Ничего болѣе имъ не требовалось, такъ какъ весною должны были подоспѣть подкрѣпленія.

Дѣйствительно-ли Синопъ былъ *истинною причиною* объявленія намъ войны обѣими западными державами? Неужели эта война не была бы объявлена, если, преклоняясь предъ повелѣніемъ Англіи, Черноморскій флотъ, на вѣчный позоръ, на вѣчное посмѣяніе цѣлой Европы, далъ бы пріютившемуся отъ бурь въ Синопской бухтѣ Турецкому флоту: преспокойно выждать улучшенія погоды и потомъ исполнить свое порученіе на Кавказскомъ берегу?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ требуетъ предварительной оцѣнки впечатлѣнія, сдѣланнаго Синопскою развязкою какъ на Турцію, такъ и на Европу.

Насколько великъ былъ восторгъ, вызванный извѣстіемъ о Синопскомъ пожарѣ въ Россіи, настолько было велико и уныніе, наведенное имъ на Турцію. Грозную вѣсть привезъ въ Константинополь пароходъ *Таифъ* 22-го ноября (3-го декабря). Въ это время Порта уже наслаждалась плодами своей систематической лжи, усердно эксплуатируемой въ Европѣ и особенно въ Англіи. О побѣдахъ нашихъ въ Азіи и на морѣ, какъ уже сказано, Европа имѣла самое смутное, самое извращенное понятіе; геройское же сраженіе при Четати, хищническое нападеніе Турокъ на *постъ* св. Николая и славное дѣло *Колхиды* превозносились до небесъ и въ Лондонѣ, и въ Парижѣ, какъ доказательства „дивнаго національнаго духа Турокъ и ихъ *всемогущества* относительно зачинщика“,—какъ выражался лордъ Кларендонъ въ своей депешѣ къ лорду Коулей. Въ англійскихъ газетахъ восхищались вѣрности предсказанія венгерскаго генерала Бёма, доложившаго султану: „Войска вашего величества всегда окажутся *вдвое лучше* русскихъ и ваше величество можете выставить въ поле *вдвое болѣе* войска, чѣмъ то, коимъ можетъ располагать Россія“... Англія считала себя въ правѣ требовать, чтобы въ основаніе переговоровъ былъ положенъ принципъ *пересмотра трактатовъ между Россіею и Турціею.* Въ состоявшемся 25-го ноября (5-го декабря) въ Вѣнѣ протоколѣ, державы постановили обратиться къ Турціи съ запросомъ: на какихъ условіяхъ она согласилась бы на заключеніе мира,—чѣмъ, очевидно, *ей* предоставлялось предрѣшеніе вопроса объ этихъ условіяхъ, какъ будто отъ нея именно и зависѣло даровать миръ! Рѣчь шла уже о томъ, чтобы, вмѣсто требуемаго русскимъ правительствомъ отправленія турецкаго посла въ Петербургъ, сама Россія отправила посла, съ порученіемъ, подъ надзоромъ державъ, войти въ соглашеніе съ уполномоченными Порты!

И вотъ, среди этого упоенія незаслуженною славою, застало

Порту громовое извѣстіе, привезенное *Таифомъ*! Конечно, если бы Порта была въ это время предоставлена самой себѣ, извѣстія о Синопской побѣдѣ было бы достаточно, чтобы разомъ отрезвить турецкое правительство и побудить его ко всевозможнымъ уступкамъ. Но въ Константинополѣ, въ то время, вмѣстѣ съ обоими флотами, находились представители Англіи и Франціи; особенно первый изъ нихъ производилъ на Порту вліяніе, коимъ быстро должно было изгладиться подавляющее впечатлѣніе Синопа. И дѣйствительно, впечатлѣніе было непродолжительно. На другой же день прибытія *Таифа*, Решидъ-паша обратился къ представителямъ западныхъ державъ съ нотою, ставившей имъ на видъ, что хотя Порта предупреждала во-время о появленіи русскихъ крейсеровъ предъ Синопомъ, но „друзья“ не отстранили постигшаго турецкій флотъ „несчастія“. Нота заключалась требованіемъ немедленнаго отправленія флотовъ въ Черное море.

Въ нотѣ Решида, очевидно, слышался упрекъ обоимъ флотамъ. Между тѣмъ, если вѣрить г. Базанкуру, западные адмиралы предупреждали Порту объ „опасности“, которой подвергался Османъ-паша въ Синопѣ; какимъ же образомъ, послѣ этого, могъ Решидъ косвенно обвинять въ Синопскомъ „несчастіи“ союзные флоты? Въ самомъ дѣлѣ, тутъ оказывается загадка: почему турецкій флотъ былъ предоставленъ бѣдственной участи, когда, повидимому, въ Константинополѣ, какъ Турки, такъ и Англичане, и Французы, считали его положеніе „опаснымъ“? Ужъ не потому ли, чтобы служить приманкою русскому флоту и подать поводъ къ рѣшительно непріязненнымъ относительно насъ дѣйствіямъ со стороны обѣихъ западныхъ державъ, озабоченныхъ сложеніемъ на Россію всего почина военныхъ дѣйствій?.. Выше уже была приведена депеша тюльерійскаго кабинета, съ циническою наглостью излагавшая цѣлую политическую програму, на-

правленную единственно къ тому, чтобы ввести въ заблужденіе „какъ кабинеты, такъ и общественное мнѣніе Европы". Повидимому, въ этомъ же была главная забота и самыхъ вліятельныхъ дѣятелей лондонскаго кабинета. Въ виду спекуляціи изъ-за портфеля, *виги* побуждали правительство къ мѣрамъ, хотя еще и не военнымъ, но кои *неизбѣжно должны были привести къ войнѣ. Принудить Россію объявить войну*—вотъ, въ чемъ состояла ихъ единственная цѣль. Понятно, что въ этомъ отношеніи Синопская *ловушка* могла показаться самымъ сподручнымъ способомъ вооружить противъ Россіи общественное мнѣніе Европы, разжалобить его къ Турціи, якобы беззащитной жертвѣ свирѣпости „Сѣвернаго Исполина". Дѣло было въ томъ, чтобы не утерять этого случая и, ловкимъ извращеніемъ истины, извлечь всевозможную пользу для предназначенной цѣли...

Въ этомъ-ли, или въ чемъ другомъ заключается ключъ загадки непостижимаго предоставленія Османъ-паши постигшей его страшной участи, но несомнѣнно, что изъ Синопской катастрофы было въ этомъ смыслѣ извлечено все, что только можно было извлечь.... Честь почина злокозненной затѣи принадлежала всецѣло англійской дипломатіи. Въ Парижѣ извѣстіе о Синопскомъ погромѣ вызвало сначала чувства, далеко не неблагопріятныя для Россіи. Вопреки всѣмъ усиліямъ правительства, отвращеніе къ войнѣ было тамъ такъ сильно, что это извѣстіе было привѣтствовано общею радостью, въ надеждѣ, что славнымъ подвигомъ русскаго оружія удовлетворится самолюбіе Россіи и укротится турецкій фанатизмъ. Самъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Друэнъ-де-Льюи, подъ вліяніемъ перваго побужденія, повидимому, озаботился единственно устраненіемъ отъ Франціи нравственной отвѣтственности за Синопскую исторію, находя, что ею заинтересована одна Англія со своимъ притязаніемъ, чтобы въ цѣ-

ломъ мірѣ „на морѣ не было сдѣлано ни одного выстрѣла безъ ея разрѣшенія". Дѣло въ томъ, что Франція вообще не охотно слѣдовала за Англіею на пути ею задуманной почти исключительно-морской войны противъ Россіи. При значительномъ превосходствѣ морскихъ силъ Англіи, французское правительство, очевидно, понимало, что на этой почвѣ ему всегда придется идти на буксирѣ своего исконнаго соперника. Надо отдать справедливость нашему тогдашнему представителю въ Парижѣ, графу Киселеву: онъ неустанно и съ большимъ искуствомъ старался эксплуатировать, въ смыслѣ отдѣленія Франціи отъ Англіи, эти благопріятные для Россіи признаки перваго впечатлѣнія, произведеннаго Синопскимъ событіемъ не только на общественное мнѣніе, но и на высшія правительственныя сферы Франціи. Онъ выставлялъ на видъ наши побѣды въ Азіи и ничтожество нашихъ силъ на Дунаѣ и доказывалъ, что для насъ весь интересъ войны сосредоточивается *въ Азіи и на морѣ* — двѣ почвы, коими затрогиваются *одни англійскіе*, а никакъ *не французскіе интересы*, чуждые Азіи *и тождественные съ русскими на морѣ*.

Нѣтъ сомнѣнія, что столь основательные доводы не остались бы безъ благопріятнаго для Россіи вліянія на всякое правительство, которому были бы близки къ сердцу интересы Франціи. Къ несчастію, Киселевъ имѣлъ дѣло съ правительствомъ, которое, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, руководилось не интересами страны, а единственно своими личными и династическими соображеніями. Всѣ колебанія Наполеона III немедленно прекратились, когда онъ увидѣлъ тотъ взрывъ негодованія, коимъ отозвалось въ Лондонѣ извѣстіе о Синопскомъ сраженіи, благодаря ловкому искаженію этого дѣла партіею войны, уже окончательно преобладавшею въ кабинетѣ. Гдѣ тутъ было задумываться Наполеону III передъ интересами Франціи, когда въ этомъ взрывѣ негодованія ему неожиданно представлялся самый

вѣрный случай окончательно упрочить союзъ съ Англіею, задуманный его династическою политикою?

Картина, которую представляло собою въ это время общественное мнѣніе Англіи, должна была польстить тайнымъ затѣямъ, внушеннымъ Наполеону желаніемъ отплатить Россіи за выражаемое ему недовѣріе и пренебреженіе. Синопскій бой разомъ сорвалъ съ глазъ англійскаго народа непроницаемую завѣсу лжи, такъ тщательно скрывавшую отъ него истину на счетъ русскаго и турецкаго флотовъ. „Гдѣ же эти трепещущіе жиды, эти пародіи на матросовъ, изъ коихъ, какъ увѣряли насъ, состоятъ экипажи русскихъ кораблей?“ восклицали нѣкоторыя газеты; „какъ бы ни смотрѣли на обстоятельства публицисты — присовокупляли болѣе честные спеціальные органы англійскаго флота — мы, моряки, не можемъ не относиться безъ уваженія о невѣдомомъ для насъ флотѣ, который смѣло борется съ бурями въ теченіи мѣсяца, даетъ сраженіе тотчасъ послѣ жестокаго вѣтра, уничтожаетъ противника и съ торжествомъ благополучно возвращается въ портъ, несмотря на поврежденія“... Злоба и зависть скоро заглушили это удивленіе къ подвигамъ русскихъ моряковъ со стороны ихъ англійскихъ собратовъ по оружію. Всѣ надежды Англіи на стоившій ей столько денежныхъ затратъ турецкій флотъ — были разрушены. Всѣ затраты — оказались безплодными. Вскорѣ самая гнусная клевета получила мѣсто въ англійскихъ газетахъ. Онѣ не посовѣстились распространить басню, будто, для обезпеченія успѣха нападенія „врасплохъ“ на турецкій флотъ, Нахимовъ поднялъ на всѣхъ корабляхъ своей эскадры *англійскіе флаги* (!) и только этому былъ обязанъ успѣхомъ своего „вѣроломнаго“ предпріятія; число судовъ и орудій русскаго флота было болѣе, чѣмъ удвоено въ реляціяхъ англійскихъ газетъ о Синопѣ, дабы доказать читателямъ, что побѣда была *безславна* для самаго побѣдителя; мало того: Англичанамъ удалось положительно завѣрить публику, будто Османъ-паша не счелъ нужнымъ даже

изготовиться къ бою, при видѣ русскаго флота, и встрѣтилъ его съ полнымъ довѣріемъ, такъ какъ онъ полагался на *обязательство* не производить никакого нападенія на оттоманское побережье и оттоманскій флотъ, принятые подъ покровительство Великобританіи! Вообще, о Синопскомъ сраженіи почти вся англійская печать отозвалась, какъ о разбойничьемъ набѣгѣ Нахимова.... Именно характеръ такого набѣга, какъ извѣстно, имѣло ночное нападеніе Турокъ на постъ св. Николая, безъ сообщенія русскимъ пограничнымъ властямъ, что Турція объявила войну Россіи. Но это нападеніе прославлялось въ Англіи—безсмертною для Турокъ побѣдою, а Синопское сраженіе—позорнымъ для Россіи разбоемъ. Чтобы окончательно извратить историческія роли, въ Англіи проходили молчаніемъ страшныя звѣрства Турокъ въ постѣ св. Николая и выдумали всевозможныя басни о безпримѣрной жестокости, будто бы оказанной русскими моряками въ Синопѣ надъ турецкимъ флотомъ и надъ беззащитнымъ городомъ, разрушеннымъ и сожженнымъ, какъ извѣстно, не Нахимовымъ, а вслѣдствіе взрывовъ турецкихъ судовъ и ошибки Османъ-паши, расположившаго свою эскадру предъ самымъ городомъ. Позорная оргія лжи дошла даже до того, что многія англійскія и французскія газеты серьезно увѣряли, будто русскій морской офицеръ, овладѣвъ турецкимъ фрегатомъ, дорубилъ оставшагося послѣдняго Турка, *отрѣзалъ и съѣлъ кусокъ его мяса*, за что и получилъ въ награду отъ Императора орденъ св. Георгія!. Систематическое распространеніе всевозможной клеветы противъ Россіи и ея геройскаго флота не ограничилось одною печатью. Ей послужила запальчивымъ и беззастѣнчивымъ органомъ и британская парламентская трибуна.

Со всѣхъ сторонъ обойденное, ослѣпленное и увлеченное этимъ неудержимымъ вихремъ клеветы и лжи, общественное мнѣніе Англіи стало взирать на всякаго, какъ на измѣнника,

кто осмѣливался выказывать хотя бы только требуемую приличіемъ сдержанность и умѣренность относительно Россіи. На лондонскихъ улицахъ разыгралось нѣсколько неистовыхъ манифестацій, доказавшихъ совершенную разнузданность народныхъ страстей. Даже принцъ Альбертъ, никогда непровинившійся пристрастіемъ къ Россіи, подвергся оскорбленіямъ уличной толпы за его небывалую пріязнь къ намъ! Предчувствуя грозу, Пальмерстонъ поспѣшилъ выйдти изъ кабинета, наслѣдство коего онъ вскорѣ затѣмъ принялъ всецѣло, въ награду за свои предшествовавшія дѣянія, а несчастный добрякъ лордъ Абердинъ, въ отчаяніи, обратился къ нашему послу съ восклицаніями: „меня обвиняютъ въ малодушіи, въ измѣнѣ отечеству. Не смѣю болѣе показываться на улицѣ...“

Вскорѣ затѣмъ состоялся давно подготовляемый министерскій кризисъ, для устраненія коего мы дѣлали столько уступокъ настояніямъ нашего единственнаго приверженца во всемъ кабинетѣ, лорда Абердина. Въ немъ болѣе не нуждалась партія войны, уже давно преобладавшая подъ сѣнію его миролюбія. Комедія оффиціальной дружбы къ Россіи была съиграна. Чтобы кончить ее, оставалось только спустить занавѣсъ. И этимъ занавѣсомъ вдругъ оказалась—кровавая картина Синопа!.. И вотъ, словно по свистку невидимаго машиниста, какъ въ 1878-мъ году лордъ Дерби, такъ и въ 1853-мъ году лордъ Абердинъ—были брошены за кулисы, какъ изношенныя и уже безполезныя личины маскарада миролюбія, а на мѣсто ихъ выступила во всеоружіи военная партія— въ 1878 г. въ лицѣ лорда Биконсфильда, а въ 1853-мъ въ лицѣ лорда Пальмерстона. Несмотря на призрачную власть обоихъ миролюбивыхъ министровъ, оказалось, что именно у ихъ противниковъ находились въ распоряженіи такіе искусные и коварные дѣятели, какъ Редклифъ, полковникъ Розе и Сеймуръ, въ сопровожденіи цѣлой ватаги отлично вышколенныхъ заграничныхъ агентовъ.

Когда разсѣялся туманъ миролюбивой мистификаціи и пробилъ часъ кровавой расправы, когда рѣчь была уже не за перомъ, а за пушкою,—Россія стояла почти безоружная предъ выступившими во всеоружіи врагами, повидимому, вынужденная принять на себя передъ общественнымъ мнѣніемъ Европы весь *odium* почина войны!..

Бурею, поднятою въ Англіи Синопскимъ исходомъ, ясно обозначились истинныя побужденія ея враждебности, истинныя цѣли борьбы съ Россіею—борьбы, давно подготовляемой лондонскимъ кабинетомъ. Эти побужденія, эти цѣли имѣли въ своемъ основаніи притязаніе *на всемірное господство надъ морями, особенно надъ Средиземнымъ;* Черноморскій же флотъ былъ приговоренъ къ смерти единственно потому, что Великобританія увидѣла въ немъ зачатокъ грознаго препятствія своему притязанію. Наполеонъ схватился за этотъ случай, чтобы сплотить судьбы Франціи съ Англіею. Въ этомъ смыслѣ приказано было высказаться не только дипломатіи, но и печати: Англійскія клеветы на Россію, на ея флотъ были воспроизведены во Франціи со свойственными Французамъ преувеличеніями; на столбцахъ парижскихъ газетъ Русскіе оказались свирѣпыми дикарями, а Турки—носителями европейской культуры, представителями интересовъ Европы, безвинно страждущими героями-мучениками... „Предъ Синопомъ — говоритъ заказной пѣвецъ Наполеона III, г. Базанкуръ—Турки сражались не для одержанія побѣды,—подобная надежда ни на минуту не входила въ ихъ расчетъ,—они сражались лишь, *чтобы пасть со славою и дать Европѣ новый залогъ своего патріотизма!*" И самъ Наполеонъ III не отставалъ въ этомъ отношеніи отъ своихъ агентовъ. „Быть въ Константинополѣ — провозгласилъ онъ въ тронной рѣчи въ 1854-мъ году—„это значитъ господствовать надъ Средиземнымъ моремъ",—какъ будто это господство было опаснѣе для Франціи въ рукахъ Россіи, чѣмъ въ рукахъ уже за-

владѣвшей имъ Англіи,—„мы идемъ въ Константинополь, *чтобы защищать права христіанъ* (!!), *свободу морей* (!!) и *наше* справедливое вліяніе на Средиземномъ морѣ“,—какъ будто этому вліянію Англія, съ ея Мальтою и Гибралтаромъ, съ ея громаднымъ флотомъ, не грозила гораздо бо́льшими опасностями, чѣмъ отдаленная Россія, по незначительности морскаго побережья и морской торговли лишенная самыхъ существенныхъ основъ преобладающаго господства надъ морями! Характеристичнымъ образчикомъ наглаго извращенія фактовъ и беззастѣнчивости софизмовъ, приправленныхъ французскимъ патріотическимъ паѳосомъ, служитъ собственноручное письмо Наполеона III къ Императору Николаю Павловичу, которое, вопреки всѣмъ правиламъ международнаго приличія, было обнародовано немедленно по отправленіи. Рѣзкимъ контрастомъ съ этимъ, назначеннымъ *для французской публики*, памятникомъ недобросовѣстности Наполеона III является *не обнародованное въ то время во Франціи* отвѣтное письмо Николая Павловича. Со свойственнымъ Державному Автору этого письма патріотическимъ достоинствомъ и душевною прямотою, благородствомъ и силою выраженій, оно разоблачаетъ всю лживость доводовъ Наполеона *). По поводу притязанія Франціи, при своемъ „нейтралитетѣ“, быть „вооруженнымъ пособникомъ“ враговъ Россіи,—Императоръ Николай Павловичъ пишетъ: „тогда было-бы гораздо *прямѣе* и *достойнѣе Васъ* предварить Меня о томъ откровенно, *объявивъ Мнѣ войну. Тогда каждый зналъ бы—что́ ему дѣлать*“. Въ самомъ дѣлѣ, своевременное разоблаченіе истинныхъ видовъ западныхъ державъ было лучше для Россіи, чѣмъ его отсроченіе до кануна объявленія войны и начала военныхъ дѣйствій, то есть до весны. И кому же, какъ не Синопу, обязана этимъ Россія?..

---

*) См. *Приложенія*.

Немедленнымъ признакомъ рѣшимости Наполеона III на войну была мобилизація 90-та тысячной арміи и вооруженіе флота. Рѣшено немедленное вступленіе союзныхъ флотовъ въ Черное море. 24-го ноября (4-го декабря), отправлены въ Синопъ два парохода. 13-го (25-го) декабря, флоты получили приказаніе выступить въ Черное море, но приказаніе исполнено только 22-го декабря (3-го января). Въ тотъ же день англійскій военный пароходъ *Retribution* отправился въ Севастополь съ письмомъ отъ адмираловъ, предупреждавшимъ „губернатора и адмирала", что движеніе эскадры предпринято съ цѣлью „защитить противъ всякаго враждебнаго дѣйствія оттоманскіе территорію и флагъ" и выражавшимъ увѣренность, что и со стороны Русскихъ тоже будутъ „приняты мѣры къ предупрежденію всякаго событія, могущаго подвергнуть опасности *существующій миръ*" (!!). Одновременно съ этимъ, выступавшимъ эскадрамъ послана телеграмма: „Всякое турецкое судно должно быть защищено нами въ Черномъ морѣ во всякомъ случаѣ и противъ всякаго враждебнаго дѣйствія".

И это называлось — „существующимъ миромъ"!

Да! Этимъ вопіющимъ фактомъ не только не былъ немедленно нарушенъ „существующій миръ", но и не былъ закрытъ доступъ къ дипломатическимъ переговорамъ. На сей разъ оскорбленное русское правительство уступило единственно настояніямъ Австріи. *Личныя* завѣренія императора Франца-Іосифа, повидимому, давали нашему правительству полное основаніе отнестись къ нимъ съ довѣріемъ. Немедленно послѣ выѣзда князя Меншикова изъ Константинополя, вѣнскій кабинетъ, въ виду готовившейся грозы, поручилъ своему представителю въ Петербургѣ: дать нашему кабинету „формальное завѣреніе", что, въ случаѣ войны и паденія Оттоманской имперіи, „Австрія не отдѣлится отъ Россіи и приметъ всѣ послѣдствія этой солидарности съ нею". По словамъ нашего

*

представителя въ Вѣнѣ, „австрійскіе генералы не понимали возможности изолированнаго дѣйствія Россіи противъ Турокъ безъ славнаго братства Австріи“. Однако термометръ чувствъ „славнаго братства“ Австріи къ Россіи оставался на этой высотѣ недолго. Вскорѣ канулъ въ воду вопросъ о совокупномъ дѣйствіи. Но дружба продолжалась. Нашему повѣренному въ дѣлахъ было формально заявлено графомъ Буолемъ, что если между Россіею и Турціею вспыхнетъ война, то Австрія, хотя и лишенная возможности оказать намъ матеріальную помощь, будетъ держаться нейтралитета и выжидательнаго положенія — *„нейтралитета вполнѣ благосклоннаго Россіи“*. Даже по прибытіи барона Мейндорфа, императоръ Францъ-Іосифъ далъ ему торжественное завѣреніе: *„ничто* не заставитъ его выйдти *изъ благосклоннаго Россіи нейтралитета“*.

Наконецъ, по поводу *Вѣнской ноты*, нашъ посолъ, баронъ Мейндорфъ, заявилъ императору Францу-Іосифу, что если Россія согласилась передать свое дѣло на обсужденіе конференціи, то единственно вслѣдствіе твердаго убѣжденія, что *„никогда Австрія не вступитъ противъ насъ въ союзъ съ западными державами“*.

— *„Конечно, никогда!“*, отвѣтилъ ему императоръ.

Сколько разностороннихъ торжественныхъ завѣреній дружбы и преданности! И къ чему онѣ повели?...

Изъ Вѣны въ Петербургъ понеслись горячія поздравленія съ Синопскою побѣдою и предложенія новаго протокола, опять-таки во имя великаго принципа „консервативныхъ интересовъ“: своимъ нейтралитетомъ Австрія оказывала-де намъ большую услугу, обѣщая сосредоточить всѣ силы, чтобы *оградить насъ отъ революціи...* Вскорѣ, однако, до нашего кабинета дошли вѣрныя свѣдѣнія о томъ, что въ Вѣнѣ уже принимались „чрезвычайно-тайныя мѣры“, чтобы выставить къ веснѣ на восточную

границу Австріи обсерваціонный корпусъ и, вообще, чтобы держаться уже не *„благосклоннаго* Россіи", а напротивъ *„вооруженнаго"*, противъ насъ, нейтралитета"!

„Благосклонный" нейтралитетъ вскорѣ былъ сведенъ на то, что, занимая въ тылу нашей арміи Дунайскія Княжества, Австрія принудила насъ поспѣшно оставить ихъ и отказаться даже отъ взятія Силистріи.

Таковы были тогда для Россіи результаты ея „славнаго военнаго братства" съ Австріею. Что же касается торжественнаго *„конечно,—никогда"*! самого императора Франца-Іосифа, то въ 1856-мъ году оно отозвалось Россіи грознымъ ультиматумомъ Австріи, окончательно принудившимъ насъ сдаться требованіямъ западныхъ враговъ...

Для рыцарскаго характера Николая Павловича царское слово, взаимное личное довѣріе государей были самыми прочными залогами пріязненныхъ отношеній между ихъ государствами. Этотъ благородный взглядъ былъ полною буквою выясненъ покойнымъ государемъ, въ концѣ 1853-го года, въ собственноручномъ письмѣ къ королевѣ Викторіи, выразившей въ своемъ отвѣтѣ, что, какое бы ни было довѣріе къ личному характеру Государя, но этого довѣрія *недостаточно, когда имѣется въ виду связать будущность страны трактатомъ.*

Дѣйствуя въ концѣ 1853-го года, конечно, болѣе въ интересахъ западныхъ державъ, чѣмъ въ интересахъ Россіи, Австрія продолжала предлагать всевозможныя конференціи, то вчетверомъ, т. е. безъ участія воюющихъ, то вшестеромъ, т. е. съ ихъ участіемъ.

Со времени предъявленія въ Севастополѣ пароходомъ *Retribution* извѣстнаго ультиматума адмираловъ Дундаса и Гамелэна, оставалось мало надежды на примирительный исходъ. На этомъ пароходѣ находились и французскіе офицеры съ порученіемъ высмотрѣть и изучить средства обороны Севастополя. При непро-

пицаемомъ туманѣ, *Retribution* прошелъ, незамѣченный нами, до входа въ гавань... Французы и Англичане чрезвычайно гордились успѣхомъ этого предпріятія, такъ какъ, пользуясь нѣсколькими часами ожиданія росписки въ полученіи депешъ, французскій офицеръ успѣлъ сдѣлать довольно подробное описаніе Севастопольскихъ укрѣпленій, высчитать число оборонявшихъ ихъ орудій и пришелъ къ заключенію: что, со стороны моря, Севастополемъ овладѣть невозможно, что корабль, которому удалось бы прорваться въ корабельную бухту, былъ бы немедленно истребленъ, но что овладѣть Севастополемъ „не трудно“, если дѣйствіе союзныхъ флотовъ будетъ поддерживать сильный десантный корпусъ.

Какъ извѣстно, свѣдѣнія эти послужили, въ послѣдствіи, основаніемъ плана атаки Севастополя. Атака эта продолжалась слишкомъ 11 мѣсяцевъ. Между тѣмъ, по свидѣтельству многихъ нашихъ моряковъ, еслибы *Retribution* не сдѣлалъ рекогносцировки, дѣло могло бы принять для насъ несравненно худшій оборотъ. Показавшіеся французскому офицеру столь грозными верки Сѣвернаго укрѣпленія, въ сущности, были *самою слабою частью нашей позиціи.* Они были вмѣстѣ съ тѣмъ, и *ключемъ позиціи*, такъ какъ, овладѣвъ ими, непріятель отрѣзалъ бы отступленіе русскимъ войскамъ, занимавшимъ Южную сторону города. Союзники упустили случай взять Севастополь, пишетъ въ своей исторіи М. И. Богдановичъ, „послѣ сраженія при Альмѣ, когда они должны были штурмовать слабое Сѣверное укрѣпленіе“. Но атака южной половины, вмѣсто сѣверной, была рѣшена, именно вслѣдствіе донесенія *высмотрѣвшаго*, но *недосмотрѣвшаго* русскую позицію французскаго офицера. Итакъ, союзники напрасно кичатся успѣхомъ предпріятія *Retribution*: доставленныя свѣдѣнія только сбили ихъ съ толку, ввели въ обманъ, а русскимъ оказали услугу.

Заявленіе, переданное въ Севастополь фрегатомъ *Retribution*,

было послѣдствіемъ протеста англійскаго кабинета противъ Синопскаго событія. Союзной эскадрѣ приказано вступить въ Черное море; судамъ нашего флота *вовсе воспрещалось плаваніе по Черному морю:* въ случаѣ встрѣчи съ ними, англо-французскія суда должны были потребовать немедленнаго возвращенія въ ближайшую нашу гавань; въ случаѣ же сопротивленія—принудить силою...

Несмотря на возмутительный характеръ притязаній западныхъ державъ, императорское правительство изъявило готовность согласиться съ ними, но съ условіемъ, чтобы тѣ же ограниченія правъ воюющаго были наложены и на турецкій флотъ. Дипломатическія препирательства по этому вопросу были завершены тождественною нотою, въ видѣ ультиматума, которою представители Россіи, Киселевъ, въ Парижѣ, и Бруновъ, въ Лондонѣ, формально заявили, что если наложенный на русскій флотъ запретъ не будетъ распространенъ также и на турецкій, то они прервутъ дипломатическія сношенія и оставятъ дворы, при коихъ они акредитованы. Обѣ ноты были представлены 23-го января (4-го февраля) 1854-го года. Но событія уже созрѣли. Случай былъ слишкомъ хорошъ, чтобы давно домогавшіеся *благовиднаго предлога* для разрыва западные кабинеты не поспѣшили воспользоваться имъ для прекращенія дипломатическаго пустословія, со времени Синопскаго дѣла ставшаго для нихъ безполезнымъ. Вслѣдствіе предъявленія ультиматума представителей Россіи, парижскій кабинетъ нотою отъ 25-го января (6-го февраля), а лондонскій — нотою отъ 26-го января (7-го февраля) ограничились, въ короткихъ словахъ, отозваніемъ своихъ пословъ изъ Петербурга.

Разрывъ совершился. Русскіе послы оставили Парижъ и Лондонъ...

Таковы факты. Для политики Албіона казалось необходимымъ: либо фактическое доказательство, что созданный въ Се-

вастополѣ русскій флотъ никуда не годенъ, въ сравненіи съ турецкимъ, либо истребленіе Севастополя съ дорогимъ ему флотомъ. Синопскій исходъ разрушилъ всѣ надежды на негодность Черноморскаго флота. Съ тѣхъ поръ, отношенія Англіи къ Россіи резюмировались между прочимъ слѣдующими словами брата Севастопольскаго героя, В. И. Истомина: „Англичане неутѣшны существованіемъ *образцоваго* Севастополя; отъ злости они стали до того откровенны, что и въ парламентѣ говорятъ, и во всѣхъ газетахъ пишутъ, что еслибы *не Севастополь и его флотъ, то этой войны никогда бы не было!..*“

. . . .

Вотъ рядъ дипломатическихъ и военныхъ дѣяній, предшествовавшихъ объявленію войны съ западными державами.

Сравнивая событія 1853-го года съ явленіями 1877-го года, мы обращаемъ вниманіе на знаменательное различіе между ними. Въ 1853-мъ году Великобританія *дѣйствительно готовилась* къ давно задуманной ею войнѣ, но подготовленія производились въ глубокой тайнѣ. На запросы о нихъ, лондонскій кабинетъ упорно отвѣчалъ отрицаніями. Тонъ его рѣчи былъ примирительный, миролюбивый. Въ 1877-мъ и 1878-мъ годахъ, напротивъ, о малѣйшихъ вооруженіяхъ своихъ лондонскій кабинетъ неустанно трубилъ на весь міръ, сообщалъ во всѣ газеты; о привозѣ изъ Индіи ничтожной и числомъ, и техническими, и нравственными силами горсти, *всего 7000* человѣкъ, *туземныхъ войскъ* — лондонскій кабинетъ прогремѣлъ какъ о событіи, якобы грозномъ для всего міра. Тонъ его рѣчи, относительно Россіи, былъ надменный, вызывающій. Во всемъ сказывалась одна цѣль — *напугать Россію.*

Повторяемъ, въ 1853-мъ году Великобританія избѣгала всего, что̀ *могло бы преждевременно испугать Россію*, такъ какъ она *дѣйствительно добивалась войны* и готовилась къ ней. Что̀ же можно заключить о ея намѣреніяхъ въ 1878-мъ году?..

. . . .

На разсвѣтѣ 22-го декабря (3-го января) 1854-го года, англо-французскій флотъ, въ числѣ 15-ти линейныхъ кораблей парусныхъ, 3-хъ линейныхъ кораблей, 19-ти фрегатовъ и корветовъ и многихъ авизо паровыхъ, въ полномъ боевомъ порядкѣ, въ двухъ линіяхъ, вступилъ въ Босфоръ, направляясь сперва къ Синопу! Несмотря на значительное превосходство непріятельскихъ силъ, наши герои-моряки рвались въ открытый бой съ врагомъ. Но война не была еще объявлена: надо было держать весь флотъ въ сборѣ. Какъ только представился случай съ *дѣйствительною пользою* подвергнуть нашъ Черноморскій флотъ опасности столкновенія съ *неизмѣримо* сильнымъ непріятелемъ (огромное число *паровыхъ* линейныхъ кораблей и фрегатовъ обезпечивало союзному флоту надъ нашимъ, почти исключительно *парусным*, перевѣсъ матеріальныхъ силъ).—Высочайшее повелѣніе принесло нашимъ Черноморцамъ радостное разрѣшеніе выйдти въ море.

Вотъ какой набѣжалъ случай. Положеніе незначительныхъ гарнизоновъ въ мелкихъ укрѣпленіяхъ нашей Черноморской береговой линіи становилось со дня на день болѣе отчаяннымъ. Лишенные сухопутныхъ сообщеній и путей отступленія, владѣя вокругъ себя пространствомъ только на пушечный выстрѣлъ, снабженные самымъ ограниченнымъ количествомъ боевыхъ припасовъ и провіанта, — эти команды, въ случаѣ прекращенія крейсерства нашихъ военныхъ судовъ по кавказскому прибрежью, могли сдѣлаться жертвою не только англо-французской эскадры, но даже и одного турецкаго флота. Въ январѣ 1854-го года, прибылъ въ Севастополь начальникъ береговой линіи, вице-адмиралъ Серебряковъ, съ докладомъ князю Меншикову о необходимости снять эти гарнизоны. Князь почти согласился съ этимъ предположеніемъ, но опасаясь, что ожидаемое объявленіе войны застанетъ нашъ флотъ разбросаннымъ по Черному морю, онъ сказалъ, что не назначитъ для этого дѣла

ни одного судна, кромѣ состоявшихъ подъ командою Серебрякова; съ своей стороны, намѣстникъ кавказскій, князь Воронцовъ, раздѣляя мнѣніе о необходимости предлагаемой мѣры, находилъ, что всѣ распоряженія по исполненію ея должны быть „чужды управленію кавказскаго края". А дорогое время уходило... Собственноручное письмо Государя Императора положило конецъ безплоднымъ колебаніямъ. Три парохода, подъ флагомъ контръ-адмирала Панфилова, соединившись въ Новороссійскѣ съ эскадрою контръ-адмирала Вукотича, немедленно занялись снятіемъ гарнизоновъ. Несмотря на неумолкавшія бури, эскадра, въ составѣ семи пароходовъ, буксировавшихъ пять транспортовъ, приступила къ исполненію опасной задачи, оставляя суда у каждаго укрѣпленія для пріема командъ. Подходя къ Навагинскому укрѣпленію, эскадра замѣтила два парохода, одинъ французскій, другой англійскій и, прекративъ нагрузку, немедленно изготовилась къ бою. Осторожный непріятель быстро прошелъ мимо... На высотѣ Вельяминовскаго укрѣпленія, эти пароходы остановили транспортъ *Бзыбь*, и, узнавъ о причинѣ замѣченныхъ ими взрывовъ укрѣпленій, удалились, изъ опасенія привлечь на себя всѣ силы русскаго флота, о которомъ имъ было сказано, что онъ *„въ морѣ и близко"*. Къ 5-му марта были высажены въ Новороссійскѣ всѣ гарнизоны, кромѣ команды укрѣпленія Гагры. Свирѣпствовавшія бури, при чрезвычайно опасномъ расположеніи берега, затруднили освобожденіе солдатъ... Между тѣмъ, была уже объявлена война и разрознивать флотъ нашъ, въ виду громадныхъ непріятельскихъ силъ въ Черномъ морѣ, было безусловно невозможно. Гарнизонъ Гагры казался обреченнымъ на гибель... Его спасъ 14-го апрѣля неустрашимый керченскій Грекъ Фотья, съ тремя стами своихъ соотечественниковъ. Вотъ истинные первоначальники русскаго добровольнаго флота на Черномъ морѣ!..

Такимъ образомъ нашъ Черноморскій флотъ, вмѣстѣ съ

импровизованными керченскими *добровольцами*, успѣлъ оказать Россіи огромную услугу, исхитивъ почти изъ рукъ непріятелей около 5,000 нашихъ солдатъ и значительный артиллерійскій матеріалъ,— оставивъ только груды развалинъ нашихъ укрѣпленій по Черноморской береговой линіи.

Весною война была объявлена. Къ западной армадѣ, вступившей въ Черное море въ декабрѣ 1853-го года, присоединились океанская эскадра Франціи и многочисленныя паровыя военныя суда Англіи съ десантомъ. Ихъ операціонными базами были Варна и Босфоръ. Черноморскій флотъ не бездѣйствовалъ. Г. И. Бутаковъ, на *Владимірѣ*, неразъ,—но особенно 18-го апрѣля,—въ виду грозныхъ непріятельскихъ силъ блистательно совершалъ отважныя рекогносцировки; капитанъ-лейтенантъ А. А. Поповъ (нынѣ генералъ-адъютантъ и вице-адмиралъ), на пароходахъ *Эльборусъ* и *Тамань*, неразъ крейсировалъ у самаго Босфора и у береговъ Малой Азіи. Черноморскіе моряки съ нетерпѣніемъ ждали боя въ открытомъ морѣ. Но увы! Отсутствіе достаточнаго числа паровыхъ военныхъ судовъ, при чрезвычайной осторожности непріятеля, препятствовали исполненію пламенныхъ надеждъ нашихъ Черноморцевъ!...

Главныя заслуги героевъ-Черноморцевъ были однако впереди. Высаженные на берегъ, они представили собою массу воиновъ, проникнутыхъ святостью долга и великою любовью къ своему дѣлу. Постоянныя крейсерства по суровому Черному морю, неустанная борьба съ бурными стихіями, по безпріютному кавказскому побережью, образовали изъ Черноморцевъ-моряковъ, безстрашно встрѣчающихъ смерть, съ твердостью ввѣряя Провидѣнію всѣ заботы о жизни... 8-го (20-го) февраля 1854-го года, французскому пароходу-фрегату *Вобанъ* пришлось выдержать одинъ изъ черноморскихъ зимнихъ штормовъ. Выросшій въ океанскихъ плаваніяхъ, опытный командиръ *Вобана* сравнивалъ мятель съ африканскимъ „симумомъ, съ тою разницею, что снѣгъ замѣщалъ

песокъ пустыни“; „невозможно,“ доносилъ онъ, „вообразить себѣ болѣе бѣшеную и непреодолимую атаку стихій... всякая волна громила фрегатъ съ никогда невидѣнными мною стремительностью и силою“, и несмотря на то, что онъ располагалъ одною изъ самыхъ лучшихъ паровыхъ машинъ всего флота,—онъ долженъ былъ сознаться, что послѣ 34-хъ часовъ разнузданности стихій „дальнѣйшая борьба *грозила стать невозможною*“. А нашъ Черноморскій флотъ каждую зиму боролся съ этими бурями, не владѣя для этой борьбы иными средствами, какъ парусами — часто даже оледенѣлыми, какъ и всѣ снасти!... Эти моряки, превратившіеся въ сухопутныхъ солдатъ для защиты роднаго гнѣзда, имѣли и другія драгоцѣнныя техническія достоинства. Всѣ они были отличные артиллеристы, всѣ они сроднились съ пушкою, и орудія, коими они управляли, были имъ давно знакомы, были ихъ постоянные спутники и сослуживцы, вмѣстѣ съ ними высаженные съ кораблей. Понятно, что, при этихъ условіяхъ, моряки сдѣлались душою безсмертной обороны Севастополя: если онъ далъ міру примѣръ несокрушимой стойкости русскаго войска, то этою заслугою Россія болѣе всего обязана Черноморскому флоту, — герою-мученику своего долга, съ неувядаемою славою павшему вмѣстѣ съ защищаемою имъ твердынею! И всѣ его учителя и начальники, безсмертные Нахимовы, Корниловы, Новосильскіе, Истомины, Панфиловы, — эти истинные типы христіанскаго смиренія, простоты и обаятельной скромности — несмотря на безсонныя ночи и матеріальныя лишенія, несмотря на постоянное сверхчеловѣчное напряженіе духовныхъ и матеріальныхъ силъ впродолженіи одиннадцати мѣсяцевъ, — укрѣпились тѣмъ геройскимъ духомъ, коему Россія обязана одною изъ самыхъ блестящихъ страницъ военной исторіи!

Тяжело было героямъ Синопа и Наварина разстаться съ морскою дѣятельностью для исполненія сухопутной службы; еще

мучительнѣе было имъ пускать ко дну эти грозныя громады, замѣнявшія для нихъ родной очагъ, эти достославные корабли, для чести и славы коихъ каждый изъ нихъ всегда былъ готовъ жертвовать собою... Суда Черноморскаго флота осуждены были на потопленіе у входа на рейдъ, чтобы служить преградою врывающемуся непріятельскому флоту, — послѣдняя услуга, которую требовала отъ нихъ Россія. Весь флотъ взиралъ на эту мѣру, какъ на „самоубійство". И всего больнѣе была для нашихъ моряковъ необходимость этого „самоубійства" не помѣрившись съ новыми врагами, не доказавъ имъ, что герои Синопа съумѣютъ заслужить вѣчную славу въ борьбѣ не съ одними Турками, но и съ первыми моряками міра, съ пресловутыми „властелинами морей"! Начальникъ штаба Черноморскаго флота В. А. Корниловъ доказывалъ князю Меншикову выгоды принятія боя почти подъ самымъ огнемъ нашихъ укрѣпленій; онъ представлялъ ему: что, благодаря этому огню, даже въ случаѣ пораженія, русскому флоту всегда можно будетъ во время укрыться отъ непріятеля въ Севастополь; что служить подводною преградою разстрѣлянныя суда также годны, какъ и цѣлыя. На эти доводы, князь Меншиковъ возражалъ: что, за недостаткомъ пароходовъ, вслучаѣ внезапнаго штиля, нашъ флотъ, даже и подъ огнемъ крѣпостныхъ верковъ, могъ подвергнуться совершенному истребленію; что защита Севастополя не можетъ обойтись безъ образцоваго войска, находящагося на судахъ, и что для этого необходимо беречь жизнь каждаго матроса; что, въ случаѣ одновременнаго нападенія на Севастополь съ моря и съ сухаго пути, оборона не можетъ обойтись и безъ судовой артиллеріи, для выгрузки которой необходимо много времени и трудовъ. Историческій споръ кончился тѣмъ, что князь Меншиковъ предложилъ Корнилову: если онъ не хочетъ исполнить требованіе начальника,—сдать команду другому.

—„Это самоубійство“, отвѣчалъ Корниловъ „но въ такую минуту я не оставлю Севастополя. Я повинуюсь...“

И славные корабли, коихъ одинъ видъ наводилъ ужасъ на турокъ,—были потоплены. Многіе изъ кораблей долго не покорялись ужасному приговору. Особенно упорно держался на водѣ усердный дѣятель Синопа, 120-ти пушечный корабль *Три Святителя*. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ въ подводную часть великана положили конецъ этой борьбѣ, на которую наши закаленные въ бояхъ моряки взирали со слезами на глазахъ,—почти съ ужасомъ!.. Не святые ли угодники осѣняли его своимъ покровительствомъ—мыслили, крестясь, многіе матросы?

Свершилась искупительная жертва!

Назначенный начальникомъ обороны Южной части Севастополя, герой Синопа Нахимовъ объявилъ Меншикову, что, не признавая себя хорошимъ сухопутнымъ генераломъ, онъ съ радостью подчинится и младшему въ чинѣ лишь бы командованіе находилось въ болѣе достойныхъ рукахъ. По счастію, эта просьба не была уважена... Началась величавая эпопея обороны Севастополя. 4-го октября войскамъ прочитанъ Высочайшій рескриптъ на имя князя Меншикова:

„Благодарю всѣхъ за усердіе; скажи Нашимъ молодцамъ морякамъ, что Я на нихъ надѣюсь на сушѣ, какъ на морѣ. Никому не унывать, надѣяться на милосердіе Божіе; помнить, что мы Русскіе, защищаемъ родимый край и Вѣру нашу, и предаться съ покорностью волѣ Божіей! Да хранитъ тебя и васъ всѣхъ Господь; молитвы Мои за васъ и Наше правое дѣло; душа Моя и всѣ мысли съ вами“.

На другой день началось первое бомбардированіе. Въ продолженіи шести часовъ *одинъ* союзный флотъ дѣлалъ *слишкомъ четыреста выстрѣловъ въ минуту* и отступилъ со значительными поврежденіями. Въ этотъ день палъ геройскою смертію незабвенный Корниловъ. За Корниловымъ — и

славный командиръ *Парижа*, Наваринскій гардемаринъ Истоминъ сложилъ свою голову за отчизну...

Съ оберегателями морскаго гнѣзда еще долго оставался невредимымъ благодушный, непоколебимый, всѣми обожаемый, звѣзда-хранительница Севастополя, Синопецъ и Наваринецъ— безстрашный Нахимовъ. Тихій и радушный, всегда внимательный ко всѣмъ нуждамъ своихъ подчиненныхъ, безъ хвастовства и чванства всегда служившій примѣромъ неустрашимости, постоянно въ *сюртукѣ* и *въ эполетахъ*, когда всѣ офицеры, кромѣ Истомина, носили солдатскія шинели *); зорко слѣдя за непріятелемъ, стоя совершенно открыто надъ брустверомъ,— Нахимовъ былъ отцемъ матросовъ, душою обороны Севастополя. Не менѣе матросовъ сроднились съ нимъ и сухопутные солдаты **). „Павелъ Степановичъ", писалъ очевидецъ, „такъ часто и явно былъ хранимъ Промысломъ, что всѣ невольно привыкли считать жизнь его завѣтною, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока самъ Севастополь не погребетъ его въ своихъ развалинахъ".

—„*Какъ ѣдешь на бастіонъ, такъ веселѣе дышешь*", смѣясь поговаривалъ адмиралъ въ этой атмосферѣ огня, крови и смерти.

*) Эта форма была тогда установлена въ виду страшной убыли офицеровъ отъ огня винтовокъ *Миньэ*. Что касается Нахимова, то, въ продолженіи безъ малаго *десяти мѣсяцевъ* службы на бастіонахъ, онъ *ни разу не разставался съ сюртукомъ и эполетами даже и ночью.* Встрѣтившись однажды съ Нахимовымъ, князь Горчаковъ замѣтилъ ему, зачѣмъ онъ не снимаетъ эполетъ. На это Павелъ Степановичъ отвѣтилъ: „Если бы ваше сіятельство замѣтили мнѣ это при началѣ обороны, я, конечно, исполнилъ бы ваше желаніе, но теперь люди такъ привыкли видѣть меня въ эполетахъ, что пріѣхать безъ нихъ на бастіоны мнѣ будетъ уже не ловко".

**) 6 іюня 1855-го года, рядовой графа Дибича полка, сраженный возлѣ Нахимова въ самомъ разгарѣ побѣдоносно отбитаго штурма, лежалъ въ предсмертныхъ судорогахъ, когда мимо него пронесся офицеръ - ординарецъ. Умирающій умолилъ его остановиться на одно слово. „Говори скорѣе", обратился къ нему офицеръ, „спѣшу по важному дѣлу!"—„Живъ ли Нахимовъ?" спросилъ страдалецъ.—„Живъ и здоровъ!"—„Ну, слава Богу! теперь умираю спокойно!" произнесъ умирающій и тутъ же испустилъ духъ.

И дѣйствительно — только на бастіонѣ и былъ онъ и покоенъ, и доволенъ....

28-го іюня 1855-го года, вопреки мольбамъ стоявшихъ близъ него подчиненныхъ, Нахимовъ былъ на Корниловомъ бастіонѣ, подъ мѣткимъ огнемъ штуцеровъ. На попавшую возлѣ него въ земляной мѣшокъ штуцерную пулю, Павелъ Степановичъ замѣтилъ: „какъ ловко они стрѣляютъ“! И вотъ—оправдалось роковое замѣчаніе: другая пуля сразила его въ високъ... Еще 36 часовъ боролась со смертію желѣзная натура моряка. Но часъ его пробилъ. 30-го іюня, въ 11 часовъ утра, отлетѣлъ въ горнія селенія могучій духъ, такъ долго витавшій надъ окровавленными бастіонами Севастополя!.. Не было матроса, не было солдата, который не оплакивалъ бы героя, какъ своего родного отца! Какой блестящій для русскихъ матросовъ контрастъ между ихъ трогательными прощаніями съ Павломъ Степановичемъ и прощаніями турецкихъ матросовъ съ ограбленнымъ ими Синопскимъ противникомъ Нахимова—Османъ-пашей!

. . . .

И такихъ-то русскихъ людей завистливая Европа обвиняла въ звѣрствѣ и въ невѣрности долгу, превознося до небесъ ихъ противниковъ!

Но время взяло свое.

Теперь уже не одна Россія преклоняется предъ памятью нашихъ Черноморцевъ. Сами Англичане и Французы отдаютъ нынѣ дань уваженія и славы оклеветаннымъ ими безсмертнымъ героямъ Синопа!..

Война 1877—1878 годовъ дала грозное напоминаніе недругамъ, что преданія Синопа и Севастополя не изсякли въ сознаніи народа, великаго и сильнаго своею непоколебимою преданностью вѣрѣ, престолу и родинѣ.

Синопомъ и Севастополемъ заключились кровавые уроки, которые давала своимъ врагамъ *прежняя*, дореформенная Россія. Синопъ—лебединая пѣсня *парусного* флота; Севастополь—послѣднее, могучее слово арміи изъ *крѣпостныхъ* рекрутъ.

Протекли послѣ этой памятной эпохи два мирныя десятилѣтія. И что же? По Царскому почину дарованная свобода милліонамъ новыхъ гражданъ,—всесословная воинская повинность, замѣнившая прежнюю рекрутскую, — обширныя военныя преобразованія, — громадная желѣзнодорожная сѣть, на 20,000 верстъ, раскинувшаяся по Россіи,—и, наконецъ, двадцатилѣтнее мирное преуспѣяніе страны подъ покровомъ великихъ реформъ —при первомъ же случаѣ показали Европѣ во очію, что *обновленная* Россія не отвыкла бить врага и расправляется съ нимъ, какъ прежде, молодецки. Перемѣнились люди, условія, обстановка, но присущая русскому человѣку беззавѣтная преданность присягѣ и знамени осталась прежняя и, какъ всегда, русскій солдатъ радуетъ сердце Царево.

Въ Крымскую войну мы, лишенные нарѣзнаго оружія, не боялись вражьихъ винтовокъ,—въ войну 1877—1878 годовъ, мы, безъ военнаго флота, рвали на воздухъ непріятельскіе броненосцы. А пока Дубасовы и Шестаковы управлялись, по Синопски, на Дунаѣ, пока Макаровы, Барановы, Зацаренные, Пущины, на орѣховыхъ скорлупахъ, вселяли трепетъ вражьему флоту на морѣ, — Радецкіе, Гурки и Скобелевы несли Знамя Россіи подъ самыя стѣны Царьграда, соревнуя Кавказскимъ героямъ, стяжавшимъ себѣ доблестную славу подъ Ардаганомъ, Карсомъ, Баязетомъ и на Саганлугѣ.

Не забудутъ послѣднюю войну наши недруги, какъ не за-

были они Синопа и Севастополя. Останется она на вѣки въ сердцѣ и въ сознаніи русскаго человѣка. Это было — боевое крещеніе для *новой* Россіи. Радостно, съ вѣрою въ правое дѣло, шелъ нашъ солдатъ въ бой мимо полеваго шатра Державнаго Хозяина земли русской; честно трудился рядовой, забывая суровую невзгоду—онъ видѣлъ и зналъ, что тотъ же трудъ и ту же невзгоду дѣлитъ съ нимъ Царь-Освободитель; безропотно переносилъ воинъ раны и болѣзни, окруженный высоко христіанскимъ попеченіемъ сердобольной Матери русскаго народа и неусыпною заботливостію госпитальныхъ тружениковъ — врача и сестры милосердія...

Много нравственной мощи, много жизненныхъ силъ и много вѣры въ свое высокое призваніе показала во очію, въ эту послѣднюю годину, наша обновленная, но все же, по прежнему, Святая Русь. Доблесть русская обновилась, облеклась новыми нравственными силами,—и наши *молодые* солдаты, въ послѣднюю войну, вызвавшую испытаніе этихъ новыхъ силъ, показали себя достойными правнуками героевъ Чесмы и родными внуками знаменитыхъ Наваринцевъ, Синопцевъ и Севастопольцевъ.

Адмиралъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ.

Въ Вяземскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи, въ затерянномъ въ лѣсахъ сельцѣ Городкѣ родился въ 1802-мъ году отъ небогатаго помѣщика, отставнаго секундъ-маіора временъ Екатерины Великой, будущій герой Наварина, Синопа и Севастополя. На пятьнадцатомъ году былъ онъ сданъ въ Морской Кадетскій корпусъ. Еще въ чинѣ гардемарина, на бригѣ *Фениксъ,* подъ командою одного изъ лучшихъ офицеровъ, лейтенанта Дохтурова, юноша Нахимовъ сдѣлалъ практическое плаваніе къ берегамъ Швеціи и Даніи, и, до производства въ мичманы, въ 1818-мъ году, успѣлъ пріобрѣсть немалую опытность *). Нѣсколько лѣтъ спустя, счастіе привело его подъ

*) Первое знакомство Нахимова съ Лазаревымъ произошло въ 1818-мъ году. Нахимовъ служилъ тогда на тендерѣ *Янусъ,* подъ командою Ахлестышева. Стоявшій на рейдѣ тендеръ, въ отсутствіе командира, получилъ приказаніе сняться съ якоря. Засвѣжѣло. Понадобилось взять рифъ. Во время поворота черезъ фордевиндъ, сломали гикъ по невѣдѣнію; кое-какъ добрались до Кронштадта и „за ведро водки" сдѣлали въ портѣ новый гикъ... Вскорѣ вернулся Лазаревъ изъ кругосвѣтнаго плаванія на транспортѣ *Суворовъ.* Проѣзжая мимо тендера, Михаилъ Петровичъ не выдержалъ и присталъ къ судну, гдѣ его встрѣтилъ мичманъ Нахимовъ, бывшій на вахтѣ. „Зачѣмъ вы завалили мачту назадъ"? было первое слово Лазарева. Мичманъ затруднился отвѣтомъ „Отчего у васъ на гикѣ нѣтъ планокъ (продолжалъ Лазаревъ), какъ же вы берете рифъ"? Когда Нахимовъ отвѣтилъ, что брать рифъ на тендерѣ затрудняются, Лазаревъ указалъ: *гдѣ* и *какъ* должны быть устроены планки и обо всемъ этомъ приказалъ доложить командиру. Нѣсколько времени спустя, Лазаревъ снова заѣхалъ на тендеръ. Судно снялось съ якоря, лавировало и при этомъ Михаилъ Петровичъ объяснялъ: какъ должно управляться съ тендеромъ. При этихъ-то обстоятельствахъ Лазаревъ и обратилъ вниманіе на Нахимова, а затѣмъ въ 1824-мъ году взялъ его къ себѣ на фрегатъ *Крейсеръ.*

команду человѣка, коего имя обезсмертилось въ исторіи нашего флота: въ 1824-мъ году Павелъ Степановичъ былъ назначенъ на фрегатъ *Крейсеръ*, подъ команду капитана 2-го ранга, Михаила Петровича Лазарева, и отправился съ нимъ въ кругосвѣтное плаваніе для охраненія бывшихъ Россійско-Американскихъ колоній. По общему сознанію всѣхъ сослуживцевъ Нахимова, никто болѣе его, изъ многочисленныхъ воспитанниковъ Лазарева, не усвоилъ себѣ всецѣло его взглядовъ и убѣжденій, никто болѣе его не приблизился къ идеальному типу учителя. „Эти два представителя нашего сословія," писалъ о нихъ бывшій ихъ подчиненный, г. Шестаковъ, „были моряки-поэты. Энергическая природа сдѣлала изъ нихъ энтузіастовъ, презиравшихъ собственныя выгоды, считавшихъ преступленіемъ заботиться о своихъ житейскихъ нуждахъ, порицавшихъ незнаніе своего дѣла наравнѣ съ нравственными пороками, смотрѣвшихъ на небреженіе къ своему дѣлу какъ на нарушеніе присяги,— данной клятвы,— слѣдовательно, какъ на слабость, въ высшей степени безчестную". Павелъ Степановичъ, какъ и Лазаревъ, любилъ дѣльныхъ молодыхъ офицеровъ, старался ободрять ихъ и помогать имъ совѣтами; онъ часто разсказывалъ — какъ Михаилъ Петровичъ, уже въ чинѣ адмирала, замѣтивъ однажды, что на вооруженномъ фрегатѣ команда неправильно перевязывала ванты, снялъ съ себя вицъ-мундиръ, засучилъ рукава рубашки, и перевязалъ ванту какъ слѣдуетъ.

Въ числѣ дѣльныхъ молодыхъ офицеровъ, случайность бросила нынѣ управляющаго морскимъ министерствомъ, С. С. Лесовскаго, подъ команду Нахимова. Видя въ молодомъ, образованномъ, усердномъ къ службѣ лейтенантѣ отличнаго морскаго офицера, Павелъ Степановичъ всегда указывалъ на С. С. Лесовскаго, какъ на способнаго унаслѣдовать его обширную опытность и морскія познанія.

Возвратясь изъ кругосвѣтнаго плаванія, Павелъ Степано-

вичъ отправился въ 1826-мъ году въ Архангельскъ и вернулся оттуда, опять подъ командою Лазарева, на вновь построенномъ кораблѣ *Азовъ,* съ которымъ онъ отправился, въ маѣ 1827-го года, въ Средиземное море, участвовалъ 8-го октября того же года въ Наваринскомъ сраженіи и заслужилъ Св. Георгія 4-ой степени и капитанъ-лейтенанта. Въ 1828-мъ году былъ онъ назначенъ командиромъ отбитаго у египтянъ корвета, названнаго *Наваринъ,* на которомъ и вернулся въ 1830-мъ году въ Кронштадтъ. Въ 1833-мъ году, подъ надзоромъ Нахимова, построенъ на Охтѣ образцовый фрегатъ *Паллада.* Къ этому періоду дѣятельности Нахимова относится знаменитое происшествіе 16-го августа 1853-го года. До сихъ поръ подробности этого поучительнаго дѣла оставались неизвѣстными для публики, а потому передаемъ правдивый разсказъ, сообщенный намъ участниками.

Командуя названнымъ фрегатомъ, Павелъ Степановичъ находился въ 1833-мъ году въ крейсерствѣ въ Балтійскомъ морѣ, въ эскадрѣ вице-адмирала Ѳ. Ѳ. Беллингсгаузена, состоявшей изъ 7-ми кораблей, 7-ми фрегатовъ, брига и шкуны. Нѣсколько дней погода стояла бурная, мрачная; эскадра была не далеко отъ Дагерорда. 16-го августа, на самое короткое время, открылся маякъ и затѣмъ снова занесло его тучами, но на фрегатѣ зорко слѣдили за всѣмъ, успѣли замѣтить маякъ, „запеленговать его" и опредѣлили мѣсто по крюсъ-пеленгу. Дѣло шло къ ночи; вѣтеръ крѣпчалъ; эскадра не измѣняла курса, а по расчету Нахимова она шла на каменья...

Въ полночь, онъ позвалъ къ себѣ въ каюту только что смѣнившагося съ вахты лейтенанта (нынѣ дѣйств. ст. совѣтника) Алферьева, опредѣлилъ съ нимъ еще разъ мѣсто на картѣ и приказалъ сдѣлать сигналъ: „флотъ идетъ къ опасности".

Не легко было на это рѣшиться: эскадрою командовалъ посѣдѣвшій на морѣ, прославившійся плаваніемъ къ южному полюсу,

одинъ изъ достойнѣйшихъ адмираловъ—человѣкъ характера серьезнаго, строгій къ самому себѣ и строго требовавшій, чтобы его приказанія исполнялись неуклонно.

А вѣдь ошибка въ счисленіи могла быть и на фрегатѣ... Дѣлать при такихъ условіяхъ сигналъ, который, въ сущности, указываетъ адмиралу, что онъ не туда ведетъ эскадру—на это надо было много отваги!

Но сигналъ былъ сдѣланъ; фрегатъ поворотилъ и послѣдствія доказали, что Павелъ Степановичъ былъ правъ: не замѣтившій, или не разобравшій сигнала, корабль Арсисъ выскочилъ на каменья и пушечными выстрѣлами заявлялъ о своемъ бѣдствіи. Въ кораблѣ открылась сильная течь; для облегченія ударовъ, вынуждены были срубить всѣ мачты и сбросить въ воду орудія верхней палубы. Черезъ два дня, при перемѣнившемся и стихнувшемъ вѣтрѣ, облегченный корабль сошелъ на свободную воду и былъ отбуксированъ въ Або.

По приходѣ въ Ревель, оказалось, что корабль „Императрица Марія“ и шкуна „Градъ“ перескочили черезъ каменья уже послѣ того, какъ поворотили: еще нѣсколько минутъ прежняго пути и они неминуемо потерпѣли бы крушеніе. Когда покойный Императоръ впервые послѣ этого случая увидалъ Нахимова, Онъ удостоилъ его слѣдующими милостивыми словами: „*Я* тебѣ обязанъ сохраненіемъ эскадры, благодарю тебя, *Я* никогда этого не забуду“

. . . .

Въ 1834-мъ году, едва Лазаревъ принялъ управленіе Черноморскимъ флотомъ, какъ онъ поспѣшилъ перевести къ себѣ Нахимова *). Въ 1836-мъ году Павелъ Степановичъ получилъ

*) Въ письмѣ отъ 25-го декабря 1834-го года къ своему сослуживцу В. Н. Алферьеву (письмо это до сихъ поръ не издано) Нахимовъ писалъ: „въ Кронштадтѣ я плакалъ отъ бездѣлья, боюсь, чтобы не заплакать здѣсь отъ дѣла“. Не лишены интереса слѣдующія подробности: „Въ Николаевѣ хороша обсерваторія, но

командованіе надъ построеннымъ подъ его же надзоромъ кораблемъ *Силистрія,* на которомъ, крейсируя по Черному морю, онъ успѣлъ уже заслужить во всемъ русскомъ флотѣ блестящую славу образцоваго моряка и „отца“ своихъ матросовъ. „Корветъ *Наваринъ,* фрегатъ *Паллада,* корабль *Силистрія,*—писалъ г. Асланбеговъ въ *Русскомъ Инвалидѣ* 1868-го года „были постоянно тѣми образцами, на которые всѣ указывали и къ которымъ всѣ стремились;“ даже и для неслужащихъ подъ начальствомъ Нахимова, „одобреніе его считалось наградою, которую каждый старался заслуживать,—такъ было велико нравственное вліяніе этого человѣка!... Во всемъ Черноморскомъ флотѣ не было ни одного матроса, который бы не зналъ, если не лично, то по наслышкѣ, и не любилъ, хотя бы только заочно, капитана *Силистріи,* Павла Степановича Нахимова. Никто не умѣлъ такъ понимать нужды матросовъ, такъ говорить съ ними, и потому они были ему слѣпо преданы“...

Однажды, корабль *Силистрія,* подъ командою Павла Степановича, находился въ эскадрѣ, въ крейсерствѣ для практическаго плаванія, какъ вдругъ, при производствѣ эволюцій, шедшій контра-галсомъ и весьма близко отъ *Силистріи* корабль *Адріанополь* сдѣлалъ такой неудачный маневръ, что столкновеніе было неминуемо.

Павелъ Степановичъ былъ на верху, видѣлъ это, но избѣжать катастрофы было невозможно. Онъ только скомандовалъ: „съ крюселя долой“ и людей, стремглавъ спустившихся внизъ, а также всѣхъ бывшихъ по близости, отослалъ на шкафутъ за гротъ-мачту.

она не должна быть здѣсь. Астрономъ человѣкъ ученый, образованный, занимается весьма высокими предметами, напримѣръ: составляетъ звѣздный каталогъ для Берлинской обсерваторіи. Не правда-ли, громко,—а что пользы? Тогда какъ и похуже обсерваторія въ Севастополѣ (гдѣ весь корпусъ офицеровъ) съ этимъ астрономомъ *принесла бы очень много пользы бѣднымъ Черноморцамъ*“.

Павелъ Степановичъ остался на ютѣ *одинъ*.

Старшій офицеръ упрашивалъ его сойти, но онъ не обратилъ на это вниманія.

Трудно представить себѣ моментъ болѣе страшный, какъ тотъ, когда корабль полнымъ ходомъ, всею своею массою готовится раздавить другой корабль.

Съ замираніемъ сердца, притаивъ дыханіе, ожидала команда *Силистріи* этого момента, глядя на своего командира, безстрашно стоявшаго на ютѣ...

И вотъ *Адріанополь* врѣзался около гротъ-руслепей; затрещалъ утлегарь—половина гротъ-вантъ порвана; еще минута—всѣ бизань-ванты срѣзаны, какъ ножомъ. Съ трескомъ полетѣлъ съ бокапцевъ 12-ти весельный катеръ вмѣстѣ со шлюпъ-балками, закачалась бизань-мачта и крюсъ-стеньга рухнула внизъ, сломавъ марсъ и бегинъ-рей и осыпавъ осколками Павла Степановича, но, по счастливой случайности, ничѣмъ его не ушибло! Само Провидѣніе хранило его для будущихъ подвиговъ и славы Россіи! *).

Еще минута — и *Адріанополь* уже за кормой. Люди вздохнули свободно, перекрестились и бросились къ дѣлу.

Работа кипѣла и, хотя это случилось передъ вечеромъ,—на другой день, около 10-ти часовъ утра, на *Силистріи* былъ поднятъ сигналъ: „поврежденія исправилъ“. Только люди, знакомые съ морскою службою, могутъ оцѣнить—какая громадная, какая тяжелая работа была такъ успѣшно произведена матросами *Силистріи*... Когда, за вечернимъ чаемъ, старшій офицеръ спросилъ Павла Степановича,—для чего онъ не хотѣлъ сойти съ юта и безъ всякой надобности подвергался явной опасности, адмиралъ отвѣтилъ: „такіе случаи представляются рѣдко и *командиръ долженъ ими пользоваться; надо, чтобы команда видѣла присутствіе духа въ своемъ начальникѣ*. Быть можетъ,

*) Въ моментъ этого столкновенія авторъ былъ гардемариномъ на вахтѣ фрегата *Мессемврія*..

мнѣ придется съ нею идти въ сраженіе и *тогда это отзовется и принесетъ несомнѣнную пользу*".

Именно въ этомъ таятся нравственные задатки Синопскаго погрома *).

Укрѣпленію этихъ задатковъ въ командахъ много способствовала отеческая, постоянная заботливость Нахимова о своихъ подчиненныхъ. Какъ наглядное выраженіе этой попечительной заботливости, мы приводимъ глубоко-трогательный случай съ лейтенантомъ Стройниковымъ.

Однажды, во время командованія отрядомъ судовъ, крейсировавшихъ у Кавказскихъ береговъ, имѣя флагъ на фрегатѣ *Кагулъ,* Павелъ Степановичъ проходилъ мимо укрѣпленія Субаши. Приказавъ лечь въ дрейфъ, Нахимовъ предложилъ офицерамъ съѣхать на берегъ, — чѣмъ они тотчасъ и воспользовались.

*) Приблизительно къ этому же времени относится слѣдующій случай, наглядно доказывающій педагогическую манеру Нахимова и его рѣдкую способность цѣнить даже и тѣхъ людей, изъ-за которыхъ иногда приходилось получать непріятности по службѣ. Командуя *Силистріею,* Нахимовъ стоялъ на Севастопольскомъ рейдѣ, въ эскадрѣ вице-адмирала П. Е. Чистякова, — человѣка почтеннаго, добраго, но не за-долго переведеннаго изъ Балтики и незнакомаго съ характеромъ Черноморцевъ. Однажды, адмиралъ посѣтилъ корабль. Пріѣздъ его былъ замѣченъ во-время: команда и офицеры успѣли выбѣжать на верхъ и стать во фронтъ. Адмиралъ видимо былъ доволенъ. Поздоровавшись съ офицерами и командою, онъ пошелъ по фронту, хвалилъ найденный порядокъ, но вдругъ остановился со словами: „Павелъ Степановичъ! Это что такое? У этого матроса бакены не выбриты подъ подбородкомъ,—этого нельзя допустить: Государь Императоръ требуетъ строгаго соблюденія формы" — и пошелъ дальше. Только что отвалилъ адмиралъ, Нахимовъ подошелъ къ виноватому со словами: „Ты слышалъ, что сказалъ адмиралъ"? — „Слышалъ в. в—діе".— „Теперь скажи мнѣ: почему же ты не выбритъ, какъ слѣдуетъ„? — „Виноватъ, в. в—діе, я и самъ хотѣлъ выбриться, да женѣ такъ нравится, она и отговорила".— „Ну, нравится женѣ или нѣтъ,—чтобы ты сейчасъ же выбрился". Надо замѣтить, что это былъ одинъ изъ лучшихъ, старыхъ баковыхъ матросовъ, закладывавшій катъ и командиръ хорошо его зналъ. Обратившись затѣмъ къ командѣ, Нахимовъ сказалъ: „Изъ всѣхъ васъ одному ему это пройдетъ безнаказанно" и приказалъ, чтобы его „*пальцемъ не тронули*", а ротному командиру тутъ же сдѣлалъ *строгій выговоръ* — почему не досмотрѣлъ небритаго, зачѣмъ не убралъ его изъ фронта.

Дружески встрѣтили ихъ офицеры гарнизона и, между прочимъ, разсказали, что въ лазаретѣ лежитъ ихъ товарищъ по мундиру. Къ нему тотчасъ же всѣ и отправились.

На деревянной койкѣ, въ толстомъ солдатскомъ бѣльѣ, въ сѣромъ госпитальномъ халатѣ, подъ вымазанной мѣломъ маскою изъ синей сахарной бумаги, лежалъ старшій офицеръ корвета *Пиладъ*, лейтенантъ Стройниковъ. У него развилась сильная рожа; леченіе на корветѣ, въ постоянной сырости, было признано неудобнымъ: его свезли въ укрѣпленіе Субаши, но, въ торопяхъ, не снабдили необходимыми вещами. Стройниковъ былъ въ крайности и просилъ прислать чаю и сахару.

Возвратясь на фрегатъ, офицеры доложили объ этомъ Павлу Степановичу. Тотчасъ же былъ призванъ адъютантъ его, лейтенантъ Острено, завѣдывавшій его хозяйствомъ.

— „Пошлите сейчасъ же Стройникову чаю, сахару, лимоновъ и провизіи, какая у насъ есть“, сказалъ Павелъ Степановичъ.

Поморщился Острено и попробовалъ доложить, что лимоновъ и провизіи мало, а достать будетъ негдѣ. Докладъ адъютанта не достигъ однако цѣли: адмиралъ не отмѣнилъ приказанія.

— „Много-ли у насъ денегъ“? спросилъ Нахимовъ.

— Всего двѣсти рублей.

— „Ну и пошлите всѣ двѣсти“...

Офицеры прибавили отъ себя бѣлья и все было тотчасъ отослано. Павелъ Степановичъ приказалъ направить *Кагулъ* на дистанцію крейсерства корвета *Пиладъ*. Черезъ нѣсколько часовъ корветъ увидали; тотчасъ же взвился сигналъ—*подойдти для переговоровъ*. Суда сблизились, легли въ дрейфъ, командиръ явился съ рапортомъ.

Сухо встрѣтилъ его адмиралъ и тотчасъ же спросилъ: „Скажите, какъ могли вы сбросить больнаго офицера на берегъ, не снабдивъ его ни бѣльемъ, ни провизіей, ни всѣмъ необходимымъ“?

Командиръ оправдывался тѣмъ, что разводило зыбь и торопились отойдти отъ берега.

— „Стыдно-съ,—сказалъ ему Павелъ Степановичъ,—простительнѣе было бы поступить такъ *мнѣ*, человѣку одинокому, у котораго сердце должно быть черствѣе, а вы — человѣкъ семейный, у васъ есть дѣти, у васъ есть сыновья. Что, если бы съ однимъ изъ нихъ *такъ* поступили? Прощайте, больше я ничего не имѣю сказать".

Вслѣдъ затѣмъ Нахимовъ сдѣлалъ распоряженіе—назначить шкуну, которой идти въ Субаши, взять Стройникова и отвезти въ Севастополь *).

Еще служа въ Балтикѣ, на кораблѣ *Азовъ*, подъ командою Лазарева, Нахимовъ подружился съ Корниловымъ и навсегда остался съ нимъ въ самыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ. Пріѣзжая въ Севастополь, Корниловъ, постоянно жившій въ Николаевѣ по своей должности начальника Штаба Черноморскаго флота, не разъ останавливался у Нахимова. Павелъ Степановичъ говорилъ, что желалъ бы назначенія Владиміра Алексѣевича главнымъ командиромъ Севастопольскаго порта: безкорыстно преданный службѣ, Нахимовъ *забывалъ свое старшинство*, и видѣлъ въ этомъ назначеніи залогъ преуспѣянія Черноморскаго флота; онъ зналъ, что его дѣло — водить флоты въ море, а административныя занятія, неразлучныя съ званіемъ главнаго командира, не имѣли для него ничего привлекательнаго. Такое же самоотверженіе оказалъ онъ и при началѣ осады Севастополя, изъявляя желаніе подчиниться младшему генералу, но болѣе его свѣдущему въ дѣлѣ сухопутной войны...

Безпрестанныя крейсерства по Черному морю окончательно закалили желѣзную натуру Павла Степановича. Многотрудная и славная служба его въ 1853-мъ году уже принадлежитъ исторіи;

*) Разсказъ очевидца, служившаго на фрегатѣ вахтеннымъ лейтенантомъ П. А. Перелешина, нынѣ генералъ-адъютанта.

18-го ноября 1853-го года Синопская побѣда оказалась такимъ же справедливымъ завершеніемъ продолжительныхъ и трудныхъ крейсерствъ, какимъ Трафальгарская развязка была для Нельсона. Но что̀ были всѣ эти труды и опасности,—какъ бы они ни были ужасны,—въ сравненіи съ тѣми, кои предстояли Нахимову во время обороны роднаго гнѣзда Черноморскаго флота—незабвеннаго Севастополя?

До начала сентября 1854-го года, моряки наши все еще питали надежду доказать на морѣ потомкамъ Нельсона и Суффрена, что на берегахъ Понта Евксинія они найдутъ достойныхъ учениковъ великихъ предковъ. Все было готово къ немедленному выступленію флота по первой тревогѣ. Но осторожность союзниковъ, расчитывавшихъ на отсутствіе у насъ паровой боевой силы и приближавшихся къ Севастополю только при совершенномъ штилѣ или при противномъ вѣтрѣ, не представила нашимъ Черноморцамъ случая исполнить ихъ пламеннаго желанія сразиться съ врагомъ! 14-го іюля непріятельская эскадра, силою равнявшаяся съ нашею, но буксируемая множествомъ пароходовъ и винтовыхъ кораблей, дѣлала промѣры у Евпаторіи и у мыса Лукулла, въ виду Севастополя. Лучшаго случая нельзя было и ожидать,—но, пока непріятель, благодаря силѣ пара, свободно двигался по всѣмъ направленіямъ, мертвый штиль отнималъ у насъ всякую возможность битвы! „Проклятые самовары! Не даромъ не любилъ я ихъ никогда!“ въ негодованіи воскликнулъ Нахимовъ...

Въ началѣ сентября Павлу Степановичу поручена была оборона всей Южной стороны. Послѣ свершившагося 11-го сентября затопленія части флота у входа на рейдъ, о морскомъ сраженіи нельзя было и думать. Между тѣмъ, имѣя, кромѣ артиллеристовъ, всего $5^1/_2$ пѣхотныхъ баталіоновъ, Нахимовъ видѣлъ только одинъ честный исходъ—смерть съ оружіемъ въ рукахъ, а потому отдалъ 14-го сентября приказъ:

„Непріятель подступаетъ къ городу; я нахожусь въ необходимости затопить суда ввѣренной мнѣ эскадры, а оставшіяся на ней команды, съ абордажнымъ оружіемъ, присоединить къ гарнизону. Я увѣренъ въ командирахъ, офицерахъ и командахъ, что каждый изъ нихъ будетъ драться, какъ герой. Насъ соберется до 3000; сборный пунктъ—на Театральной площади.“

5-го октября состоялось первое *усиленное* бомбардированіе. Не взирая на малочисленность гарнизона, руководимаго Нахимовымъ и Корниловымъ, беззащитная въ началѣ сентября Южная сторона, къ тому времени, уже была приведена въ такое состояніе, что начавшееся съ разсвѣтомъ бомбардированіе съ сухаго пути должно было умолкнуть къ двумъ часамъ пополудни, между тѣмъ, какъ союзные флоты—осыпавъ Севастополь, слишкомъ 150,000 снарядовъ, т. е. болѣе, чѣмъ 400 выстрѣлами въ каждую минуту—должны были отступить безъ результата, понеся значительныя потери и поврежденія.

День этотъ ознаменованъ для Россіи невознаградимою потерею: она лишилась Корнилова... Нахимовъ оплакивалъ, какъ роднаго брата своего, друга-соперника по славѣ и усугубилъ свою дѣятельность, чтобы замѣстить для обороны Севастополя эту огромную потерю. 7-го марта Севастополь принесъ новую чувствительную жертву: палъ безстрашный защитникъ Малахова кургана, Истоминъ... Хотя непріятельскій огонь, открывшійся 5-го октября 1854-го года, ни на одинъ день не прекращался до 28-го августа 1855-го года, но 5-ое октября, 28-ое марта, 25-ое мая и 5-ое іюня ознаменовались такимъ адскимъ усиленіемъ пальбы союзниковъ, что исторія присвоила имъ названіе перваго, втораго, третьяго и четвертаго *усиленнаго бомбардированія*. Нахимовъ, въ должности помощника начальника гарнизона, объѣзжалъ, не менѣе двухъ разъ въ день, оборонительныя линіи и весьма часто проводилъ тамъ не только бóльшую половину дня, но и значительную часть ночи. Четвертое уси-

ленное бомбардированіе продолжалось безъ умолку *одинадцать дней*; за нимъ, 6-го іюня, послѣдовалъ побѣдоносно-отбитый общій штурмъ Севастополя. Въ приказѣ по гарнизону, главный начальникъ обороны, генералъ-адъютантъ баронъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ, отдалъ справедливость не только самоотверженію и распорядительности его „доблестнаго товарища“, коего „незабвенныя заслуги *извѣстны всей Россіи*“, но и замѣчательной предусмотрительности его, такъ какъ—предвидя, что, подъ адскимъ огнемъ непріятеля, будетъ разрушенъ мостъ на судахъ—Нахимовъ, при помощи однихъ моряковъ, успѣлъ навесть пѣшеходный мостикъ, и *этимъ спасъ Малаховъ курганъ*, который иначе не могъ бы вó-время получить подкрѣпленія.

Начавшаяся 27-го іюня сосредоточенная бомбардировка противъ 3-го бастіона, продолжалась съ тою же силою и на другой день. Павелъ Степановичъ, тотчасъ же послѣ утренняго чая, собрался ѣхать на бастіонъ. Осѣдланныя лошади стояли у крыльца, но тутъ вошелъ съ докладомъ дежурный штабъ-офицеръ П. В. Воеводскій, поступившій въ эту должность при назначеніи Нахимова командиромъ порта и военнымъ губернаторомъ.

—„Теперь не время“, сказалъ Павелъ Степановичъ. — Воеводскій отвѣтилъ, что есть дѣла денежныя.

—„Не такое время. Ты *) слышишь: какой тамъ адъ“?

—„Вы меня ставите въ чрезвычайно неловкое положеніе“, отвѣтилъ Воеводскій. Дойдетъ до того, что мнѣ посулятъ взятки за то, чтобы я находилъ время вамъ докладывать.

Павелъ Степановичъ остался, но былъ недоволенъ, бросилъ фуражку на стулъ и началъ выслушивать докладъ, перейдя, при этомъ, на офиціальное „*вы*“, — чего прежде никогда не случалось.

Докладывая нарочно медленно, Воеводскій съумѣлъ задер-

*) Какъ близкому родственнику, Нахимовъ допускалъ себѣ въ разговорѣ съ Воеводскимъ говорить дружеское: *ты*.

жать адмирала до $11\frac{1}{2}$ часовъ. Подходило время обѣда. Въ полдень сѣли за столъ, а въ исходѣ перваго часа Нахимовъ готовъ былъ ѣхать.

Видя, что всѣ состоявшіе при немъ четыре ординарца собирались сопровождать адмирала *), Воеводскій сказалъ ему тихо: „неужели сегодня возмете всѣхъ? Вѣдь половина не воротится". Павелъ Степановичъ согласился и взялъ съ собою одного Колтовскаго, а Воеводскаго послалъ на сѣверную сторону, чтобы разъяснить недоразумѣніе по пріему сухарей.

На 3-мъ бастіонѣ Нахимовъ былъ встрѣченъ начальникомъ 3-го отдѣленія оборонительной линіи Панфиловымъ, и, обойдя съ нимъ батареи, остановился у разрушеннаго бруствера на самомъ видномъ и опасномъ мѣстѣ.

Панфиловъ—былъ ученикъ Нахимова. Онъ служилъ подъ его начальствомъ нѣсколько лѣтъ на *Наваринѣ* и *Палладѣ* и былъ искренно ему преданъ. Обратясь къ адмиралу, онъ сказалъ: „Павелъ Степановичъ, здѣсь стоять не слѣдуетъ, и если вы не уйдете, я долженъ буду васъ оставить". Съ этими словами онъ взялъ адмирала подъ руку и отвелъ въ сторону.

Не лишнее привести здѣсь, что, по должности Военнаго Губернатора и командира порта, Нахимовъ имѣлъ немало хлопотъ и по хозяйственной части: производились торги, дѣлались закупки, случалось передавать провизію въ сухопутное вѣдомство, но окружавшіе адмирала дѣйствовали въ одномъ съ нимъ духѣ и когда, по окончаніи войны, общій говоръ о злоупотребленіяхъ вызвалъ назначеніе извѣстной комиссіи (подъ предсѣдательствомъ кн. Васильчикова), *ни одного запроса не было сдѣлано по хозяйственному управленію Севастопольскъ,* не было указано ни одного рубля затраченнаго неразумно... Отмѣчая это выдающееся, въ высшей степени отрадное явленіе правильнаго, добросовѣстнаго хозяйства по морскому вѣдомству, подобаетъ

*) При немъ состояли: Шкотъ, Костыревъ, Фельдгаузенъ и Колтовской.

здѣсь помянуть, что въ то время Главнымъ командиромъ Черноморскаго флота и портовъ (то-есть представителемъ по всѣмъ отраслямъ хозяйственнаго управленія) былъ вице-адмиралъ, нынѣ членъ государственнаго совѣта, Н. Ф. Мѣтлинъ.

Съ мая 1855-го года, Павелъ Степановичъ получилъ четыре сильныя контузіи, но не хотѣлъ, чтобы ему о нихъ говорили, не желалъ лечиться и скрывалъ страданія. Настроеніе адмирала стало особенно мрачно со времени занятія непріятелемъ нашихъ передовыхъ редутовъ: онъ предвидѣлъ неминуемость приближенія роковой минуты... Бомбы и ядра ложились у домика, занимаемаго Нахимовымъ; у самой двери его былъ убитъ провіантскій чиновникъ... Главнокомандующій убѣждалъ Нахимова переѣхать подъ своды Николаевской батареи, дабы имѣть хоть нѣсколько минутъ спокойствія и отдыха. Адмиралъ отказался. Врачи и всѣ сотрудники Нахимова настоятельно требовали, чтобы онъ остался хоть нѣсколько дней дома. Но, вдали отъ бастіоновъ, онъ томился мучительными сомнѣніями. „Послѣднюю недѣлю предъ своею кончиною", писалъ въ донесеніи своемъ статскій совѣтникъ Б. П. Мансуровъ „адмиралъ былъ сравнительно покойнѣе; „но 27-го числа, когда противъ 3-го бастіона открылась внезапно усиленная канонада, онъ былъ опять въ тревожномъ состояніи".

Многочисленная семья черноморскихъ моряковъ была безпредѣльно предана Павлу Степановичу. Начальникъ 4-го отдѣленія оборонительной линіи и Малахова кургана, храбрый капитанъ 1-го ранга Ф. С. Кернъ *), желая удалить адмирала отъ мѣткаго огня штуцеровъ, просилъ его пожаловать къ нему для присутствованія при молебнѣ по случаю годовщины свадьбы. Адмиралъ согласился и уже сходилъ съ банкета, какъ вдругъ раздались крики матросовъ, любовавшихся какому-то удачному выстрѣлу. Павелъ Степановичъ остановился, опять поднялся на банкетъ, опять

*) Кавалеръ ордена св. Георгія 3-й степени.

показались надъ брустверомъ давно знакомые вражьимъ стрѣлкамъ его фуражка и эполеты...

И вотъ—свершилось роковое предопредѣленіе судебъ... *)

Сраженный выше лѣваго виска штуцерною пулею, герой, въ 6 часовъ вечера, былъ принесенъ въ домикъ аптеки морскаго госпиталя. Тутъ только, раздѣвая его, увидѣли—какъ сильно онъ страдалъ отъ контузій: вся спина его распухла, затвердѣла, посинѣла. До самой кончины онъ оставался въ безсознательномъ положеніи; иногда открывалъ глаза, но, повидимому, не узнавалъ окружающихъ; изрѣдка стоналъ, инстинктивно подносилъ руку къ ранѣ, отклонялъ врачей, ее перевязывавшихъ. Только разъ, когда медикъ остановилъ руку, подносимую страдальцемъ къ ранѣ, онъ произнесъ едва внятно: „эхъ, Боже мой, что за вздоръ!..“ 30-го іюня, около 11 часовъ утра, дыханіе вдругъ усилилось. Въ комнатѣ водца-

---

*) Въ молодости Павла Степановича былъ одинъ критическій моментъ, едва не имѣвшій самаго ужаснаго исхода. На пути фрегата *Крейсеръ*, на которомъ онъ служилъ, — въ колоніи, во время перехода Южнымъ океаномъ, при крѣпкомъ вѣтрѣ и при сильномъ волненіи, одинъ изъ матросовъ упалъ въ воду; спустить шлюпку съ подвѣтренной стороны на воду — было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ и Нахимовъ бросился въ катеръ, чтобы спасать утопавшаго. Въ это время налетѣлъ сильный шквалъ съ дождемъ; на фрегатѣ стали брать 3-й рифъ и шлюпку потеряли изъ виду. Черезъ полчаса прояснилось, но шлюпка изчезла... Командиръ, всѣ офицеры, сигнальщики, посланные на марсъ, съ напряженнымъ вниманіемъ смотрятъ въ зрительныя трубы по горизонту—ее не видно. Проходитъ часъ, два, три, четыре томительные часа,—шлюпки нѣтъ—какъ нѣтъ. Начинало темнѣть. Предполагая, что она опрокинулась и погибла при бывшемъ шквалѣ, командиръ рѣшился продолжать путь и уже стали наполнять паруса... Можно себѣ представить, что должны были чувствовать видѣвшіе это со шлюпки, но вдругъ съ салинга раздался, электрической искрой пробѣжавшій по всему фрегату, радостный крикъ:

— Катеръ видѣнъ!

Крейсеръ спустился къ нему. Волненіе было такъ сильно, что, при подъемѣ шлюпки на боканцы, ее разбило въ дребезги... Нахимовъ былъ спасенъ, но утопавшій погибъ—онъ скрылся подъ водою прежде, чѣмъ катеръ подошелъ къ нему. Съ чувствомъ глубокой благодарности къ Промыслу Божію всегда вспоминалъ Павелъ Степановичъ этотъ случай, а унтеръ-офицеру, увидавшему катеръ съ салинга, выдавалъ ежегодную пенсію.

рилось молчаніе. „Вотъ наступаетъ смерть!“ сказалъ торжественно и ясно докторъ Соколовъ. Еще нѣсколько судорожныхъ движеній, еще нѣсколько тяжелыхъ вздоховъ... Въ 11 часовъ 7 минутъ Соколовъ произнесъ роковое:

— „Скончался!“...

Послѣднее *плаваніе* адмирала черезъ Севастопольскій рейдъ было печально-торжественно. Гробъ, наскоро сколоченный „матросиками“ и „солдатиками“, несла на себѣ эскадра катеровъ. Вѣтеръ завывалъ; вереница друзей, сослуживцевъ, матросскихъ жонъ и дѣтей, слезами пѣнила море... Уцѣлѣвшимъ отъ потопленія кораблямъ и пароходамъ понесчастливилось отдать прощальный салютъ — флаги приспутили, реи „отопили,“ а усопшій герой причаливалъ къ вѣчной пристани, покрытый изорваннымъ Синопскими ядрами флагомъ корабля *Императрица Марія!...*

Вице-адмиралъ Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ.

Сынъ заслуженнаго моряка, Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ родился въ 1806-мъ году въ родовомъ имѣніи Тверской губерніи, былъ опредѣленъ въ Морской Кадетскій корпусъ въ 1821-мъ году, и чрезъ два года, послѣ двухъ кампаній на фрегатѣ *Маломъ*, произведенъ въ офицеры. По выпускѣ изъ корпуса, Владиміръ Алексѣевичъ предался удовольствіямъ столичной жизни. Первая попытка дальняго плаванія на шлюпѣ *Смирный* не увѣнчалась успѣхомъ. Въ Нѣмецкомъ морѣ *Смирному* пришлось бороться съ продолжительными бурями, до такой степени его разломавшими, что пришлось пріютиться въ Норвежскомъ портѣ Арендаль. Прозимовавъ тамъ, *Смирный* вернулся въ Кронштадтъ, а Корнилова прикомандировали къ Гвардейскому Экипажу.

Начало службы молодаго Корнилова представляетъ собою много поучительнаго. Въ Гвардейскомъ Экипажѣ ему не посчастливилось: командиръ не нашелъ въ немъ необходимыхъ, по его мнѣнію, качествъ фронтоваго офицера, и удалилъ его. Благодаря ходатайствамъ отца, Корнилову удалось попасть въ эскадру, назначенную къ отплытію въ Англію, подъ флагомъ адмирала Сенявина. Къ величайшему счастію молодого офицера, онъ поступилъ на корабль *Азовъ*, подъ команду М. П. Лазарева. Не будь

*

этого, Корниловъ не только не попалъ бы въ походъ въ Средиземное море, подъ флагомъ графа Гейдена ознаменовавшійся Наваринскою побѣдою, но и не былъ бы выведенъ изъ омута праздности и легкомыслія столичной жизни. Михаилу Петровичу конечно не нравились свѣтскія привычки, безпрестанное чтеніе французскихъ романовъ, отсутствіе серіозной цѣли жизни и небрежность къ служебному долгу. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Михаилъ Петровичъ, со свойственною ему мѣткостью въ оцѣнкѣ людей, сразу замѣтилъ въ мичманѣ большія способности и даровитость, и принялся за его воспитаніе, подвергая новаго подчиненнаго строгимъ взысканіямъ за малѣйшія упущенія по службѣ.

Подъ впечатлѣніемъ неудачи въ Гвардейскомъ Экипажѣ, смущенный мичманъ, упадая духомъ, собирался просить о переводѣ на другой корабль, какъ вдругъ Михаилъ Петровичъ потребовалъ его къ себѣ для объясненія. Первый результатъ этого откровеннаго разговора сказался тѣмъ, что французскіе романы Владиміра Алексѣевича полетѣли за бортъ, а мѣсто ихъ заняли техническія, морскія и другія серьезныя книги изъ капитанской библіотеки. Во всѣхъ привычкахъ, во всемъ быту молодаго офицера сразу совершился переворотъ, и вскорѣ зажилъ онъ новою, неизвѣстною ему доселѣ жизнью.

Таково вліяніе, которое можетъ имѣть на жизнь молодаго человѣка руководитель-начальникъ, умѣющій цѣнить и направлять своихъ подчиненныхъ. Что́ сталось бы съ Корниловымъ, если бы и командиръ *Азова* оказался такимъ же недальновиднымъ, какъ командиръ Гвардейскаго Экипажа, удалившій отъ себя даровитаго мичмана?

Благодаря Лазареву, Корниловъ, въ чинѣ лейтенанта, въ 1831-мъ году былъ уже назначенъ командиромъ тендера *Лебедь*.

Въ 1832-мъ году, Михаила Петровича назначили начальникомъ Штаба Черноморскаго флота, куда, понемногу, онъ сталъ переводить своихъ прежнихъ любимыхъ офицеровъ. Въ числѣ

ихъ, вскорѣ перевели и Корнилова. По прибытіи въ Севастополь, ему пришлось нагонять флотъ, стоявшій въ Босфорѣ. Корниловъ слылъ уже однимъ изъ трудолюбивыхъ и ученыхъ молодыхъ офицеровъ, а потому ему, вмѣстѣ съ лейтенантомъ Путятинымъ, поручено было составить описаніе Босфора и всѣхъ его укрѣпленій. Получивъ, за отличное исполненіе этого важнаго порученія, орденъ Св. Владиміра 4 степени, Корниловъ былъ назначенъ командиромъ брига *Ѳемистоклъ*. Въ это время Порта, недавно спасенная Россіею отъ гибели, постоянно открывала нашимъ военнымъ судамъ безпрепятственный проходъ чрезъ проливы; пользуясь этимъ разрѣшеніемъ, Черноморскій флотъ посылалъ каждый годъ по нѣскольку судовъ въ Средиземное море. Однимъ изъ первыхъ воспользовался этимъ разрѣшеніемъ Корниловъ, на своемъ бригѣ, чтó доставило ему возможность не только провѣрить свои наблюденія надъ Босфоромъ, но и распространить ихъ на Мраморное море, на Дарданеллы и на Эгейское море.

Въ 1840-мъ году заложили въ Николаевѣ, подъ надзоромъ капитана 1-го ранга Корнилова, корабль *Двѣнадцать Апостоловъ*. Всякій разъ, какъ Главный командиръ Черноморскаго флота поднималъ свой флагъ, Корниловъ назначался къ нему начальникомъ штаба.

Въ Черноморскомъ флотѣ *Двѣнадцать Апостоловъ*, во всѣхъ отношеніяхъ, имѣлъ только одного соперника, — *Силистрію*, подъ командою Нахимова. Оба корабля были доведены ихъ командирами до безусловнаго совершенства, хотя и различными системами управленія.

Еще рельефнѣе высказалось это различіе въ системахъ, когда этихъ образцовымъ начальникамъ пришлось командовать эскадрами. На кораблѣ, на которомъ поднималъ свой флагъ Павелъ Степановичъ — истинный поэтъ своего дѣла — онъ влюблялся тотчасъ въ этотъ корабль, сроднялся съ нимъ, по-

священалъ ему всецѣло свои силы, и входилъ во всѣ подробности его управленія, что вытѣсняло прямаго командира корабля изъ сферы его дѣятельности. Болѣе холодный и положительный, Владиміръ Алексѣевичъ дѣйствовалъ совершенно иначе. Строго наблюдая, чтобы корабль, на которомъ онъ находился, съ достоинствомъ носилъ его флагъ,—Корниловъ привязывался не исключительно къ этому кораблю, но и ко всей подчиненной ему эскадрѣ. Отдавъ приказъ, распредѣляющій время и родъ служебныхъ занятій и зорко слѣдя за правильностью эволюцій флота, адмиралъ не вмѣшивался во внутреннее управленіе судовъ; только при явныхъ ошибкахъ командировъ, онъ останавливалъ или измѣнялъ ихъ распоряженія. Флагъ-офицеры Корнилова, въ случаяхъ важныхъ и не терпящихъ замедленія, иногда брали на себя измѣнять сигналы его по эскадрѣ и такія измѣненія иногда вызывали благодарность адмирала.

Только въ одномъ сходились взгляды нашихъ образцовыхъ адмираловъ. Оба держались убѣжденія, что внушенія одного страха недостаточны для вліянія на подчиненныхъ, а необходимо, *прежде всего*, направлять ихъ, въ смыслѣ воспитательномъ. Въ этомъ отношеніи Владиміръ Алексѣевичъ сдѣлалъ много хорошаго для Черноморскихъ матросовъ: въ то время, когда господствовала суровость, даже жестокость обращенія съ нижними чинами, Корниловъ стремился замѣнять тѣлесныя наказанія другими, дѣйствующими на нравственную сторону человѣка. Съ этою цѣлію онъ перевелъ на русскій языкъ, въ числѣ многихъ другихъ книгъ, и трактатъ о вредѣ тѣлесныхъ наказаній какъ орудія карательной системы, предоставленнаго слѣпому произволу...

Одна изъ заслугъ Корнилова—улучшеніе и преобразованіе Севастопольской морской библіотеки. Первое основаніе этому учрежденію, *какъ и всему полезному въ Севастополѣ*, было

положено устроителемъ Черноморскаго флота, адмираломъ Грейгомъ. Впослѣдствіи турецкая война, огромныя постройки, походъ въ Босфоръ, безпрестанныя экспедиціи и крейсерства по Кавказскому берегу отвлекали вниманіе главнаго начальника отъ этого полезнаго учрежденія. Въ началѣ сороковыхъ годовъ оно пришло совершенно въ упадокъ: бо́льшая часть книгъ была „зачитана", газеты и журналы брались на домъ и ихъ читали всѣ, кромѣ тѣхъ, на чьи деньги они выписовались. Лазаревъ возложилъ переустройство библіотеки на Корнилова. Несмотря на сопротивленія многихъ, находившихъ неприличнымъ „толкаться съ мичманами въ журнальной комнатѣ",— благодаря энергіи и дѣятельности Корнилова, Севастопольская библіотека вскорѣ обновилась и приведена въ такое блестящее состояніе, которое отозвалось благодѣтельно на умственномъ развитіи и на нравственности молодыхъ офицеровъ.

Въ 1845-мъ году Корниловъ былъ командированъ въ Англію для надзора за постройкою нѣсколькихъ пароходовъ (въ числѣ ихъ и обезсмертившагося въ 1853-мъ и 1854-мъ годахъ, подъ командою Г. И. Бутакова, парохода *Владиміра*), а въ особенности для изученія образцовой системы управленія морскими силами. „При таинственности англійскаго правительства и даже частныхъ лицъ во всемъ, относящемся до флота", писалъ объ этомъ г. Шестаковъ, лично испытавшій всѣ эти затрудненія, „при неблагопріятномъ взглядѣ на подобныя порученія лицъ, которыя наиболѣе должны были бы споспѣшествовать успѣху ихъ для пользы нашего отечества, собраніе свѣдѣній, относящихся до всего морскаго, въ Англіи чрезвычайно затруднительно". Дѣйствительно: какъ видно изъ писемъ Корнилова, наше посольство въ Лондонѣ, при баронѣ Бруновѣ, неблагосклонно относилось къ русскимъ офицерамъ, командированнымъ для развѣдокъ, не оказывая имъ содѣйствія и даже препятствуя исполненію возложенныхъ на нихъ порученій.

Въ томъ же году, Корниловъ былъ назначенъ начальникомъ штаба Черноморскаго флота; находясь на этомъ посту, онъ оказалъ громадную пользу въ воспитательномъ отношеніи для морской молодежи.

Въ 1850-мъ году Корниловъ имѣлъ счастіе представиться Государю Императору Николаю Павловичу, удостоившему его продолжительною бесѣдою. Корниловъ доложилъ Государю, что „адмиралъ опечаленъ отказомъ суммъ на постройку адмиралтейства"; Царь возразилъ, что для этой постройки нѣтъ денегъ. На вопросъ Его Величества, что̀ сталось съ холмомъ посреди Севастополя, предположеннымъ къ срытію: „Прекрасная площадь", отвѣтилъ Корниловъ, „*ждетъ только адмиралтейства*".

— „Ты Меня соблазняешь", возразилъ Государь, „хотѣлъ бы, да не изъ чего. За что ни возьмемся—вездѣ требуется монета... А механическое заведеніе? Не лучше ли его сдѣлать въ Севастополѣ. Я не въ состояніи устроить два, а какъ часто бываетъ? что въ Николаевѣ запираетъ навигацію льдомъ".

— Адмиралъ Михаилъ Петровичъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду *отдаленіе такого заведенія отъ непріятеля.*

— „*На счетъ этого не опасайтесь*", замѣтилъ Государь.

Въ 1852-мъ воду Владиміръ Алексѣевичъ былъ произведенъ въ вице-адмиралы съ назначеніемъ генералъ-адъютантомъ къ Его Величеству.

Главною заботою Корнилова было усиленіе нашихъ „скудныхъ пароходныхъ средствъ", особенно *винтовыхъ*, которыхъ у насъ, на Черномъ морѣ, вовсе не оказывалось. Корниловъ предвидѣлъ, что, въ случаѣ войны, этотъ недостатокъ обречетъ нашу морскую силу безусловному бездѣйствію. Въ виду этого онъ представилъ записку о числѣ винтовыхъ судовъ въ другихъ государствахъ: въ Англіи уже имѣлось 11 кораблей, 10 фрегатовъ и 22 шлюпа; во Франціи—4 корабля и заложено 3; даже въ Турціи былъ заложенъ одинъ корабль и приспособлялся

другой, 120-ти пушечный. Въ заключеніе записки было сказано: „при такомъ стремленіи морскихъ державъ къ введенію винта, невозможно Черноморскому флоту, составляющему передовой строй имперіи на Востокѣ, избѣгать этого расходнаго нововведенія".

Записка не прошла безслѣдно. Для Чернаго моря немедленно была предписана закладка многихъ винтовыхъ кораблей.

Но—было поздно! Наступилъ 1853-й годъ, и гроза, въ виду которой предпринимались эти мудрыя мѣры,—разразилась ранѣе всякаго ожиданія...

Въ томъ-же году, находясь при чрезвычайномъ посольствѣ князя Менщикова въ Константинополѣ, Корниловъ былъ отправленъ на пароходѣ *Бессарабія* въ Аѳины. На пути отъ Чернаго моря въ Эгейское, онъ провѣрилъ свои описанія, сдѣланныя двадцать лѣтъ назадъ. Именно съ цѣлью провѣрки и былъ онъ прикомандированъ къ посольству князя Меншикова. Какъ объяснить затѣмъ ту непостижимую настойчивость, съ какою князь Меншиковъ тогда объявилъ, что онъ считаетъ безусловно невозможнымъ для нашего флота: „высадивъ десантъ у входа въ Босфоръ, прорваться сквозь проливъ до самаго Золотаго Рога"—когда эта возможность единогласно была засвидѣтельствована союзниками Порты и служила для Англіи основаніемъ политической системы?.. *)

Читателю уже извѣстна лихорадочная дѣятельность Корнилова во второй половинѣ 1853-го года для отысканія турецкаго флота и блестящая побѣда парохода *Владиміръ*. Среди постоянно бурной погоды, адмиралъ бросался по всѣмъ направленіямъ Чернаго моря; ему даже удалось открыть непріятеля, но къ Синопу онъ опоздалъ! Выступивъ 17-го ноября изъ Сева-

*) По несчастію, личныя отношенія между княземъ Меншиковымъ и Корниловымъ были не такого рода, чтобы первый изъ нихъ измѣнилъ свои воззрѣнія на основаніи доводовъ послѣдняго.

стополя, онъ навѣрно поспѣлъ бы къ разгару боя и не далъ бы спастись *Таифу*. Всю ночь Корниловъ мучился опасеніями, что Новосильскій не успѣлъ соединиться съ Нахимовымъ и что турецкая эскадра ушла изъ Синопа. На разсвѣтѣ 18-го числа, пароходъ *Одесса* находился въ такомъ разстояніи отъ Синопа, что берегъ могъ бы быть видѣнъ, но непроницаемый туманъ покрывалъ горизонтъ. Эскадра должна была лечь въ дрейфъ и ожидать. Корниловъ полагалъ, что въ это время его пароходы снесены теченіемъ къ Западу. Командиръ парохода, капитанъ-лейтенантъ Ѳ. С. Кернъ, не раздѣлялъ этого мнѣнія. Наконецъ, туманъ разсѣялся — и открылся берегъ окрестностей Синопа. Вотъ показался и самый городъ; за нимъ, чрезъ перешеекъ, увидали флагъ эскадры Нахимова.... Вскорѣ загремѣла кононада. Корниловъ приказалъ объявить командѣ, что *флагъ не будетъ спущенъ*. Но это уже было объявлено матросамъ храбрымъ командиромъ *Одессы*.... Вотъ показался бѣжавшій *Таифъ*. Завязалась перестрѣлка, вражьи выстрѣлы направились на кожухъ и на палубу *Одессы*. Корниловъ не оставлялъ палубу ни на минуту. Кернъ просилъ адмирала уйти съ этого опаснаго мѣста. „Нахимова могутъ убить — говорилъ Кернъ — и въ такомъ случаѣ на васъ лежала бы обязанность принять начальство надъ флотомъ“. Владиміръ Алексѣевичъ ограничился отвѣтомъ: „я знаю свое мѣсто“, — и остался на палубѣ...

Въ 1854-мъ году Корниловъ вѣровалъ въ неминуемость морскаго сраженія съ союзною эскадрою. Корниловъ упорно отстаивалъ эту мысль противъ требованія князя Меншикова, чтобы у входа въ гавань была потоплена часть нашихъ судовъ. Но краснорѣчіе его оказалось безполезно и онъ покорился... Въ приказѣ по флоту 10-го сентября 1854-го года Корниловъ сказалъ слѣдующія знаменательныя слова: „Товарищи!.. Вы пробовали непріятельскіе пароходы и видѣли корабли его, не нуждающіеся въ парусахъ? Онъ привелъ двой-

ное число такихъ, чтобы наступить на насъ съ моря. Намъ надо отказаться отъ любимой мысли—разразить врага на водѣ! Къ тому же мы нужны для защиты города... Грустно уничтожить свой трудъ!.. но надо покориться необходимости! Москва горѣла, а Русь отъ этого не погибла! напротивъ — встала сильнѣе. Богъ милостивъ. Конечно Онъ и теперь готовитъ вѣрному Ему народу русскому такую же участь".

Со времени потопленія судовъ, вся дѣятельность Владиміра Алексѣевича сосредоточилась на укрѣпленіи Севастополя сначала съ Сѣверной стороны, на которую ожидался немедленный штурмъ непріятеля, за тѣмъ и съ Южной, когда непріятель началъ сосредоточивать противъ нея свои силы. Благодаря Корнилову и Нахимову, при содѣйствіи знаменитаго Тотлебена, къ 5-му октября Севастополь, съ сухопутной стороны, былъ уже приведенъ въ такое положеніе, что первое бомбардированіе могло быть выдержано съ успѣхомъ. Всѣ удивлялись, какъ Корниловъ, при слабомъ тѣлосложеніи, выносилъ эти напряженные труды и безсонныя ночи. Не было ни людей, ни инструментовъ. Все надо было достать, найти во что бы то ни стало. „Я *открылъ* для инженерныхъ работъ около 5000 рабочихъ и инструментовъ", писалъ Корниловъ уже 7-го сентября въ своемъ журналѣ, „и мы въ недѣлю сдѣлали больше, чѣмъ прежде дѣлали въ годъ". „Итого у насъ наберется 5,000 резервовъ и 10,000 морскихъ разнаго оружія, *даже съ пиками*",—записывалъ онъ 14 сентября, — „хорошъ гарнизонъ для защиты лагеря, разбросаннаго на протяженіи многихъ верстъ и перерѣзаннаго балками такъ, что сообщенія прямаго нѣтъ! Но что будетъ, то будетъ!.." Все жило въ постоянномъ ожиданіи штурма. Каждый день дѣлались всевозможныя приготовленія къ нему. Въ одномъ изъ приказовъ, Корниловъ напоминалъ „товарищамъ", что „отступленія не будетъ; сигналовъ ретирады не слушать, и *если я самъ велю отступать—то коли меня!..*"

„Завтра будетъ жаркій день... многіе изъ насъ лягутъ“ сказалъ Корниловъ вечеромъ 4-го октября. „Не время теперь думать о безопасности; если завтра меня гдѣ нибудь не увидятъ, то что̀ обо мнѣ подумаютъ?“ присовокупилъ онъ, когда ему напомнили приказаніе Государя — беречь себя.

И это роковое *завтра* было послѣднимъ днемъ героя!...

5-го октября въ $6^1/_2$ часовъ утра, открылся огонь изъ непріятельскихъ траншей. На 4-мъ бастіонѣ градъ французскихъ снарядовъ перекрещивался и встрѣчался съ англійскими. Корниловъ, съ невозмутимою улыбкою, переходилъ отъ орудія къ орудію, подавая совѣты для ихъ наводки. Переговоривъ съ Новосильскимъ, адмиралъ сѣлъ на лошадь, направляясь къ 5-му бастіону по открытому мѣсту. Сквозь тучу дыма безпрерывно блистали молніи непріятельскихъ выстрѣловъ. Проѣзжая мимо баталіона Тарутинскаго полка, Корниловъ услышалъ, какъ смотрѣвшіе на него солдаты съ восторгомъ приговаривали: „Вотъ этотъ — такъ молодецъ!“ На 5-мъ бастіонѣ засталъ онъ Нахимова. Въ обществѣ моряковъ и орудій и въ оживленномъ *разговорѣ* ихъ съ непріятельскою артиллеріей, Павелъ Степановичъ какъ будто забывалъ мучившую его тоску разлуки съ родными кораблями. По мѣткому замѣчанію г. Жандра, на бастіонѣ Нахимовъ распоряжался, какъ на кораблѣ. Кругомъ обоихъ адмираловъ ядра бороздили землю, били въ лафеты, въ орудія, въ людей; бомбы разрывались то на землѣ, то на воздухѣ; не только земля, камни и осколки, но даже кровь пораженныхъ солдатъ и матросовъ попадала иногда въ адмираловъ. Ихъ пытались отвести отъ опасности. „Зачѣмъ мѣшаете мнѣ исполнить свой долгъ?“ отвѣчалъ Корниловъ, „Мой долгъ — видѣть всѣхъ.“ Между 3-мъ бастіономъ и Малаховымъ курганомъ, адмиралъ опять ѣхалъ за верками, не закрывавшими даже и лошадей. „Живо помню“, писалъ его флагъ-офицеръ Жандръ, „мнѣ

было весело ѣхать съ нимъ... и видѣть, какъ ядра роютъ вокругъ насъ землю... Мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы Ангелъ Смерти коснулся его такъ скоро". Простоявъ довольно долго на курганѣ, Владиміръ Алексѣевичъ сказалъ: „ну, теперь, поѣдемъ домой!.."

Было половина двѣнадцатаго. Адмиралъ спустился, отошелъ нѣсколько шаговъ. Но вдругъ — свистъ и раздался ударъ! Герой упалъ, облитый кровью. Ядро раздробило ему лѣвую ногу у самаго живота!..

Умирающаго положили подъ брустверомъ, между орудіями. „Отстаивайте же Севастополь", сказалъ онъ окружающимъ. На перевязочномъ пунктѣ причастился онъ Св. Таинъ. Его понесли въ госпиталь. „Скажите всѣмъ, какъ пріятно умирать когда совѣсть спокойна... Благослови Господи Россію и Государя, и спаси Севастополь и флотъ!" произнесъ онъ едва внятнымъ голосомъ. Его старались успокоить, что рана его не смертельна. „Нѣтъ, туда, туда—къ Михаилу Петровичу!" отвѣчалъ умирающій. Ему дали успокоительное лекарство. Онъ задремалъ. Но, услышавъ шумъ, страдалецъ спросилъ: „что тамъ такое?" Ему отвѣтили, что лейтенантъ Львовъ привезъ извѣстіе о сбитіи англійскихъ батарей, на которыхъ осталось всего два орудія. „Ура! ура!" угасающимъ голосомъ вымолвилъ адмиралъ...

Это были *послѣднія* его слова. Въ половинѣ четвертаго его не стало...

И вотъ какихъ людей удаляли *тогда* изъ Гвардейскаго Экипажа „за недостаточную бодрость къ фронтовой службѣ"!..

Контръ-адмиралъ Владиміръ Ивановичъ Истоминъ.

Младшій изъ трехъ героевъ-мучениковъ Севастополя принадлежалъ къ семейству, состоявшему изъ пяти братьевъ-моряковъ. Двое изъ нихъ—Андрей и Александръ—погибли въ морѣ. Третій, Владиміръ, палъ смертію храбрыхъ въ Севастополѣ. Владиміръ Ивановичъ родился въ 1811-мъ году. Ему было 11 лѣтъ, когда его сдали въ Морской Кадетскій корпусъ. Воспитаніе кончилъ онъ въ 1827-мъ году, но не былъ произведенъ въ офицеры за недостиженіемъ установленнаго возраста. Въ это время снаряжалась въ Кронштадтѣ эскадра графа Гейдена, для отправленія въ Средиземное море. Благодаря отличнымъ отзывамъ начальства, молодому Истомину посчастливилось поступить въ ея составъ на корабль *Азовъ*, подъ команду Михаила Петровича Лазарева. 8-го октября 1827-го года состоялось Наваринское сраженіе. Юноша Истоминъ принялъ въ немъ дѣятельное участіе въ званіи гардемарина и обратилъ на себя особенное вниманіе своего знаменитаго начальника: графъ Гейденъ лично украсилъ гардемарина знакомъ отличія Военнаго Ордена; сверхъ того, за Наваринъ, 16-ти лѣтній Истоминъ былъ произведенъ въ давно заслуженный имъ по экзамену первый офицерскій чинъ. Возвратясь въ Кронштадтъ, Истоминъ, до 1834-го года, оставался на службѣ въ Балтійскомъ флотѣ. Въ продолженіи трехлѣтней службы Истомина на *Азовѣ*, подъ

непосредственнымъ начальствомъ Лазарева, — достоинства молодаго моряка не ускользнули отъ зоркаго взгляда его начальника: въ 1834-мъ году Истоминъ былъ назначенъ состоять при Лазаревѣ — главномъ командирѣ Черноморскаго флота. Здѣсь, съ 1845-го года, Истоминъ вошелъ въ дружескія сношенія съ Нахимовымъ и Корниловымъ. Въ 1845-мъ году намѣстникъ кавказскій, князь Воронцовъ, обратился къ адмиралу съ просьбою командировать одного изъ лучшихъ офицеровъ для разработки мѣстныхъ морскихъ вопросовъ: былъ избранъ Истоминъ, который и на этомъ поприщѣ умѣлъ заслужить довѣріе, уваженіе и даже пріязнь своего новаго начальства. Первое судно, которымъ командовалъ Истоминъ, была шкуна *Ласточка;* затѣмъ — корветъ *Андромаха*, фрегатъ *Кагулъ*, а въ 1850-мъ году онъ получилъ командованіе 120-ти пушечнымъ кораблемъ *Парижъ*. Старшимъ лейтенантомъ на корветѣ *Андромаха* былъ назначенъ вышедшій „изъ офицерскихъ классовъ“ С. С. Лесовскій и съ этихъ поръ онъ былъ постоянно назначаемъ старшимъ офицеромъ на суда, которыми командовалъ Истоминъ, вполнѣ оцѣнившій морскія познанія и опытность своего молодаго помощника. „Въ Черноморскомъ флотѣ“, гласитъ біографія Истомина, „на который съ тайнымъ недоброжелательствомъ посматривала Англія, корабль *Парижъ* былъ образцовымъ судномъ“.

При всей страсти къ своему дѣлу, Истоминъ не могъ отказать своему умиравшему начальнику въ послѣдней услугѣ: въ 1851-мъ году проводилъ онъ Михаила Петровича, уже изнемогавшаго подъ страшнымъ недугомъ, въ Вѣну, гдѣ и остался при немъ до отправленія его бренныхъ останковъ въ Севастополь.

Наступилъ 1853-й годъ. *Парижъ*, въ составѣ эскадры Новосильскаго, принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ крейсерствахъ по Черному морю въ погонѣ за турецкимъ флотомъ. 16-го ноября эскадра подъ флагомъ Ѳ. М. Новосильскаго соединилась съ блокировавшею Синопъ эскадрою Нахимова. Чи-

тателю извѣстна блестящая роль, исполненная Истоминымъ, съ его кораблемъ *Парижъ*, во время знаменитаго сраженія.

Произведенный за Синопъ въ контръ-адмиралы, Истоминъ получилъ на память отъ своихъ офицеровъ первые адмиральскіе эполеты. Тронутый выраженіемъ привязанности подчиненныхъ, онъ обѣщалъ „никогда" не разставаться съ этими эполетами и сдержалъ слово. Вмѣстѣ съ Нахимовымъ, одинъ Истоминъ не снималъ эполетъ въ продолженіи всей осады Севастополя; съ ними же его убили, съ ними опустили въ могилу...

17-го апрѣля 1854-го года появилась союзная эскадра въ десяти миляхъ предъ Севастополемъ. Одинъ только 2-хъ дечный англійскій винтовой фрегатъ, подъ контръ-адмиральскимъ флагомъ, подошелъ довольно близко и остался тамъ до захожденія солнца, дѣлая различныя эволюціи. Полученное Истоминымъ письмо отъ командира эскадры, его стараго знакомаго, адмирала Лайонса, извѣстило, что, любуясь превосходнымъ военнымъ видомъ русскихъ кораблей, англичанинъ старался заслужить его одобреніе маневрами своего корабля *Агамемнонъ*. Но старанія его оказались напрасными. Моряки наши не одобрили маневровъ: по мнѣнію нашихъ, дурно выправленный рангоутъ кололъ морской глазъ, а вялость переноса парусовъ, при поворотахъ, доказывала неопытность команды.

Послѣ Альминскаго сраженія, Истоминъ былъ назначенъ въ Севастополѣ командиромъ Сѣвернаго укрѣпленія, на которое, какъ на ключъ позиціи, ожидалось нападеніе врага. Въ послѣдствіи, по назначеніи на это мѣсто Корнилова, Истоминъ поступилъ къ нему начальникомъ штаба. Когда союзники сосредоточили всѣ усилія противъ Южной стороны—Истоминъ получилъ командованіе 4-мъ отдѣленіемъ оборонительной линіи (Малаховаго кургана). Курганъ былъ самою важною частью всей Южной стороны. Подъ руководствомъ геніальнаго инженера, подполковника Тотлебена, Малаховъ курганъ, уже при без-

престанныхъ перестрѣлкахъ, былъ приведенъ въ состояніе выдерживать значительный артилерійскій огонь. 5-го октября 1854-го года открылась первая бомбардировка Севастополя съ моря и съ сухаго пути. Противъ кургана дѣйствовали три большія англійскія батареи. Несмотря на огромное превосходство не только числа, но и калибра непріятельскихъ орудій, Истоминъ отстрѣливался съ успѣхомъ. Узнавъ, что Корниловъ объѣзжаетъ линію, онъ послалъ просить его не пріѣзжать на курганъ, въ надеждѣ предохранить друга отъ адскаго огня. Корниловъ не послушался и, нѣсколько минутъ спустя, непріятельское ядро оправдало зловѣщія предчувствія Истомина...

За эту бомбардировку Истоминъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 3-й степени и лестнымъ рескриптомъ Генералъ-адмирала. „Съ этого дня до самой кончины“, говоритъ біографъ, „несмотря на рану руки и контузію головы, Истоминъ буквально ни на одинъ день не покинулъ бастіона, служа образцомъ беззавѣтной храбрости — въ которой его даже упрекали — распорядительности и исполненія своего долга. *Выписавъ себя въ расходъ*, по его собственному выраженію, и *живя на счетъ Англичанъ и Французовъ*, Истоминъ, человѣкъ вѣрующій, сдѣлался совершеннымъ фаталистомъ. Онъ не допускалъ возможности покинуть живымъ Малаховъ курганъ и съ какою-то суровою страстностью исполнялъ свою обязанность. И велика была его сила на курганѣ! Истоминъ и курганъ срослись въ одно нераздѣльное понятіе для Севастополя!“

Въ изданныхъ, вмѣстѣ съ его біографіею, письмахъ Владиміра Ивановича Истомина къ его брату, Константину, геройскій защитникъ Севастополя мало говорилъ о себѣ, но не находилъ выраженій довольно сильныхъ, чтобы передать восторгъ, вызываемый въ немъ геройствомъ нашихъ войскъ... „Скажу тебѣ только“, писалъ, напримѣръ, адмиралъ, „про-

сто не могу надивиться на нашихъ матросовъ, солдатъ и офицеровъ. Такого самоотверженія, такой геройской стойкости пусть ищутъ въ другихъ націяхъ со свѣчей! То, что сыпалось на нашихъ матросовъ, составляющихъ прислугу на батареяхъ, этого не видѣли люди отъ вѣка. Бывали несчастные для насъ выстрѣлы, которые разомъ снимали полъ-прислуги, и, *до приказанія*, уже стояли на ихъ мѣстахъ охотники... Въ продолженіи пушечной работы, изъ 18-ти орудій, дѣйствовавшихъ противъ англійскихъ батарей, у меня разбито 36 станковъ и расколочено 54. За то одну 5-ти пушечную батарею я уничтожалъ сряду три дня, пока враги ея совсѣмъ не бросили... Что также за молодцы наши солдаты! У меня подъ командою Бутырскій полкъ, къ сожалѣнію, въ настоящее время довольно рѣденькій. Его штуцерные занимаютъ обыкновенно дневную цѣпь противъ англійскихъ штуцерныхъ, которые, съ перваго дня ихъ прихода, *уже не приблизились къ моей дистанціи ни на шагъ*. И замѣчательно, что гдѣ не придется солдату нашему сойтиться съ Англичаниномъ лицомъ къ лицу, *онъ его тащитъ за шиворотъ въ плѣнъ*, чѣмъ видимо обличается превосходство нашей славянской расы предъ этими красно-кафтанниками“...

Этихъ выдержекъ изъ писемъ героя достаточно, чтобы указать не только на его скромность, но и на восторженное чувство уваженія къ своимъ подчиненнымъ, которые отвѣчали чудесами самоотверженія, обезсмертившими защиту Малахова кургана. „Всѣ считали Малаховъ курганъ неприступнымъ“, сказано въ донесеніи о кончинѣ Истомина, „потому что съ Истоминымъ *шагъ назадъ былъ невозможенъ*“.

7-го марта 1855-го года, на вновь воздвигнутомъ Камчатскомъ люнетѣ, французское ядро поразило героя въ лицо, оторвало ему голову и разбило его Георгіевскій крестъ... Обезглавленное тѣло, покрытое флагомъ корабля *Парижъ*,

отнесено было въ склепъ, гдѣ уже покоились Лазаревъ и Корниловъ, и въ которомъ Нахимовъ уступилъ Истомину приготовленное себѣ мѣсто...

Адмиралъ Өедоръ Михайловичъ Новосильскій.

„Ө. М. Новосильскій — рыцарь безъ страха и упрека“.

(Изъ рѣчи генералъ-адъютанта С. А. Грейга на юбилейномъ празднествѣ въ честь Ө. М. Новосильскаго).

„Помѣстить въ его фамильный гербъ пистолетъ, какъ орудіе, избранное для взорванія брига на воздухъ, на случай невозможности продолжать оборону“... Кто не знаетъ этого Высочайшаго повелѣнія? Кому неизвѣстно имя героя, заслужившаго такую великую, такую исключительную награду?

Өедоръ Михайловичъ Новосильскій родился въ 1808-мъ году, воспитывался въ Морскомъ Кадетскомъ корпусѣ. Служба Новосильскаго начинается въ званіи гардемарина Балтійскаго флота, когда будущему герою было всего 12 лѣтъ, а три года спустя, онъ былъ уже произведенъ въ мичманы. Всемірная извѣстность Өедора Михайловича пошла съ 1829-го года — со дня знаменитаго сраженія брига *Меркурій* съ двумя линейными турецкими кораблями—и на вѣки упрочилась въ великія годины Синопа и Севастополя...

Сподвижникъ Казарскаго, Нахимова, Корнилова, Истомина, — Новосильскій былъ одинъ изъ самыхъ бравыхъ командировъ въ блестящую эпоху Черноморскаго флота. Первое судно, ввѣренное подъ начальство Новосильскаго—знаменитый бригъ *Меркурій* (1834-й годъ), а затѣмъ, осенью 1838-го года, Өедоръ Михайловичъ былъ уже назначенъ командиромъ 32-го флотскаго экипажа и корабля *Три Святителя*. Глу-

боко изучившій всѣ тонкости морской техники, Новосильскій управлялся съ этимъ огромнымъ стопушечнымъ кораблемъ, какъ съ маленькою яхтою, и любо было глядѣть на маневры корабля-исполина подъ командою славнаго начальника... Не разъ Севастопольская публика Екатерининской пристани — эта настоящая цѣнительница въ морскомъ искуствѣ—встрѣчала громомъ рукоплесканій командира корабля, подъ всевозможными парусами входившаго на рейдъ.....

Лихая команда *„Три Святителя“*, по быстротѣ работъ во время практическихъ плаваній, была *первою* въ дивизіи. Получить такое первенство въ Черноморскомъ флотѣ — *большая* заслуга, и заслуга *великая* самого командира, съумѣвшаго этого достигнуть, не прибѣгая къ крутымъ мѣрамъ при господствѣ идеи страха и суровыхъ наказаній. Ѳедоръ Михайловичъ любилъ,— можно сказать—баловалъ свою команду: теорія „застращиванія“ никогда не была его системою; тѣлесныя наказанія примѣнялись при немъ рѣдко, а впослѣдствіи были почти устранены. За то и любила команда своего отца-командира!....

Основу команды корабля *Три Святителя* Новосильскій унаслѣдовалъ отъ брига *Ѳемистоклъ*, бывшаго передъ тѣмъ въ двукратномъ заграничномъ плаваніи: первый годъ съ В. А. Корниловымъ, а второй—съ Н. Ѳ. Мѣтлинымъ. Какова же была команда, образовавшаяся подъ руководствомъ такихъ свѣдущихъ и такъ горячо любившихъ свое дѣло начальниковъ, какъ Корниловъ, Мѣтлинъ, Новосильскій!...

Къ своимъ офицерамъ Новосильскій былъ всегда внимателенъ и снисходителенъ; за то лучшіе офицеры и старались попасть подъ его начальство.

Мѣриломъ для оцѣнки достоинствъ начальника признается воинскій духъ, который онъ вселяетъ въ своихъ подчиненныхъ. Вотъ одинъ изъ множества характерныхъ случаевъ, наглядно показывающій —какъ смотрѣли офицеры и матросы Новосиль-

скаго на долгъ службы. Однажды, когда корабль только что вошелъ въ гавань, матросъ, работавшій на гикѣ при отвязываніи парусовъ, упалъ за бортъ. Какъ только лейтенантъ П. В. Воеводскій, находившійся на гонъ-декѣ, увидѣлъ это паденіе, онъ сбросилъ съ себя сюртукъ и, не помышляя объ опасности, кинулся въ воду; не ожидая никакихъ приказаній, двое матросовъ бросились за офицеромъ... Утопавшаго спасли; храбрый лейтенантъ и матросы выплыли благополучно. „Рапортъ начальству, представленія къ наградамъ, поздравленія„ —ничуть не бывало: безстрашнымъ матросамъ, спасшимъ товарища съ опасностью для жизни, дали по чаркѣ водки и—всѣ разговоры о подвигѣ прекратились. Забыли даже доложить командиру, такъ что Өедоръ Михайловичъ, не бывшій при этомъ на кораблѣ, только случайно узналъ о происшествіи, спустя нѣсколько дней... *Такъ* смотрѣли на свои обязанности люди, руководимые Новосильскимъ; *такъ* понималась ими идея исполненія присяги... Да, Черноморскій флотъ съ *такими* командирами былъ особаго рода ковчегомъ русской военной дисциплины!

Синопскій разгромъ украсилъ Новосильскаго Георгіемъ третьей степени и вице-адмиральскимъ флагомъ; отбитіе штурма 4-го бастіона въ Севастополѣ доставило ему—еще не имѣвшему звѣзды—прямо Владиміра 1-й степени и золотую саблю, осыпанную брилліантами. Въ 1863-мъ году Өедоръ Михайловичъ получилъ генералъ-адъютантскіе эксельбанты и чинъ адмирала. Послѣднее время адмиралъ состоитъ членомъ Государственнаго Совѣта.

Юбилей адмирала Ө. М. Новосильскаго *).

Юбилейный обѣдъ въ честь адмирала, генералъ-адъютанта, члена Государственнаго Совѣта Ө. М. Новосильскаго отпразд-

*) Помѣщаемое здѣсь описаніе перепечатывается изъ стенографическаго отчета *Московскихъ Вѣдомостей* за 1873-й годъ (№ 52). Этимъ я исполняю просьбу многихъ моряковъ, пожелавшихъ, чтобы воспроизведена была настоящая замѣтка.
Авт.

нованъ въ Петербургѣ 25-го февраля 1873-го года. Торжество имѣло особое свойство задушевности и товарищества. Болѣе 100 человѣкъ сидѣли за столомъ въ роскошно убранной залѣ Въ срединѣ помѣщался портретъ юбиляра, окруженный медальонами съ надписями: *Меркурій, Три Святителя, Синопъ и Севастополь*. Послѣ Царственныхъ тостовъ, всегда и повсюду принимаемыхъ съ восторгомъ, капитанъ 1-го ранга Асланбеговъ описалъ, предъ тостомъ въ честь юбиляра, главные моменты его многолѣтней и боевой дѣятельности. Перечень столькихъ заслугъ и отличій былъ покрытъ громомъ рукоплесканій, сопровождавшихъ и самый тостъ. Одушевленные воспоминаніями, сподвижники и подчиненные адмирала обращались къ присутствовавшимъ съ теплыми словами и разсказами о подвигахъ юбиляра, коихъ они были очевидцами. Адмиралы Воеводскій и Шкотъ, генералъ-адъютанты Тотлебенъ, Поповъ, товарищъ морскаго министра Лесовскій и многіе другіе передавали такимъ образомъ застольную біографію моряка-ветерана, котораго, въ нѣсколькихъ словахъ, генералъ-адъютантъ Грейгъ провозгласилъ рыцаремъ *безъ страха и упрека*. Послѣ тостовъ въ честь генералъ-адъютантовъ Тотлебена и Хрущова, въ концѣ обѣда, полковникъ Е. В. Богдановичъ, служившій мичманомъ на кораблѣ *Трехъ Святителей*, сказалъ слѣдующее привѣтствіе виновнику торжества:

„Мм. Гг.—Сегодня почтенному юбиляру сказались Царская милость, горячее сочувствіе сослуживцевъ, единодушныя поздравленія друзей, знакомыхъ и подчиненныхъ. Въ Петербургѣ, Кронштадтѣ и Севастополѣ сегодня ведется рѣчь о полувѣковыхъ заслугахъ адмирала Новосильскаго.

„Что же я, давнымъ-давно выбывшій изъ семьи мореходцевъ, скажу на заздравной тризнѣ, надъ которой носятся безсмертныя тѣни Грейга, Лазарева, Казарскаго *) и Нахимова? Онѣ здѣсь теперь, онѣ всегда будутъ присутствовать тамъ, гдѣ рѣчь о доблестяхъ ихъ учениковъ и товарищей, о воспоминаніяхъ и надеждахъ флота, ими прославленнаго.

*) Командиръ брига *Меркурій*.

„Славныя остались воспоминанія, свѣтлыя рождаются надежды... Живо помню я—какимъ духомъ, какимъ товариществомъ, какою отвагой отличались въ Севастополѣ молодые моряки, съ которыми я имѣлъ честь служить. Живо помню я—какъ передавался тогда разсказъ о бригѣ *Меркурій* и о томъ молодомъ офицерѣ, который вынесъ на палубу пистолетъ, чтобы взорваться, буде оборона противъ двухъ кораблей окажется невозможною.

„Этотъ разсказъ такъ одушевлялъ нашу молодежь, что каждый гардемаринъ, каждый мичманъ уже не допускалъ мысли, чтобы можно было поступить иначе. Каждый чувствовалъ въ себѣ довольно духа, чтобы зарядить пистолетъ и стать у крютъ-камеры, *) и никому не вѣрилось, чтобы существовалъ гдѣ нибудь непріятель, предъ которымъ русскій флагъ могъ бы преклониться... И это самое убѣжденіе было не въ однихъ словахъ, оно доказалось на дѣлѣ. Въ годину *Севастопольской славы* весь флотъ порѣшилъ на самоубійство! Но, предъ кончиной, онъ далъ знать себя въ Синопѣ, записавъ въ исторію имена Нахимова и Новосильскаго, а потомъ онъ вошелъ, гремящій, въ извѣстную вамъ бухту, чтобъ отслужить свою послѣднюю службу и увѣковѣчить свой послѣдній день...

„Когда наступила минута великой жертвы, припомнился пистолетъ брига *Меркурія*, но на этотъ разъ спасенія уже быть не могло, и русскія пушки начали пробивать русскіе корабли. Спустились суда во влажную могилу, одинъ *Трехъ Святителей* долго не хотѣлъ идти ко дну. Грозный, величавый, и какъ бы задумчивый, какъ бы несогласный съ настоящимъ и помышляющій о будущемъ, весь пробуравленный выстрѣлами *Громоносца*, **) онъ долго глядѣлъ на Севастополь и, наконецъ, пошатнулся....

„Намедни я сравнивалъ Севастополь съ Москвою. Москва воскресла краше прежняго! Какъ же не воскреснуть Севастопольскому флоту?

. . . .

„Мм. гг. Годами я приближаюсь къ старости, но, по морской службѣ, я остался мичманомъ сороковыхъ годовъ. Меня сбила съ пути неумолимая морская болѣзнь, которой я однако обязанъ, что сегодня здѣсь—я *единственный* молодой мичманъ старыхъ временъ.... Я служу на кораблѣ *Трехъ Святителей*. Вахтенный лейтенантъ Андрей Александровичъ Поповъ ***) строго меня муштруетъ. Капитанъ корабля Ѳедоръ Михайловичъ Новосильскій ко мнѣ милостивъ, а товарищи—веселые, беззаботные на берегу, точные и усердные на службѣ, образовали *такой* кружокъ, отъ котораго бы вѣкъ не отсталъ. На берегу—жизнь на распашку; на кораблѣ—суровый долгъ... Можно сказать, что Черноморскій флотъ былъ особаго рода ковчегомъ *русской военной дисциплины*....

„Да послужитъ же онъ образцомъ для настоящаго молодаго поколѣнія!...

„Позвольте мнѣ провозгласить тостъ за юношей, начинающихъ подвизаться на службѣ во флотѣ. Позвольте мнѣ пожелать имъ, чтобы они послѣдовали примѣру, который у нихъ предъ глазами, и на дѣлѣ доказали бы современемъ, что они *достойные* потомки Корнилова, Нахимова, Истомина и Новосильскаго. *Ура!*..

---

*) Складъ пороха на кораблѣ.

**) Пароходъ.

***) Нынѣ вице-адмиралъ, генералъ-адъютантъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Письмо императора Французовъ.

Тюльерійскій дворецъ, 22-ое января 1854 года.

„Разногласіе, возникшее между Вашимъ Величествомъ и Портою Оттоманскою, достигло такой степени важности, что я считаю долгомъ своимъ объяснить прямо Вашему Величеству, какое участіе Франція принимала въ семъ дѣлѣ и какія средства представляются мнѣ для устраненія опасностей, угрожающихъ спокойствію Европы.

„Въ нотѣ, представленной, по повелѣнію Вашего Величества, моему кабинету и кабинету королевы Викторіи, стараются доказать, что система понужденія, принятая морскими державами съ самаго начала, одна разстроила вопросъ. Мнѣ же кажется, что вопросъ этотъ остался бы дѣломъ кабинетнымъ, еслибы занятіе Княжествъ *не превратило вдругъ переговоровъ въ дѣйствія* *). Между тѣмъ, и по вступленіи войскъ Вашего Величества въ Валахію, мы приглашали Порту не считать этого занятія поводомъ къ войнѣ, свидѣтельствуя тѣмъ о крайнемъ желаніи нашемъ достигнуть примиренія. Согласившись съ Англіею, Австріею и Пруссіею, я предложилъ Вашему Величеству ноту, *которая была бы удовлетворительна для обѣихъ сторонъ. Ваше Величество ее приняли*, но лишь только мы получили сіе благопріятное извѣстіе, какъ Вашъ министръ, объяснительными къ ней примѣчаніями **), уничтожилъ весь успѣхъ примиренія, и воспрепятствовалъ намъ настаивать въ Константинополѣ на простомъ и безусловномъ принятіи ея. Порта, съ своей стороны, предложила сдѣлать въ проектѣ ноты измѣненія, которыя, по мнѣнію представителей четырехъ державъ въ Вѣнѣ, могли быть допущены. Они не были одобрены Вашимъ Величествомъ. Тогда Порта, оскорбленная въ своемъ достоинствѣ, угрожаемая въ своей независимости, отягощенная уже сдѣланными ею усиліями для противопоставленія войска арміямъ Вашего Величества, предпочла объявленіе войны этому положенію, перѣшительному и унизительному. Она просила

*) Развѣ это превращеніе уже не было сдѣлано прибытіемъ флотовъ въ Безику, предшествовавшимъ занятію Княжествъ. *Авт.*

**) Это были примѣчанія, сообщенныя Австріи вслѣдствіе пресловутой „канцелярской оплошности“ нашего министерства и немедленно переданныя Австріею западнымъ державамъ. *Авт.*

нашего пособія; дѣло ея казалось намъ справедливымъ. Эскадры англійская и французская получили приказаніе войти въ Босфоръ *).

„Мы приняли въ отношеніи къ Турціи положеніе покровительствующее, но не дѣйствующее. Мы не поощряли ее къ войнѣ. Мы безпрерывно подавали султану совѣты о миролюбіи и умѣренности, увѣренные, что этимъ средствомъ достигнемъ примиренія, и четыре державы вновь согласились представить Вашему Величеству другія предложенія. Ваше Величество, съ своей стороны, являя спокойствіе, порождаемое сознаніемъ своей силы, ограничивались какъ на лѣвомъ берегу Дуная, такъ и въ Азіи, отраженіемъ нападенія Турокъ, и съ умѣренностью, достойною Владыки великой Имперіи, объявили, что будете оставаться въ оборонительномъ положеніи. Итакъ, дотолѣ мы были, могу сказать, внимательными зрителями военныхъ дѣйствій, но не принимали въ нихъ участія. Вдругъ *Синопское дѣло заставило насъ принять положеніе болѣе рѣшительное.* Франція и Англія не считали полезнымъ посылать десантныя войска на помощь Турціи. Итакъ, ихъ флагъ не принималъ участія въ дѣлахъ, происходившихъ на сушѣ. На морѣ было иное. Три тысячи орудій при входѣ въ Босфоръ, присутствіемъ своимъ, довольно громко говорили Турціи, что двѣ первенствующія морскія державы не дозволятъ напасть на нее на морѣ. Синопское происшествіе было намъ и оскорбительно, и неожиданно. *Не важно то, хотѣли ли Турки перевезти военные запасы на русскіе берега* **), дѣло въ томъ, что русскіе корабли напали на суда турецкія на водахъ Турціи, стоявшія спокойно въ турецкомъ портѣ. Въ этомъ случаѣ оскорбленіе нанесено было не политикѣ нашей, а нашей военной чести. Пушечные выстрѣлы Синопа грустно отозвались въ сердцахъ тѣхъ, кто въ Англіи и Франціи живо чувствуетъ національное достоинство. Воскликнули единогласно: „союзники наши должны быть уважаемы вездѣ, куда могутъ достигнуть наши выстрѣлы“. По сему дано было нашимъ эскадрамъ предписаніе войти въ Черное море, и, если нужно, силою воспрепятствовать повторенію подобнаго событія. Послано было С.-Петербургскому кабинету общее объявленіе съ извѣщеніемъ, что если мы станемъ препятствовать Туркамъ къ перенесенію войны на берега, принадлежащіе Россіи, то будемъ покровительствовать снабженію ихъ войскъ на ихъ собственной землѣ. Что же касается до русскаго флота, то, препятствуя ему въ плаваніи по Черному морю, мы поставляемъ его въ иное положеніе, ибо надлежало, на время войны, сохранить залогъ, равносильный владѣніямъ турецкимъ, занятымъ Русскими, и облегчить такимъ образомъ заключеніе войны, имѣя способъ къ обоюдному обмѣну.

„Вотъ, Государь, точный ходъ и послѣдовательность событій. Ясно, что по достиженіи ими сей степени, они должны привести или къ окончательному соглашенію, или къ рѣшительному разрыву.

„Ваше Величество подали столько свидѣтельствъ попечительности своей о сохраненіи Европы, содѣйствовали тому такъ могущественно своимъ благодѣтельнымъ вліяніемъ противъ духа безпорядка, что я не сомнѣваюсь въ томъ, которую часть вы изберете изъ представленныхъ Вамъ на выборъ. Если Ваше Величество, подобно

---

*) Онѣ вступили *до объявленія войны.* *Авт.*

**) Нападеніе Турокъ на русскую территорію было не важно, а было важно одно нападеніе Русскихъ въ турецкихъ водахъ! Это называется справедливостью! *Авт.*

мнѣ, желаете миролюбиваго окончанія, этого можно достигнуть очень просто объявленіемъ, что дѣла пойдутъ своимъ дипломатическимъ порядкомъ, что всякое непріязненное дѣйствіе прекратится, и что всѣ воюющія силы оставятъ тѣ мѣста, куда призваны были по поводу войны.

„Итакъ, русскія войска вышли бы изъ Княжествъ, а наша эскадра изъ Чернаго моря. Такъ какъ Ваше Величество предпочитаете вести переговоры прямо съ Турціею, то *Вы назначили бы посла* для заключенія съ уполномоченнымъ султана конвенціи, которая потомъ была бы представлена *конференціи четырехъ державъ*. Въ случаѣ принятія сего плана, въ которомъ мы съ королевою Викторіею совершенно согласны, спокойствіе будетъ возстановлено, и свѣтъ удовлетворенъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ семъ планѣ не заключается ничего такого, что могло бы оскорбить честь Вашу. Но когда, по причинамъ, которыя трудно понять, Ваше Величество будете отвѣчать отказомъ, тогда Франція, какъ и Англія, будетъ принуждена предоставить жребію оружія и случайностямъ войны рѣшеніе, котораго можно было бы теперь достигнуть разсудкомъ и справедливостью.

„Не думайте, Ваше Величество, чтобъ въ моемъ сердцѣ была малѣйшая непріязненность: я питаю только тѣ чувства, которыя Ваше Величество выразили въ письмѣ ко мнѣ отъ 17-го января 1853-го года: „Наши отношенія должны быть искренне дружественныя и основываться на однихъ и тѣхъ же намѣреніяхъ: сохраненія порядка, миролюбія, уваженія къ трактатамъ и взаимной благопріязни“. Эта программа достойна Государя, начертавшаго оную, и я, не колеблясь, скажу, что пребылъ ей вѣренъ.

„Прошу Ваше Величество вѣрить искренности моихъ чувствъ, и съ сими чувствами пребываю,

Государь,
Вашего Величества,
добрый другъ
Наполеонъ“.

II.

Отвѣтъ Его Величества Императора Николая Павловича.

Санктпетербургъ, 28-ое января (9-ое февраля) 1854 г.

Государь!

„Не могу лучше отвѣчать Вашему Величеству, какъ повтореніемъ сказанныхъ Мною словъ, которыми оканчивается Ваше письмо: „Наши сношенія должны быть искренне-дружественныя и основываться на однихъ и тѣхъ же намѣреніяхъ: сохраненія порядка, миролюбія, уваженія къ трактатамъ и взаимной благопріязни“. Принимая сію программу, какъ Я начерталъ оную Самъ, Вы утверждаете, что пребыли ей вѣрны. Смѣю думать, и Меня въ томъ удостовѣряетъ совѣсть, что Я отъ нея не уклонялся, ибо въ дѣлѣ, раздѣляющемъ Насъ и возникшемъ не по Моей винѣ,

Я всегда старался о сохраненіи благопріятныхъ сношеній съ Франціею и съ величайшимъ раченіемъ избѣгалъ встрѣтиться на этомъ поприщѣ съ выгодами религіи, исповѣдуемой Вашимъ Величествомъ; дѣлалъ для поддержанія мира всѣ уступки въ формѣ и въ существѣ, какія только допускала честь Моя, и требуя для Моихъ единовѣрцевъ въ Турціи утвержденія правъ и преимуществъ, пріобрѣтенныхъ для нихъ издавна цѣною русской крови, не искалъ ничего такого, что не истекало бы изъ трактатовъ. Еслибъ Порта была предоставлена самой себѣ, раздоръ, приводящій въ недоумѣніе Европу, давно былъ бы прекращенъ. Бѣдственное вліяніе одно тому воспрепятствовало. Возбуждая неосновательныя подозрѣнія, распаляя фанатизмъ Турокъ, представляя правительству ихъ Мои намѣренія и истинное значеніе Моихъ требованій въ ложномъ видѣ, этому вопросу были даны такіе обширные размѣры, что изъ него неминуемо должна была возникнуть война.

„Ваше Величество позволите Мнѣ не входить въ подробности объ обстоятельствахъ, изложенныхъ въ письмѣ Вашемъ съ особенной Вашей точки зрѣнія. Многія дѣйствія Мои оцѣняются въ немъ, по Моему мнѣнію, не по всей точности; многіе случаи, изложенные превратно, потребовали бы, для представленія ихъ въ надлежащемъ видѣ, по крайней мѣрѣ какъ Я ихъ понимаю, слишкомъ подробныхъ толкованій, несовмѣстныхъ съ перепиской между царственными лицами. Такимъ образомъ, Ваше Величество полагаете занятіе Княжествъ виною быстраго превращенія переговоровъ въ дѣйствія. Но Вы упускаете изъ виду, что этому занятію, еще только временному, предшествовалъ и преимущественно подалъ поводъ случай весьма важный—появленіе союзныхъ флотовъ вблизи Дарданеллъ, да и гораздо прежде того, когда Англія колебалась еще принять понудительное положеніе противъ Россіи, Ваше Величество предупредили ее отправленіемъ своего флота въ Саламинъ. Это оскорбительное дѣйствіе возвѣщало, безспорно, малое ко Мнѣ довѣріе. Оно должно было поощрить Турокъ и заранѣе препятствовать успѣху переговоровъ, показавъ имъ, что Франція и Англія готовы поддерживать ихъ дѣло во всякомъ случаѣ. Такимъ же образомъ Ваше Величество говорите, что объяснительныя заключенія Моего кабинета къ Вѣнской нотѣ поставили Францію и Англію въ невозможность побуждать Порту къ принятію оной. Но Ваше Величество можете вспомнить, что Наши замѣчанія не предшествовали отказу въ простомъ и безусловномъ принятіи ноты, а послѣдовали за нимъ, и Я полагаю, что еслибъ сіи державы сколько нибудь дѣйствительно желали сохраненія мира, онѣ должны были бы съ самаго начала содѣйствовать простому и безусловному принятію ноты и не допускать со стороны Порты измѣненія того, что Мы приняли безъ всякой перемѣны. Впрочемъ, еслибъ которое либо изъ Нашихъ замѣчаній могло подать поводъ къ затрудненіямъ, Я сообщилъ въ Ольмюцѣ достаточное имъ поясненіе, которое Австрія и Пруссія признали удовлетворительнымъ. Къ несчастью, въ этотъ промежутокъ времени часть англо-французскаго флота вошла уже въ Дарданеллы, подъ предлогомъ охраненія жизни и собственности англійскихъ и французскихъ подданныхъ, а для входа всего флота, безъ нарушенія трактата 1841 года, надлежало, чтобъ Оттоманское правительство объявило бы Намъ войну. По моему мнѣнію, еслибъ Франція и Англія желали мира какъ Я, имъ слѣдовало, во что бы ни стало, препятствовать этому объявленію войны, или, когда уже война была объявлена, употребить всѣ старанія, чтобъ она ограничивалась тѣсными предѣ-

лами, которыми Я желалъ оградить ее на Дунаѣ, чтобъ Я не былъ насильно выведенъ изъ чисто оборонительной системы, которую желалъ сохранить. Но съ той поры, какъ позволили Туркамъ напасть на Наши азіатскія границы, захватить одинъ изъ Нашихъ пограничныхъ постовъ (даже до срока, назначеннаго для открытія военныхъ дѣйствій); обложить Ахалцыхъ и опустошить Армянскую область; съ тѣхъ поръ, какъ дали турецкому флагу свободу перевозить на Наши берега войска, оружіе и снаряды, — можно ли было благоразумно надѣяться, что мы спокойно будемъ ожидать послѣдствія такихъ покушеній? Не слѣдовало ли предполагать, что Мы употребимъ всѣ средства для воспрепятствованія этому? За тѣмъ случилось Синопское дѣло. Оно было неминуемымъ послѣдствіемъ положенія, принятаго обѣими державами, и это происшествіе, конечно, не могло имъ показаться *непредвидѣннымъ* *). Я объявилъ, что желаю оставаться въ оборонительномъ положеніи, но объявилъ это прежде, нежели вспыхнула война, доколѣ Моя честь и Мои выгоды это дозволяли, доколѣ война оставалась въ извѣстныхъ предѣлахъ. Все ли было сдѣлано для того, чтобъ эти предѣлы не были нарушены? Когда Ваше Величество, не довольствуясь быть зрителемъ, или даже посредникомъ, положили стать вооруженнымъ пособникомъ Моихъ враговъ, тогда, Государь, было бы гораздо прямѣе и достойнѣе Васъ, предварить Меня о томъ откровенно, объявивъ Мнѣ войну. Тогда всякъ зналъ бы, что ему дѣлать. Но справедливо-ли обвинять Насъ въ событіи по совершеніи онаго, когда сами ни коимъ образомъ его не предупреждали? Если пушечные выстрѣлы въ Синопѣ грустно отозвались въ сердцѣ тѣхъ, кто во Франціи и Англіи живо чувствуетъ народное достоинство, неужели Ваше Величество думаете, что грозное присутствіе при входѣ въ Босфоръ трехъ тысячъ орудій, о которыхъ Вы говорите, и вѣсть о входѣ ихъ въ Черное море не отозвались въ сердцѣ народа, честь котораго Я защищать обязанъ? Я узналъ отъ Васъ впервые (ибо въ словесныхъ объявленіяхъ, сдѣланныхъ Мнѣ здѣсь, этого сказано не было), что, покровительствуя снабженію припасами турецкихъ войскъ на собственной ихъ землѣ, обѣ державы рѣшились препятствовать Нашему плаванію по Черному морю, т. е. вѣроятно, снабженію припасами собственныхъ Нашихъ береговъ. Предоставляю на судъ Вашего Величества, облегчается ли этимъ, какъ говорите, заключеніе мира, и дозволено ли Мнѣ при этомъ выборѣ одного изъ двухъ предложеній не только разсуждать, но и помыслить на одно мгновеніе, о Вашихъ предложеніяхъ перемирія, о немедленномъ оставленіи Княжествъ и о вступленіи въ переговоры съ Портою для заключенія конвенціи, которая потомъ была бы представлена конференціи четырехъ державъ? Сами Вы, Государь, еслибъ Вы были на Моемъ мѣстѣ, неужели согласились бы принять такое положеніе? Могло ли бы чувство народной чести Вамъ то дозволить? Смѣло отвѣчаю: нѣтъ! Итакъ, дайте Мнѣ право мыслить такъ, какъ Вы. На что бы Ваше Величество ни рѣшились, Я не отступлю ни передъ какою угрозою. Довѣряю Богу и моему праву, и Россія, ручаюсь въ томъ, явится въ 1854-му году такою же, какою была въ 1812-мъ.

„Если при всемъ томъ Ваше Величество, съ меньшимъ равнодушіемъ къ Моей чести, возвратитесь чистосердечно къ Нашей обоюдной программѣ, если Вы пода-

---

*) Это слово подчеркнуто въ самомъ текстѣ Царственнаго письма. *Авт.*

дите Мнѣ отъ сердца Вашу руку, какъ я Вамъ предлагаю Свою въ эти послѣднія минуты, то Я охотно забуду все, что въ прошедшемъ могло бы быть для Меня оскорбительнымъ. Тогда, Государь, но только тогда, Намъ можно будетъ вступить въ сужденія, и, можетъ быть, согласиться. Пусть Вашъ флотъ ограничится удержаніемъ Турокъ отъ доставленія новыхъ силъ на театръ войны. Охотно обѣщаю, что имъ нечего будетъ страшиться Моихъ нападеній. Пусть они пришлютъ уполномоченнаго ко Мнѣ для переговоровъ. Я приму его съ надлежащимъ приличіемъ. Вотъ единственное основаніе, на которомъ Мнѣ позволено вести переговоры.

„Прошу Ваше Величество вѣрить искренности чувствъ, съ коими пребываю,

Государь,

Вашего Величества

добрый другъ

Николай".

III.

Депеша графа Кларендона сэръ Гамильтонъ Сеймуру.

Министерство иностранныхъ дѣлъ 27-ое декабря 1853 года.

М. Г. До правительства Ея Величества дошло изъ Константинополя достовѣрное извѣстіе, что 30-го прошлаго мѣсяца стоявшая на якорѣ предъ Синопомъ турецкая эскадра совершенно истреблена далеко превосходящею ее русскою силою, что погибло 4000 Турокъ и что найденные англійскими и французскими кораблями оставшіеся въ живыхъ Турки, число коихъ не превышаетъ 400, всѣ болѣе или менѣе серьезно ранены.

Чувство негодованія, которое должно было вызвать это *вопіющее побоище*, безъ различія званій и сословій раздѣляется всѣми подданными Ея Величества.

Обстоятельства, при которыхъ совершилось это несчастное событіе, имѣютъ большое значеніе, поэтому необходимо, чтобы относительно ихъ не было бы недоразумѣнія между правительствомъ Ея Величества и с.-петербургскимъ кабинетомъ.

Отправленіе въ Константинополь союзныхъ флотовъ имѣло цѣлію не нападеніе на Россію, *а защиту Турціи* (?); французскимъ и англійскимъ адмираламъ было предписано не принимать наступательнаго положенія, но считать своею задачею лишь *защиту турецкой территоріи противъ нападеній* (!).

27-го октября сообщили вы графу Нессельроде содержаніе этихъ инструкцій, также какъ и цѣль, для коей предназначался флотъ Ея Величества, и правительство Ея Величества надѣялось *), что этого сообщенія, сдѣланнаго относительно Россіи *не въ недружелюбномъ смыслѣ* (!!) окажется достаточно, чтобы предупредить нападеніе на турецкую гавань, составляющую турецкую территорію.

---

*) Оно не имѣло права питать такой надежды, такъ какъ русское правительство протестовало тогда же противъ заявленнаго ему вопіющаго притязанія Англіи. *Авт.*

Еслибы, какъ сказано въ депешѣ князя Меншикова князю Горчакову, турецкая эскадра готовилась бы высадить у Сухумъ-Кале десантъ; еслибы русскій флотъ засталъ и истребилъ бы ее на русскомъ азіятскомъ побережьи,—то правительство Ея Величества, какъ бы ни жалѣло оно о такой несчастной потерѣ людей, все таки взирало бы на нее какъ на обыкновенную, хотя и прискорбную случайность войны. Но эскадра султана была истреблена пока она стояла на якорѣ въ турецкой гавани, и гдѣ, еслибы при этомъ присутствовали флоты Англіи и Франціи, они защитили бы ее и отбили бы нападеніе.

Русскій адмиралъ долженъ былъ дѣйствовать по приказанію своего правительства, которому очень хорошо было извѣстно содержаніе инструкцій, съ коими должны были соображаться адмиралы Франціи и Англіи. По этому правительство Ея Величества принуждено признать, что умышленное нападеніе въ Синопской гавани относилось *не къ одному турецкому флоту* (!).

Событія послѣднихъ шести мѣсяцевъ и образъ дѣйствія англійскаго и французскаго правительствъ являютъ достаточно доказательствъ ихъ желанія сохранить дружественныя отношенія съ Россіею (!!) и достигнуть полнаго разрѣшенія спора между этою державою и Портою; но с.-петербургскій кабинетъ очень ошибался, принимая умѣренность за равнодушіе, или расчитывая на малѣйшій недостатокъ твердости при проведеніи той политики, которую эти правительства предприняли съ соображеніемъ какъ своихъ собственныхъ, такъ и европейскихъ интересовъ.

Правительство Ея Величества не разсталось съ надеждою на возможность возстановленія мира, такъ какъ ему все не вѣрится, чтобы осуществленію выясненныхъ намѣреній Россіи способомъ, согласнымъ съ достоинствомъ и независимостью Порты, противилось бы какое нибудь непреодолимое препятствіе. И правительству Ея Величества доставило бы настоящее удовольствіе еслибы, впродолженіи переговоровъ, соединенные флоты могли бы остаться на якорѣ, въ Босфорѣ. Но это оказалось невозможнымъ *вслѣдствіе нападенія на турецкую эскадру при Синопѣ. Уже давно сообщенныя Портѣ намѣренія англійскаго и французскаго правительствъ* *) должны быть исполнены твердо и точно. Съ этою цѣлію, хотя *и безъ непріязненнаго относительно Россіи намѣренія* (!), необходимо, чтобы соединенные флоты господствовали бы на Черномъ морѣ, и согласныя съ этимъ надлежащія инструкціи уже отправлены посланникамъ и адмираламъ Англіи и Франціи.

Сообщая графу Нессельроде о состоявшемся отправленіи такихъ инструкцій, вы примете въ руководство языкъ настоящей депеши и извѣстите его превосходительство, что, дабы *предупредить повтореніе подобныхъ Синопскому несчастій,* соединенные флоты потребуютъ отъ русскихъ военныхъ судовъ, — а, въ случаѣ надобности, *и принудятъ ихъ* къ тому, — чтобы они возвращались въ Севастополь, или въ ближайшую русскую гавань, при чемъ, само собою разумѣется, что турецкій флотъ не долженъ будетъ предпринимать на морѣ *наступательныхъ дѣйствій,* пока дѣла останутся въ ихъ настоящемъ положеніи.

---

*) Что же удивительнаго послѣ этого въ упорствѣ, также „*уже давно*" оказываемомъ Портою всѣмъ справедливымъ требованіямъ Россіи, и не оправдывается ли послѣ этого мнѣніе, выраженное въ письмѣ императора Всероссійскаго императору Наполеону, что еслибы Порта была предоставлена самой себѣ, то она не оказала бы этого упорства? *Авт.*

IV.

Возраженія графа Нессельроде на заявленіе сэръ Гамильтонъ Сеймура по поводу Синопскаго сраженія.

Извлечено изъ депеши Сеймура Кларендону отъ 26-го декабря 1853 года.

„...Я сказалъ графу: Турція должна быть защищена противъ нападенія. Правительство Ея Величества обязалось защищать ее и это обязательство должно быть исполнено. Побѣда надъ Турками при Синопѣ произвела въ Англіи *чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе.* На нее можно взирать, какъ на впередъ обдуманное оскорбленіе Западныхъ державъ. Но разсказъ объ этомъ дѣлѣ не вѣренъ. Неправда, что турецкая эскадра имѣла съ собою десантныя войска, назначенныя для нападенія на Сухумъ-Кале. Суда ея были нагружены припасами *для Батума* и были истреблены въ гавани, которую Англія обязалась защищать.

„Графъ Нессельроде прервалъ рѣчь мою завѣреніемъ, что совершенно неосновательно предположеніе, будто русское правительство имѣло намѣреніе нанесть оскорбленіе Англіи и Франціи. Все, что случилось, есть неизбѣжное послѣдствіе припятаго Западными державами и навязаннаго Россіи положенія. Турція—сказалъ графъ—объявляетъ намъ войну; она открываетъ военныя дѣйствія даже до истеченія ею самою назначеннаго срока; она вторгается въ наши предѣлы, захватываетъ у насъ небольшую *крѣпость* (!!), которую она и до сихъ поръ занимаетъ, и вы порицаете насъ за то, что на военныя дѣйствія мы отвѣчаемъ военными дѣйствіями? Вы должны бы помнить, что мы состоимъ въ войнѣ съ Турціею, что никогда не было слышно о войнѣ, которая не сопровождалась бы такими фактами, какъ тѣ, кои вы ставите намъ въ упрекъ. Наше нападеніе было не что иное, какъ *дѣйствіе оборонительное,*—такъ какъ всѣмъ извѣстно, что турецкія суда были нагружены военными припасами, назначенными для воюющихъ на нашей границѣ племенъ.

„Это послѣднее мнѣніе, возразилъ я, касается флота, на счетъ коего мое толкованіе противорѣчитъ вашему. Повторяю—*турецкія суда везли турецкіе припасы въ турецкій городъ...* Послѣ всего происшедшаго не можетъ быть долго отсрочено вступленіе нашихъ флотовъ въ Черное море.

„Канцлеръ возразилъ, что онъ очень хорошо понимаетъ чувства, высказавшіяся во Франціи и въ Англіи *(по поводу Синопа)*, но что въ извѣстіи о нихъ онѣ не находятъ еще достаточнаго основанія, чтобы думать, что суда Ея Величества уже вторглись въ Черное море и что вообще уже окончательно рѣшено это вторженіе; что же касается намѣренія бомбардировать Варну, то *у русскаго правительства оно вовсе не существуетъ.*

„Послѣ этого, думая, что русскому правительству было дано мною *полезное предостереженіе*, мы стали говорить о другихъ предметахъ..."

Итакъ, русскій канцлеръ, оправдываясь предъ англійскимъ посланникомъ, *какъ обвиняемый предъ судомъ,* старается извинить предъ нимъ Синопскую побѣду тѣмъ, что приписываетъ ей характеръ *дѣйствія оборонительнаго*, какъ будто

всякое наступательное дѣйствіе Россіи ужъ окончательно признается имъ *незаконнымъ*. Канцлеръ допускаетъ перенесеніе спора на вопросъ о томъ: въ турецкую или въ русскую гавань (Батумъ или Сухумъ) назначались военные припасы, нагруженные на истребленной въ Синопѣ турецкой эскадрѣ, какъ будто уже соглашаясь съ тѣмъ, что въ первомъ случаѣ русская эскадра *не имѣла права нападать на турецкую*, тогда какъ въ сущности для Россіи было все равно: Черкесамъ ли назначены эти военные припасы, или назначены они стоявшей въ Батумѣ турецкой арміи, — *той самой арміи, коей авангардъ уже стоялъ на русской территоріи*, въ Св. Николаѣ,—такъ какъ и въ этомъ случаѣ означенные припасы все таки назначались для *стоявшаго на русской территоріи непріятеля*. Но, даже и въ случаѣ, еслибы эти припасы назначались не для этой арміи, а для арміи, стоявшей въ Карсѣ и только что разбитой нами при Башъ—Кадыкларѣ, — что пользы было намъ одерживать побѣды и разсѣивать непріятельскія арміи, отбивать у нихъ и артиллерію, и обозъ, если на глазахъ нашихъ мы должны были бы терпѣть, чтобы эти арміи были вновь пополняемы людьми и снабжаемы припасами? Не возражая ни слова противъ мнѣнія Сеймура, будто Россія была не въ правѣ атаковать турецкую эскадру съ подвозами *для Батума*, русскій канцлеръ, очевидно, не признавалъ за Россіею права извлекать пользу отъ своихъ побѣдъ. Наконецъ, говоря о Св. Николаѣ, русскій канцлеръ какъ будто и не слышалъ о вопіющихъ звѣрствахъ Турокъ въ этомъ постѣ, о мученической смерти протоіерея Іеронима, и не молвитъ о нихъ ни слова въ то время, когда на него нападаютъ за „вопіющее побоище въ Синопѣ“; ему и въ голову не приходитъ напомнить англійскому посланнику, что въ Синопѣ Турки понесли вполнѣ заслуженное ими наказаніе за ихъ звѣрства въ Св. Николаѣ...

И послѣ этого русскій канцлеръ вдругъ соглашается, что *„онъ понимаетъ“* чувства, вызванныя въ Англіи и во Франціи относительно Россіи Синопскою побѣдою! И какія же чувства? Развѣ *пониманіе*, въ этомъ случаѣ, не почти равносильно *одобренію?*

Наконецъ, какая надобность была давать завѣреніе, что русское правительство не имѣетъ намѣренія бомбардировать Варну? Вѣдь этимъ завѣреніемъ—безъ сомнѣнія, немедленно переданнымъ въ Константинополь—Турки, конечно, поспѣшили воспользоваться, чтобы вывести изъ Варны свои войска на подкрѣпленіе дунайской арміи! *Авт.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Къ книгѣ приложены: планъ Синопскаго сраженія, портреты П. С. Нахимова и В. А. Корнилова; снимки съ картинъ, изображающихъ: истребленіе турецкой эскадры на Синопскомъ рейдѣ 18-го ноября 1853-го года и „Побѣдный флотъ входитъ 22-го ноября 1853-го года на Севастопольскій рейдъ, буксируемый пароходами“.